

№ 3 (231). МАРТ 2010

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

М. В. ЯКУНЧИКОВА. МОСКВА ЗИМОЙ.
ВИД ИЗ ОКНА НА СРЕДНЮЮ КИСЛОВКУ.
ХОЛСТ, МАСЛО. 1889 ГОД

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Основан
Н. М. Карамзиным
в 1791 году.
Возобновлен
в 1991 году

Литературно-художественный, историко-краеведческий ежемесячный журнал

Учредитель:
Правительство Москвы

Главный редактор А. Ф. Грушина

Редколлегия:
Архиепископ Арсений (Епифанов),
А. А. Белай, Ю. В. Бобровский,
В. Ф. Козлов, В. В. Максименко,
А. С. Матросов, Д. С. Рунге

Художник-верстальщик:
С. В. Васильева

Редактор:
Е. А. Берг

Редактор-корректор:
Г. Н. Жолобова

Распространение: (495) 912-23-04

Издатель: ГУП «Редакция журнала
«Московский журнал. История
государства Российского». 2010

Адрес редакции: 109004, Москва,
Николаямская ул., д. 45/8, стр. 1
Телефон: (495) 911-76-13, 912-94-03
E-mail: mosmag@mosjour.ru
Официальный сайт: www.mosjour.ru
Электронная версия: www.mj.rusk.ru

Свидетельство о регистрации
№ 012120 от 14.04.1999

Подписано к печати 10.02.2010
Печать офсетная
Объем 12 п. л. Формат 64 х 90/8

Тираж 5000 экз.

Заказ №

Отпечатано
в типографии ИПО «Лев Толстой»:
300000, г. Тула, ул. Ф. Энгельса, 70

Материалы основных рубрик
рецензируются

В НОМЕРЕ:

КАК ЭТО БЫЛО 2 Андрей Александрович Иванов
«Лишь бы жила Россия...»
О трагической судьбе Тверского губернатора
Н. Г. фон Бюнтинга (1861–1917)

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ 10 Вера Леонидовна Кошелева
Елена и Мария
О творческой дружбе русских художниц —
Е. Д. Поленовой (1850–1898)
и М. В. Якунчиковой (1870–1902)

ТРУДЫ И ДНИ 22 Тамара Абрамовна Смолицкая
Градостроители
О жизни и творчестве архитекторов
Л. М. Букаловой (1907–1963)
и А. С. Смолицкого (1906–1979)

**К 150-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. П. ЧЕХОВА 32** Владимир Александрович Потресов
«Влияние Чехова на русскую жизнь
бесспорно и велико»
«Чеховская» тема в творчестве
С. Яблоновского (1870–1953)

**ЛЕГЕНДЫ.
ПРЕДАНИЯ. БЫЛИ 46** Евгений Васильевич
Кузнецов-Тобольский
Кладоискание и предания
в Западной Сибири
Отрывки из книги

**ИЗ ИСТОРИИ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
В РОССИИ 54** Евгений Николаевич Трындин,
Стелла Гургеновна Морозова
Трындины
О представителях этой известной москов-
ской купеческой фамилии
(конец XVIII — начало XX века)

ИЗ РУССКОЙ ДУМЫ 68 Архиепископ Никанор (Бровкович)
О значении
семинарского образования
Глава из книги «Поучения, беседы, речи,
воззвания и послания Никанора,
архиепископа Херсонского и Одесского».
(Окончание. Начало в № 2 за 2010 год)

**ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЭКСКУРС 81** Александр Николаевич Потапов
Казачий монастырь
О Свято-Никола-Чернеевском монастыре
Рязанской епархии

**КАРАНДАШОМ,
РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ 93** Екатерина Адольфовна Берг
«Вдохновенный увиденным»
О белорусском художнике А. Н. Захаренко

Андрей Александрович Иванов

«Лишь бы жила Россия...»

О трагической судьбе Тверского губернатора
Николая Георгиевича фон Бюнтинга (1861–1917)

*Николай Георгиевич фон Бюнтинг.
Фотография из архива Е. И. Воцининой*

КАК ЭТО БЫЛО

Н. Г. фон Бюнтинг родился в Санкт-Петербурге. Его мать — баронесса Мария Николаевна фон Медем (1836–1907), начальница Санкт-Петербургского женского училища ордена Святой Екатерины, происходила из старинного нижнесаксонского рода, обосновавшегося в Курляндии. Отец, барон Георг-Вильгельм Карлович фон Бюнтинг (1826–1877), являлся представителем прусской дворянской фамилии. Начав службу на родине, он позже перебрался в Россию, стал генерал-майором свиты императора Александра II, принимал участие в войне с горцами на Кавказе, оставил изданные в 1855 году в Берлине воспоминания «Посещение Шамиля».

Ходили слухи, особенно широко тиражируемые революционной пропагандой, что Н. Г. Бюнтинг — незаконнорожденный сын германского императора Вильгельма I Гогенцоллерна (деда кайзера Вильгельма II) и баронессы Медем¹, однако данная версия вызывает большие сомнения. Ветвь рода Бюнтингов, к которой принадлежал Николай Георгиевич, была внесена в дворянскую родословную книгу Псковской губернии. Семье будущего губернатора принадлежало имение Халахальня, расположенное в пригороде Изборска².

Окончив с золотой медалью Императорское училище правопедения в Петербурге (1883), Н. Г. Бюнтинг завершил свое образование в Берлинском университете. Начал службу в Министерстве юстиции, позже его перевели чиновником в Правительствующий Сенат (1884), а затем в Министерство внутренних дел (1891). Помимо гражданской должности, Николай Георгиевич имел и должность придворную — камер-юнкера.

Уверенно продвигаясь по служебной лестнице, Н. Г. Бюнтинг занимал посты вице-губернатора Курской (с 1897), губернатора Архангельской (с 1904) и Эстляндской (1905–1906) губерний, а 15 апреля 1906 года, в разгар революционных беспорядков, будучи уже действительным статским советником и гофмейстером Высочайшего Двора, был назначен Тверским губернатором, сменив убитого эсеровской бомбой 25 марта П. А. Слепцова. 30 апреля, «помолившись и приложившись к мощам святого благоверного князя Михаила Ярославича, фон Бюнтинг прибыл во дворец (резиденция Тверского губернатора. — *А. И.*) и вступил в управление губернией»³.

В Твери Н. Г. Бюнтинг прослужил 11 лет. Как и многие русские немцы, он был православным, а по политическим взглядам — мо-

*София Михайловна Бюнтинг (урожденная Медем).
Фотография из архива Е. И. Воициной*

нархистом. Состоял членом Тверской Ученой архивной комиссии (1907), местного благотворительного общества «Доброхотная копейка» (1910), Тверского православного братства святого благословенного князя Михаила Ярославича (1911), почетным членом Общества хоругвеносцев в Старице и Торжке и православного братства святой благоверной княгини Анны Кашинской. Имел репутацию прекрасного семьянина и отца. «Образованный, красивый, скромный, деликатный, любящий жену, обожаемый своими детьми. И утомленный бременем ответственности», — такую характеристику дает Николаю Георгиевичу сегодняшняя исследовательница⁴. А вот свидетельство современника — предводителя тверского дворянства и члена Государственного совета П. П. Менделеева: «От природы умный и прекрасно одаренный человек»⁵. Впрочем, не укрылась от него и другая сторона характера губернатора — «гогенцоллерновская самоуверенность и самовлюбленность»⁶.

Николай Георгиевич женился на своей кузине баронессе Софии Михайловне Медем (1876–1948) — выпускнице Екатерининского института благородных девиц. У супругов родилось пять дочерей: Мария (1898), Екатерина (1900), Регина (в доступных нам источниках годы ее жизни отсутствуют), Маргарита (1907–1938) и София (1912–1992).

Что же касается политических взглядов Бюнтинга, то их он четко выразил

КАК ЭТО БЫЛО

Тверской императорский путевой дворец — резиденция тверских губернаторов. Фотография конца XIX века из архива Тверской областной картинной галереи

**СВОИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
Н. Г. БЮНТИНГ ЧЕТКО ВЫРАЗИЛ
В ОБРАЩЕНИИ К ИМПЕРАТОРУ:
«НЕ В МЯТЕЖАХ И НАРОДНЫХ
ВОЛНЕНИЯХ, НЕ ОТ ЧУЖДЫХ РОССИИ
ФОРМ НАРОДОПРАВСТВА ЖДЕТ
НАСЕЛЕНИЕ СПОКОЙСТВИЯ И БЛАГА
РОДИНЕ, НО ТОЛЬКО ОТ ВАС,
САМОДЕРЖАВНЫЙ ГОСУДАРЬ».
В 1917 ГОДУ ЧЬЯ-ТО РУКА ВЫВЕЛА
НА ЕГО ФОТОГРАФИИ:
«ВРАГ РЕВОЛЮЦИИ.
ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНАТОР БЮНТИНГ —
ВЕРНЫЙ СЛУГА ЦЕРКВИ И ЦАРЯ».**

еще в 1904 году в обращении к императору: «Не в мятежах и народных волнениях, не от чуждых России форм народоправства ждет оно (население. — *А. И.*) спокойствия и блага родине, но только от Вас, самодержавный Государь». Уже при новой власти, в 1917 году, чья-то рука вывела на его фотографии: «Враг Революции. Тверской губернатор Бюнтинг — верный слуга церкви и царя»⁷.

Губернаторство Н. Г. Бюнтинга пришлось на роковое для России время, омраченное поражением в войне с Японией, революционной смутой 1905–1907 годов, политическими убийствами. Он вел в Твери жесткую борьбу с революционными беспорядками, за верную службу к 1916 году удостоившись орденов Святой Анны I степени, Святого Станислава I степени, Святого Владимира II, III и IV степеней.

Однако, несмотря на честное исполнение Бюнтингом своего служебного долга и их с супругой обширную деятельность на ниве благотворительности, популярность Тверского губернатора в годы Первой мировой

Благотворительное собрание в парадном зале дворца. Фотография начала XX века из архива Тверской областной картинной галереи

Н. Г. Бюнтинг открывает новый мост через Волгу в городе Ржеве. Фотография 1911 года. (Россия в кинокадре. 1896–1916. М., 2007)

КАК ЭТО БЫЛО

войны начала стремительно падать. «Забушевавшие в России <...> волны ненависти к немцам докатились и до Твери, всею силою своею ударив по Бюнтингу. <...> Городское население, особенно многочисленные фабричные, припомнило его родство с Гогенцоллернами. Создалось в городе твердое убеждение не только в симпатиях Бюнтинга к немцам, но и в тайных сношениях его с Германией. Уверяли, что изготавливаемые в губернаторском дворце вещи посылаются с тайными агентами не на русский, а на германский фронт. Пошли разговоры об измене. <...> В первые же месяцы войны возбужденная толпа несколько раз окружала дворец с криками: «Долой немца, долой предателя!» <...> Авторитетные в Твери лица не раз в частных беседах советовали Бюнтингу оставить Тверь»⁸.

Едва ли следует здесь доказывать вздорность этих слухов. Н. Г. Бюнтинг, подобно многим русским немцам, был патриотом России, хотя, вне всякого сомнения, русско-германскую войну воспринял трагически. Его супруга однажды в частной беседе, говоря о нездоровье мужа, посетовала: «Как быть ему здоровым! Разве он может не волноваться — ведь те, кто там (то есть в Германии. — *А. И.*) сражаются, ему свои. Это ужасно!»⁹. Столь неосторожное высказывание Софии Михайловны общество тут же подхватило, лишней раз утвердившись в своих подозрениях. Поэтому П. П. Менделеев, беседуя в конце 1915 года с министром внутренних дел А. Н. Хвостовым, счел необходимым заметить: «Если нам суждено претерпеть революционные вспышки — неминуемой их жертвой в Твери станет Бюнтинг»¹⁰. В верхах решили перевести Николая Георгиевича из Твери в Петроград, назначив его сенатором, однако тот наотрез отказался.

Февральская революция разразилась, когда Н. Г. Бюнтинг находился в отпуске. Но в отличие от многих царских чиновников, поспешивших либо скрыться, либо продемонстрировать свою лояльность побеждавшей стороне, Николай Георгиевич, прервав отпуск, 1 марта вместе с семьей возвратился в Тверь, где к тому времени образовался «комитет общественной безопасности», состоявший преимущественно из членов кадетской партии и земцев-либералов. Как вспоминал позже выдающийся православный миссионер и духовный писатель митрополит Вениамин (Федченков), бывший в то время ректором Тверской духовной семинарии, «этот комитет взял власть в свои руки и предложил губернатору Н. Г. фон Бюнтингу сдать им дела,

*Митрополит Вениамин (Федченков).
Фотография 1920 года*

КОГДА РАЗРАЗИЛАСЬ ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, Н. Г. БЮНТИНГ, В ОТЛИЧИЕ ОТ МНОГИХ ЦАРСКИХ ЧИНОВНИКОВ, ПОСПЕШИВШИХ ЛИБО СКРЫТЬСЯ, ЛИБО ПРОДЕМОНСТРИРОВАТЬ СВОЮ ЛОЯЛЬНОСТЬ ПОБЕЖДАВШЕЙ СТОРОНЕ, ПРЕРВАЛ ОТПУСК И СРОЧНО ВОЗВРАТИЛСЯ В ТВЕРЬ, РЕШИВ НЕ ПОКИДАТЬ ВВЕРЕННЫЙ ЕМУ ПОСТ, ЧЕМ БЫ ЭТО НИ ОБЕРНУЛОСЬ, И ТЕЛЕГРАФИРОВАВ НИКОЛАЮ II О СВОЕЙ ГОТОВНОСТИ СТОЯТЬ ДО КОНЦА — «ЛИШЬ БЫ ЖИЛА РОССИЯ И БЛАГОДЕНСТВОВАЛ ЦАРЬ!»

КАК ЭТО БЫЛО

*И. А. Владимиров. Революция.
Бумага, акварель. 1918 год*

КАК ЭТО БЫЛО

а самому куда-нибудь с семьей заблаговременно скрыться от смертной опасности». То же советовали Бюнтингу и начальники воинских частей, предупреждавшие, что не смогут защитить губернатора от возможных эксцессов. Но все подобные предложения Николай Георгиевич категорически отклонил, решив не покидать вверенный ему пост, чем бы это ни обернулось. Между тем разнеслась весть: войска вышли из повиновения офицерам, а рабочие организуются для похода на губернаторский дворец. Видя, что события начинают приобретать угрожающий поворот, Бюнтинг отправил детей и жену из города, сам же остался, телеграфировав Николаю II о своей готовности стоять до конца — «лишь бы жила Россия и благоденствовал царь!». ¹¹ Но телеграмма до адресата не дошла, так как государя к тому моменту уже задержали на станции Дно... Ночь накануне трагедии Н. Г. Бюнтинг не спал, приводил в порядок дела. «А потом, отрываясь от дел, губернатор (хотя его фамилия была явно немецкая, но он был хорошим православным) часто подходил к иконе Божией Матери, стоявшей в его кабинете, и на коленях молился. Несомненно, он ожидал смерти, готовился исполнить свой долг присяги царю до конца... Что и говорить, это достойно уважения и симпатии во все времена и при всяких образах правления!» — писал владыка Вениамин ¹².

Слуги и чиновники тем временем разбежались, с Николаем Георгиевичем оставался лишь преданный ему Н. А. Унковский, который «долго не хотел оставлять его одного и ушел только по его настоянию. <...> Прощаясь, Бюнтинг сказал, что не сомневается в ожидающей его, Бюнтинга, тяжелой участи» ¹³.

УВИДЕВ СКОПЛЕНИЕ ЛЮДЕЙ ВОКРУГ СВОЕГО ДОМА, БЮНТИНГ СРАЗУ ВСЕ ПОНЯЛ И ЕДИНСТВЕННОЕ, ЧТО УСПЕЛ СДЕЛАТЬ, — ИСПОВЕДАТЬСЯ ПО ТЕЛЕФОНУ ВИКАРНОМУ ЕПИСКОПУ. ВСКОРЕ РАБОЧИЕ И СОЛДАТЫ ВОРВАЛИСЬ В ГУБЕРНАТОРСКУЮ РЕЗИДЕНЦИЮ, СХВАТИЛИ БЮНТИНГА И ПОТАЩИЛИ К ГОРОДСКОЙ УПРАВЕ, А ЗАТЕМ ПОД КОНВОЕМ ОТПРАВИЛИ НА ГАУПТВАХТУ. ВСТРЕТИВШАЯСЯ ПО ПУТИ ТОЛПА, УВИДЕВ «ЦАРСКОГО САТРАПА», ОТБИЛА ЕГО У СОПРОВОЖДАЮЩИХ, ПОВАЛИЛА НА ЗЕМЛЮ И СТАЛА ЯРОСТНО ТОПТАТЬ НОГАМИ, ПОКА КТО-ТО НЕ ЗАСТРЕЛИЛ НЕСЧАСТНОГО.

Губернатор не ошибся. 2 марта 1917 года, в день отречения императора Николая II от престола, вставшие в «революционное» буйство солдаты и жители Твери растерзали Николая Георгиевича на Соборной площади. Увидев скопление людей вокруг своего дома, он сразу все понял и единственное, что успел сделать, — связался с находившимся в городе

*И. А. Владимиров.
Арест
генералов
в февральские дни
1917 года.
Холст, масло.
1918 год*

КАК ЭТО БЫЛО

викарным епископом (впоследствии — архиепископом) Арсением (Смоленцем) и исповедался ему по телефону. Вскоре рабочие Морозовской мануфактуры вместе с солдатами 196-го Запасного полка ворвались в губернаторскую резиденцию, располагавшуюся в Пугачевом дворце, схватили Бюнтинга, продолжавшего сидеть за рабочим столом, и потащили к городской управе, в «комитет общественной безопасности», а затем под конвоем отправили на гауптвахту. Однако встретившаяся по пути толпа, увидев «царского сатрапа», отбила его у сопровождающих, повалила на землю и стала яростно топтать ногами, пока кто-то не застрелил несчастного (по другому свидетельству, Бюнтинга закололи штыками)¹⁴.

Подробно рассказал об этой трагедии митрополит Вениамин (Федченков):

«Губернатору полиция по телефону сообщила обо всем. Видя неизбежный конец, он захотел <...> исповедаться перед смертью, но было уже поздно. Его личный духовник, прекрасный старец протоиерей Лесоклинский, не мог быть осведомлен: времени осталось мало. Тогда губернатор звонит викарному епископу Арсению и просит его исповедать по телефону. <...> Это был, вероятно, единственный в истории случай такой исповеди и разрешения грехов. <...> В это время толпа ворвалась уже в губернаторский дворец. <...> Учинила, конечно, разгром. Губернатора схватили, но не убили. По чьему-то совету <...> повели его в тот самый «комитет», который уговаривал его уехать из города. <...> Сначала по улице шли мимо архиерейского дома еще редкие сол-

даты, рабочие и женщины. Потом толпа все сгущалась. Наконец видим — идет губернатор в черной форменной шинели с красными отворотами и подкладкой. Высокий, плотный, прямой, уже с проседью в волосах и небольшой бородой. Впереди него было еще свободное пространство, но сзади и с боков была многотысячная сплошная масса взбунтовавшегося народа. Он шел точно жертва, не смотря ни на кого. А на него — как сейчас помню — заглядывали с боков солдаты и рабочие с недобрыми взорами. <...> Масса не позволяла его арестовать, а требовала убить тут же. Напрасны были уговоры. <...> Я думал: вот теперь пойти и тоже сказать: не убивайте! Может быть, бесполезно? А может быть, и нет? <...> Увы, ни я, ни кто другой не сделали этого... И с той поры я всегда чувствовал, что мы, духовенство, оказались не на высоте своей... <...> Думаю, в этот момент мы, представители благостного Евангелия, экзамена не выдержали — ни старый протоиерей, ни молодые монахи... И потому должны были потом отстрадывать.

Толпа требовала смерти. Губернатор, говорили, спросил:

— Я что сделал вам дурного?

— А что ты нам сделал хорошего? — перерезала его женщина. <...>

И тут кто-то, будто бы желая даже прекратить эти мучения, выстрелил из револьвера губернатору в голову. Однако толпа — как всегда бывает в революции — не удовлетворилась этим. Кровь — заразная вещь. Его труп извлекли на главную улицу, к памятнику прежде убитому губернатору Слепцову. Это мы опять видели. Шинель сняли с него и бросили на круглую верхушку небольшого дерева около дороги красной подкладкой вверх. А бывшего губернатора толпа стала топтать ногами... Мы смотрели сверху и опять молчали... Наконец (это было уже, верно, к полудню или позже) все опустело. Лишь на середине улицы лежало растерзанное тело. Никто не смел подойти к нему»¹⁵.

Лишь поздним вечером епископ Арсений вместе с духовником убитого протоиереем М. Я. Лесоклинским, погрузив тело губернатора на возок, увезли его.

Естественно, никаких некрологов местная революционная пресса не поместила. «Вестник Тверского временного исполнительного комитета» лаконично сообщал: «В Тверской губернии старые власти устранены». О подробностях «устранения» не говорилось. В следующих номерах газета с восторгом писала: «Не чудо ли свершилось? И свершилось это чудо удивительно быстро и поразительно

**«ОДНАКО ТОЛПА
НЕ УДОВЛЕТВОРИЛАСЬ ЭТИМ.
КРОВЬ — ЗАРАЗНАЯ ВЕЩЬ.
ТРУП ИЗВЛЕКЛИ НА ГЛАВНУЮ УЛИЦУ.
<...> ШИНЕЛЬ СНЯЛИ С НЕГО И БРОСИЛИ
<...> КРАСНОЙ ПОДКЛАДКОЙ ВВЕРХ.
А БЫВШЕГО ГУБЕРНАТОРА ТОЛПА
[ВНОВЬ] СТАЛА ТОПТАТЬ НОГАМИ...
НАКОНЕЦ <...> ВСЕ ОПУСТЕЛО.
ЛИШЬ НА СЕРЕДИНЕ УЛИЦЫ ЛЕЖАЛО
РАСТЕРЗАННОЕ ТЕЛО.
НИКТО НЕ СМЕЛ ПОДОЙТИ К НЕМУ».**

КАК ЭТО БЫЛО

Архиепископ Арсений (Смоленец).

Фотография конца 1920-х — начала 1930-х годов

искусно. Ни лишних жертв, ни шума ненужного. Словно таинство совершил народ! При таком начале в переустройстве жизни народ может создать себе великое будущее». «Тверь

преобразилась. Революция всколыхнула это сонное болото, и оно зашевелилось. <...> Всякий что-нибудь да делает на ниве народного переустройства»¹⁶.

Супруга Н. Г. Бюнтинга София Михайловна попыталась перевезти тело мужа в Халахальню, чтобы похоронить его там в семейной усыпальнице, но ей удалось добраться лишь до Пскова. По некоторым данным, тайное отпевание Н. Г. Бюнтинга совершил в тверской Скорбященской церкви протоиерей М. Я. Лесоклинский, а погребли покойного губернатора в пещерах Псково-Печерского монастыря. Затем семья Бюнтингов эмигрировала в Париж. По Тартускому миру (1920) территория, где находилась Халахальня, отошла к Эстонии, и в 1920-х годах вдова и младшая дочь Н. Г. Бюнтинга София вернулись в родные края (в 1927 году семья окончательно переезжает в имение, продав квартиру в Париже). В 1934-м София вышла замуж за графа Николая Петровича Апраксина (1910–1941) — сына видного русского монархиста, одного из руководителей Русского собрания П. Н. Апраксина (1876–1962). София же Михайловна спустя два года переехала в Печоры, где построила себе дом вблизи монастыря. К этому периоду относится ее активное участие в деятельности Комитета защиты интересов русских, женского отделения при Печорском обществе просвещения. После занятия Прибалтики частями Красной Армии С. М. Бюнтинг с дочерью Софией и внуками перебрались в Бельгию¹⁷.

¹Р. С. Сын Вильгельма I // Вестник Тверского временного исполнительного комитета. 1917. 8 марта.

²Маркова М. Т. Имение Халахальня // Псковские хроники. 2001. №1 (20).

³Сорина Л. М. Николай Георгиевич Бюнтинг // Тверские губернаторы. К 200-летию образования Тверской губернии. Тверь, 1996. С. 57.

⁴Там же. С. 60.

⁵Менделеев П. П. Свет и тени в моей жизни. Воспоминания (ГАРФ. Ф. 5971, оп. 1, д. 111, л. 77).

⁶Там же. Л. 84

⁷Сорина Л. М. Указ. соч. С. 58.

⁸Менделеев П. П. Указ. соч. Л. 21–22.

⁹Там же. Л. 22–23.

¹⁰Там же. Л. 76.

¹¹Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М., 1994. С.144–145.

¹²Там же. С. 145.

¹³Менделеев П. П. Указ. соч. Д. 112, л. 14.

¹⁴Как был убит Бюнтинг // Русское слово. 1917. 8 (21) марта.

¹⁵Митрополит Вениамин (Федченков). Указ. соч. С. 146–148.

¹⁶Вестник Тверского временного исполнительного комитета. 1917. 9, 19 марта.

¹⁷Маркова М. Т. Указ. соч.

Вера Леонидовна Кошелева

Елена и Мария

О творческой дружбе русских художниц —
Елены Дмитриевны Поленовой (1850–1898)
и Марии Васильевны Якунчиковой (1870–1902)

*В. В. Матэ. Елена Дмитриевна Поленова.
Гравюра. Начало 1890-х годов*

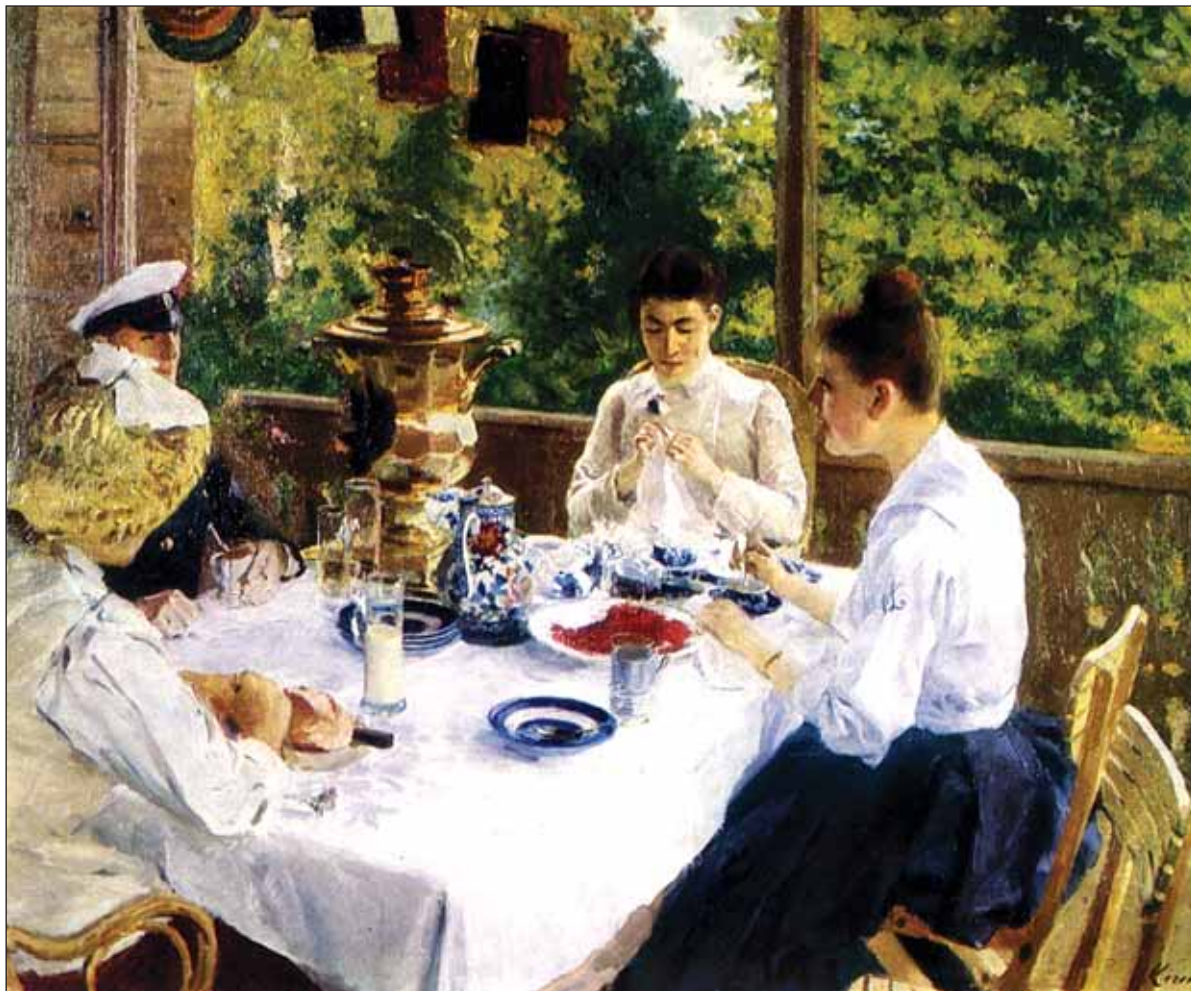
*Мария Васильевна Якунчикова.
Фотография 1890-х годов*

Обе они принадлежали к знаменитым династиям — Поленовых-Львовых и Якунчиковых-Мамонтовых. Прадедом Е. Д. Поленовой по линии матери был Николай Александрович Львов (1751–1803/04) — академик, талантливый архитектор, писатель, музыкант, собиратель фольклора, а прадедом по линии отца — Алексей Яковлевич Поленов (1738–1816), историк, просветитель, автор труда «О крепостном состоянии в России». Мать Елены, Мария

Алексеевна Поленова (1816–1896), написала детскую книгу «Лето в Царском Селе», выдержавшую пять изданий. Будучи способной художницей-любительницей, она давала первые уроки рисования своим детям. Отец, Дмитрий Васильевич Поленов (1806–1878), — историк, библиограф, член-корреспондент Петербургской Академии наук, с детства занимался с сыновьями и дочерьми историей, прививая им стремление изучать памятники древнерусской культуры.

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

К. А. Коровин. *За чайным столом*. Холст, масло. 1888 год

В 1882 году дворянский род Поленовых породнился с купеческим родом Якунчиковых: сводная сестра М. В. Якунчиковой Наталья Васильевна вышла замуж за художника Василия Дмитриевича Поленова (1844–1927) — старшего брата Елены Дмитриевны. Однако духовное и эстетическое влияние Поленовых-Львовых Маша Якунчикова испытала задолго до того, еще в раннем детстве. Ее отец, Василий Иванович Якунчиков (1827–1907), известный московский промышленник и меценат, приобрел в 1864 году для своей жены Зинаиды Николаевны Якунчиковой (урожденной Мамонтовой) усадьбу Введенское в окрестностях подмосковного Звенигорода. С тех пор многочисленная семья Якунчиковых с ранней весны до поздней осени жила в великолепном двухэтажном дворце, возвышающемся на высоком берегу реки и со всех сторон окруженном вековыми лесами. Этот шедевр русской архитектуры был возведен в конце XVIII века Н. А. Львовым — прадедом Елены Дмитриевны Поленовой.

Введенское с его гармонией природы и архитектуры стало духовной, поэтической и художественной родиной Марии Якунчиковой. Здесь она впервые серьезно увлеклась

рисованием и стала брать уроки живописи у художника-педагога Н. А. Мартынова. В 1885 году Мария поступает вольнослушательницей в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, а вскоре тесно сближается с семьей Поленовых и становится неизменной участницей поленовских рисовальных вечеров, где работает вместе с В. А. Серовым, И. И. Левитаном, И. С. Остроуховым, М. А. Врубелем, братьями В. М. и А. М. Васнецовыми и К. А. и С. А. Коровиными. Сохранившиеся ее работы 1887–1889 годов, сделанные на этих знаменитых вечерах, которые брат и сестра В. Д. и Е. Д. Поленовы организовали в своем московском доме, отмечены уверенностью и раскованностью рисунка, умением передать эмоциональное состояние персонажей. Марию Якунчикову очаровывает царившая здесь атмосфера творческого вдохновения. Но особенно доверительные и заинтересованные отношения связывают ее с Е. Д. Поленовой. Как отмечали все близко знавшие художницу, она обладала особым даром внушать людям веру в себя, направлять и воодушевлять их. Это юная Маша Якунчикова сразу же почувствовала на себе и всегда чувствовала впоследствии.

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

Е. Д. Поленова. Старый сад. Заросли.
Бумага, акварель.
1887 год.
Государственный Русский музей

Е. Д. Поленова. Подсолнухи.
Холст, масло. 1885 год.
Государственный мемориальный
историко-художественный и природный
музей-заповедник В. Д. Поленова

Вторая половина 1880-х годов (время наиболее насыщенных отношений между Поленовой и Якунчиковой) оказалась чрезвычайно плодотворной в творчестве Елены Дмитриевны. Тогда ею было создано более ста акварельных пейзажей, с неизменным успехом экспонировавшихся на выставках в Петербурге и Москве и высоко оцененных И. Е. Репиным, П. П. Чистяковым, П. М. Третьяковым — последний приобретал их для своей галереи. Якунчикова, восхищенная пейзажами Поленовой, самозабвенно работает вместе с ней на пленэре в Абрамцеве и Жуковке, на даче у Поленовых близ Мытищ, где проводит лето 1887 и 1888 годов. Дружескую неразлучность Елены и Марии в это время запечатлел Константин Коровин на полотне «За чайным столом» (1888).

Марию Якунчикову в начальный период творчества больше интересовали пейзажи с широким охватом природы, с высоким небом и дальним горизонтом. Однако позже выработанная Поленовой оригинальная манера — останавливать в «первопланных» пейзажах свой взор на узорочье трав и цветов, на переплетении листьев, ветвей и стволов деревьев — нашла продолжение в картинах-панно Якунчиковой, выполненных маслом с выжиганием рисунка иглой по дереву: достаточно сравнить «Завод в Абрамцеве» (1888), «Желтые цветы» (1885), «Подсолнухи» (1885), «Старый сад. Заросли» (1887) Елены Поленовой и «Весло» (1896), «Окно» (1896), «Осинка и елочка» (1896), «Каштановая аллея» (1899) Марии Якунчиковой.

Но не только поиски нового живописного языка волновали обеих художниц. Елене Дмитриевне была очень близка и дорога идея сохранения поэтических традиций народного творчества, в чем бы они ни проявлялись: в прикладном искусстве, старинной деревянной архитектуре, в сказках и прибаутках. В 1885 году она возглавила Абрамцевскую художественную столярно-резчицкую мастерскую и вместе с Е. Г. Мамонтовой организовала там первый в России музей народного прикладного искусства. С присущей ей увлеченностью художника и основательностью исследователя Поленова извезла полстраны, изучая особенности русской народной резьбы по дереву в различных губерниях. Крупные вещи зарисовывала в альбом, а все, что можно было приобрести — ковши, прялки, передки телег и саней и так далее, — привозила в музей. Собираательством и изучением народного прикладного искусства Елена Дмитриевна увлекла многих членов Абрамцевского художественного кружка,

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

*М. В. Якунчикова. Окно.
Выжигание по дереву, масло.
1896 год.*

Государственная Третьяковская галерея

*М. В. Якунчикова.
Осинка и елочка.*

*Выжигание по дереву, масло. 1896 год.
Государственная Третьяковская галерея*

*Е. Д. Поленова.
Эскиз деревянной резной двери.
1891—1894 годы*

но особенно Марию Якунчикову. За девять лет работы в художественно-резчицкой мастерской Поленова создала более ста эскизов деревянных резных изделий (от шкатулок и ларчиков до целых мебельных гарнитуров), пользовавшихся огромной популярностью как в России, так и на Западе. Вершиной ее творчества в данной области прикладного искусства станет оригинальный проект двери в русском сказочном стиле, над которым художница работала с 1891 по 1894 год.

Пройдет пять лет, и в 1899 году М. В. Якунчикова вслед за своей подругой и наставницей также скажет свое слово в этом виде декоративно-прикладного искусства.

В середине 1880-х годов еще одна сторона творчества Елены получит глубокое поэтически-философское развитие в живописи Марии. Речь идет об архитектурных пейзажах Якунчиковой.

Русской архитектурой, особенно старинным деревянным народным зодчеством, Елена Дмитриевна интересовалась с отроческих лет, когда вместе с родственниками проводила многие месяцы в родовом поместье Имоченцы Олонецкой губернии. Этот интерес возрос во время поездок по России в поисках экспонатов для Абрамцевского музея, когда Поленова изучала и воссоздавала эстетику не только русского орнамента, но и древнерусского деревянного зодчества, а также

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

памятников устного народного творчества. Общась в отдаленных деревнях с крестьянами, Елена Дмитриевна записывала с их слов сказки, присказки и поговорки, отсутствовавшие в сборниках А. Н. Афанасьева и других изданиях. Здесь ее ждало не одно открытие. Так, записав в глухой северной деревне текст народной сказки «Сынко-Филипко», рассказывающей о мальчишке, вырезанном из чурбанчика и оживленном любовью и теплом матери, она убедительно доказала, что данный сюжет является архетипическим для русской культуры, то есть не был заимствован из западноевропейских литературных источников.

Е. Д. Поленова первая в отечественной живописи создала целый ряд цветных иллюстраций к русским народным сказкам. Осуществлению этого замысла она посвятила двенадцать лет жизни. Акварельные иллюстрации к сказкам «абрамцевского» периода выполнялись в 1886–1889 годах на глазах Марии Якунчиковой. Многие из них представляют органическое единство пейзажей русской природы, фантазий по мотивам национальных орнаментов и древнерусской деревянной архитектуры. На эту особенность «сказочных» акварелей Елены Поленовой, передающих «поэзию

и аромат древнерусского склада», в свое время обратил внимание еще известный художественный и музыкальный критик В. В. Стасов. А современные исследователи считают, что участие Е. Д. Поленовой в формировании «неорусского стиля» в архитектуре неоспоримо. Причем оно было дополнено достижениями ее друзей и младших товарищей по творчеству — М. В. Якунчиковой, К. А. Коровиным, А. Я. Головиным, каждый из которых в той или иной степени испытал на себе влияние Поленовой.

Изображения русской архитектуры остались столь же замечательными в иллюстрациях Е. Д. Поленовой к сказкам второго, «костромского», периода: панорама деревянного города (сказка «Отчего медведь стал куцый»), деревянное крылечко с северной резьбой и коньком на фоне водной глади (прибаутка «Сорока-ворона»), постройки, изукрашенные фантастическим орнаментом (сказки «Сынко-Филипко», «Плутватый мужик», «Козлихина семья»)...

В 1886 году Елена Дмитриевна организовала археологический кружок, где изучались исторические и архитектурные памятники Москвы и Подмосковья. Это увлечение плодотворно повлияло на многих участников кружка — достаточно назвать Аполлинария

Е. Д. Поленова. Иллюстрации к русским народным сказкам и прибауткам

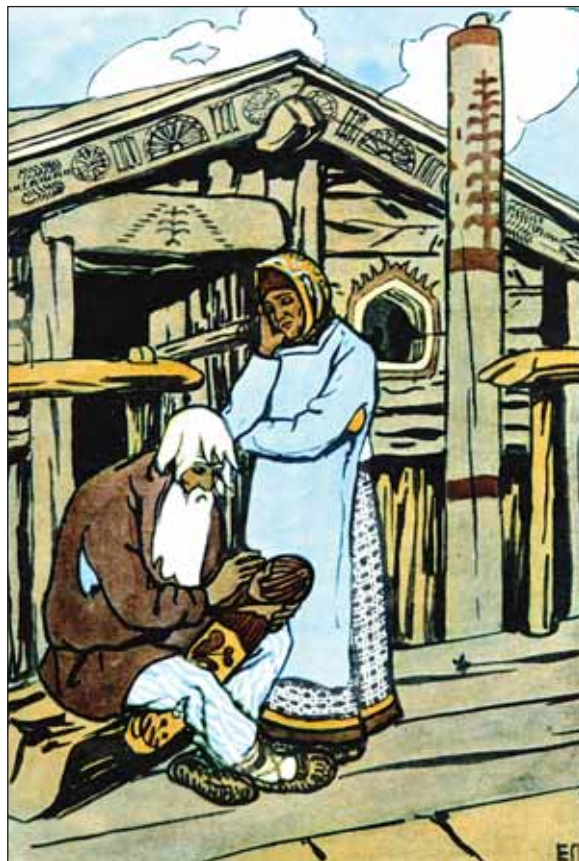

«Белая уточка».

1886–1889 годы.

Государственный мемориальный
историко-художественный

и природный музей-заповедник В. Д. Поленова

«Сынко-Филипко».

1890-е годы.

Государственный Русский музей

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

*«Война грибов». 1886—1889 годы.
Государственный мемориальный
историко-художественный
и природный музей-заповедник В. Д. Поленова*

*«Козлихина семья». 1890-е годы.
Государственный Русский музей*

*«Сорока-ворона». 1890-е годы.
Государственный Русский музей*

*«Плутоватый мужик». 1890-е годы.
Государственный Русский музей*

Васнецова и Сергея Иванова, но особенно заметно оно отразилось в работах Марии Якунчиковой, для которой поэтические образы древнего зодчества и классицизма на фоне русского пейзажа становятся главным мотивом творчества.

В 1886 году обе художницы задумали картины на исторические темы. Поленова написала свое первое жанровое полотно маслом «Иконописная мастерская XVI столетия», в апреле 1887 года получившее вторую премию на конкурсе Общества поощрения художеств в Санкт-Петербурге, а Якунчикова выполнила два исторических этюда: «Царь посещает заключенных» и «Царь в молельне» — эта работа удостоилась первого номера в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1886).

В начале 1889 года врачи обнаружили у Марии Якунчиковой начавшийся туберкулезный процесс в легких. Художнице пришлось прервать занятия в училище и отправиться на лечение в Биарриц (Франция). Неоценимую поддержку в это трудное время Марии оказала Е. Д. Поленова, в своих письмах вселявшая в юную подругу веру в выздоровление. Слова Елены Дмитриевны сбылись: за лето, проведенное в Биаррице, Якунчикова окрепла и осенью поступила в академию Р. Жюльена в Париже. Общение продолжалось в письмах.

Зимы Якунчикова проводила в Париже, а летом приезжала на родину — набираться, по ее словам, «русского духа». Вместе с Поленовой она работает на пленэре в Абрамцево и в Бёхове — новом имении Поленовых на Оке; в Введенском создает картины «Саввин монастырь» (начало 1890-х), «С колокольни Саввино-Сторожевского монастыря близ Звенигорода» (1891).

Е. Д. Поленова в это время работает маслом в жанровой живописи («Шарманщики». 1889, «Гости». 1891, «В детской». 1892), пишет свой автопортрет в «нежном возрасте», о чем подробно рассказывает в письмах Якунчиковой.

Весной 1895 года Елена Дмитриевна совершает путешествие в Италию и Францию; в Париже встречается с подругой и предлагает той написать картину на тему «Северные монастыри» для Народно-исторических выставок Московского товарищества художников в провинциальных городах России, программу которых она разрабатывала. Сама Поленова создала для этих выставок три картины на темы русской истории: «Масленица» (1896), «Видение Бориса и Глеба воинам Александра Невского» (1896), «Князь Борис

перед убиением» (1896). Стремясь обеспечить Марии Якунчиковой заслуженное признание на родине, Елена Дмитриевна содействовала ее участию в организованной в 1896 году И. Е. Репиным в Петербурге «Выставке опытов художественного творчества», где экспонировались картины-панно Якунчиковой, выполненные маслом по дереву с выжиганием контура иглой. «Очень оригинальны», — одобрительно отозвался о них Репин.

Осенью 1896 года Мария Якунчикова вышла замуж за врача Льва Николаевича Вебера, всей душой преданного ей и высоко ценившего ее талант. Хотя личная жизнь связывала художницу с Парижем, ее творческие помыслы устремлялись в Россию. В 1897 году Якунчикова пишет ряд работ на «русскую» тему — дивные симфонии в красках: «Церковь старой усадьбы. Черемушки, близ Москвы», «Монастырские ворота Саввино-Сторожевского монастыря близ Звенигорода», «Из окна старого дома. Введенское».

Осенью того же года Е. Д. Поленова снова едет во Францию. Врачи рекомендовали ей путешествие и отдых. Никто не догадывался, что сильные головные и глазные боли являются не симптомами переутомления, а первыми признаками грозного заболевания — следствия ушиба о мостовую в результате уличной катастрофы в апреле 1896 года. Весной 1898-го Поленовой становится немного лучше, и она с радостью принимает предложение Якунчиковой работать в ее парижской мастерской.

В те дни Елена Дмитриевна была поглощена подготовкой эскизов оформления Кустарного отдела русского павильона к предстоящей Всемирной Парижской выставке 1900 года и увлекает этой деятельностью Якунчикову. В Париже Поленова трудится над проектом «Русская столовая» для загородного дома родственников Марии Васильевны в подмосковном имении Нара и выполняет эскизы панно «Цвет папоротника», «Жар-птица» и многочисленных орнаментов резьбы по дереву, которые публикует английский журнал «Артист», назвав их «истинно национальным проектом, где легенда и сказка талантливо применены к украшению плоских поверхностей». Якунчикова решает попробовать свои силы и в этих видах декоративно-прикладного искусства.

Между тем она ждет ребенка, мечтает, чтобы его первые сознательные впечатления были о русской жизни. Отсюда пристальный интерес к «сказочным» иллюстрациям, над которыми Елена Дмитриевна продолжала работать и в Париже, готова к изданию

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

Живописные работы М. В. Якунчиковой

*Саввин монастырь.
Бумага, акварель. Начало 1890-х годов.
Государственный Русский музей*

*С колокольни Саввино-Сторожевского монастыря
близ Звенигорода. Бумага, пастель. 1891 год.
Государственная Третьяковская галерея*

*Из окна старого дома. Введенское.
Холст, масло. 1897 год.
Государственная Третьяковская галерея*

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

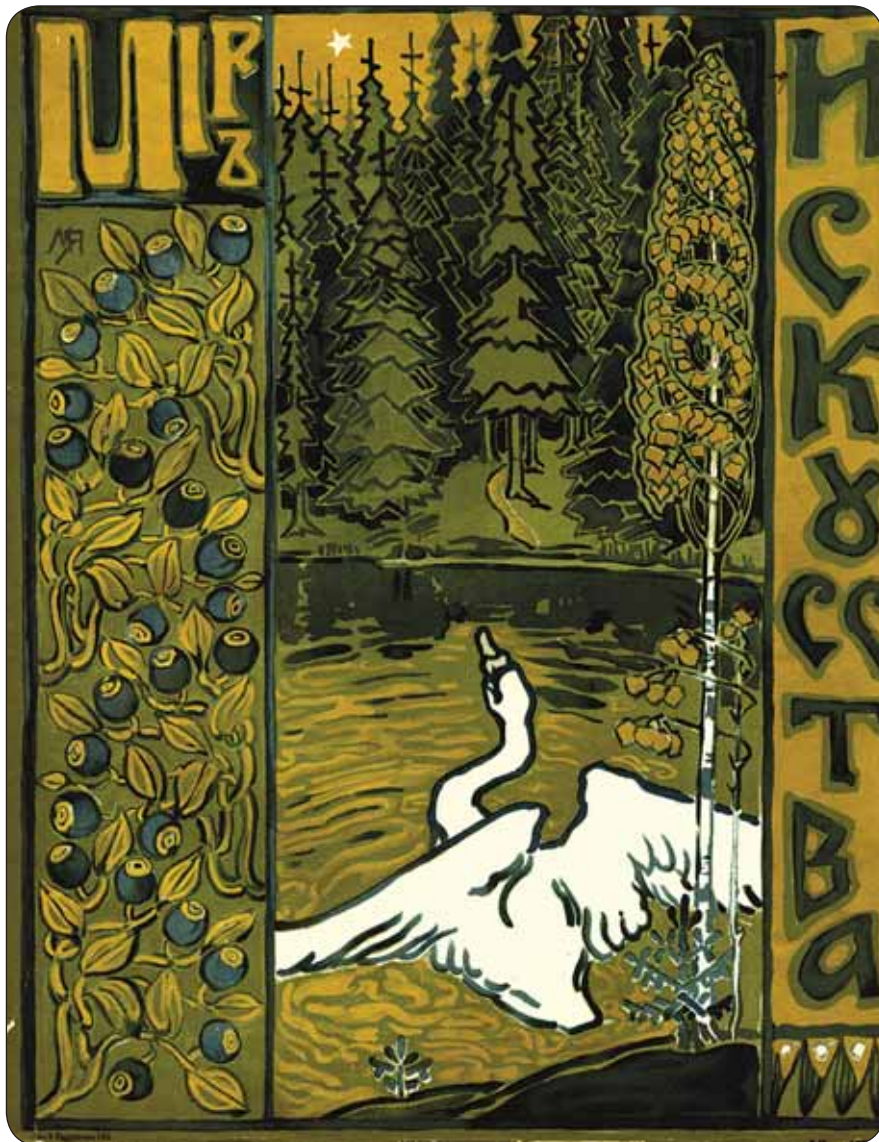
«костромской» цикл. Из «абрамцевского» цикла Поленовой удалось издать при жизни только сказку «Война грибов» (М., 1889). Тем не менее это стало выдающимся событием — первой в истории отечественного книгоиздания художественно оформленной русской книжкой для детей с оригинальным шрифтом, нарисованным самой художницей.

«Костромской» цикл сказок увидел свет уже после смерти Поленовой. В 1906 году в Мюнхене были изданы три книжки, куда вошли сказки «Сынко-Филипко», «Жадный мужик», «Злая мачеха», «Козлихина семья», «Отчего медведь стал куцый», «Плутоватый мужик», а также прибаутки «Сорока-ворона», «Рыжий и красный» и другие. Современники назвали их «чарующим документом о русских детях и о русской народной душе». Они не переиздавались более ста лет и давно стали библиографической редкостью.

В апреле 1898 года, еще находясь в Париже, Е. Д. Поленова получила приглашение к сотрудничеству от главного редактора будущего журнала «Мир искусства» С. П. Дягилева и успела выполнить конкурсный эскиз обложки первого номера. Летом по ее рекомендации такое же предложение получила Якунчикова. В августе, уже тяжело больная, Елена Дмитриевна пишет подруге из Москвы и настоятельно просит ее выполнить обложку «Мира искусства», будто оставляя завешание.

В год (и даже месяц) смерти Е. Д. Поленовой у М. В. Якунчиковой родился сын Степан. Это трагическое событие от нее долго скрывали. Узнав наконец о случившемся, она сетовала в письме к сестре: «Только одно слово может выразить всю силу потери — я осиротела».

Вместе с тем Мария Васильевна считает себя обязанной творить теперь за двоих, чтобы осуществить «чудесные замыслы»

М. В. Якунчикова. Обложка журнала «Мир искусства». 1899 год

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

*М. В. Якунчикова. Городок зимой. Бумага, акварель, гуашь, золотая краска. 1898 год.
Государственный Русский музей*

и «интересные проекты» безвременно ушедшей подруги и наставницы. Особенно привлекают Якунчикову русские темы, стиль национального романтизма и мотивы сказочности, завещанные ей Еленой Дмитриевной. Она стремится развивать их и в книжной графике, и в декоративно-прикладном искусстве.

В 1899 году журнал «Мир искусства» (начиная с 13-го и включая 18-й номер), полностью посвященный памяти Елены Дмитриевны Поленовой, украшала обложка Якунчиковой. Акварель с взлетающим над ночным озером лебедем окаймляет великолепный орнаментальный бордюр, в который Якунчикова вписала стилизованным старорусским шрифтом название журнала. Бордюр, обрамляющий акварельные иллюст-

рации, и нарисованный самой художницей текст на каждой странице впервые использовала Е. Д. Поленова. М. В. Якунчикова талантливо и свежо развивает этот прием. Кроме обложки «Лебединая песня», она создает еще ряд шедевров книжной графики: «Кладбище зимой» (1898), «Городок зимой» (1898), «Деревня» (1899), «Сороки» (1899), а также многочисленные орнаментально-растительные заставки.

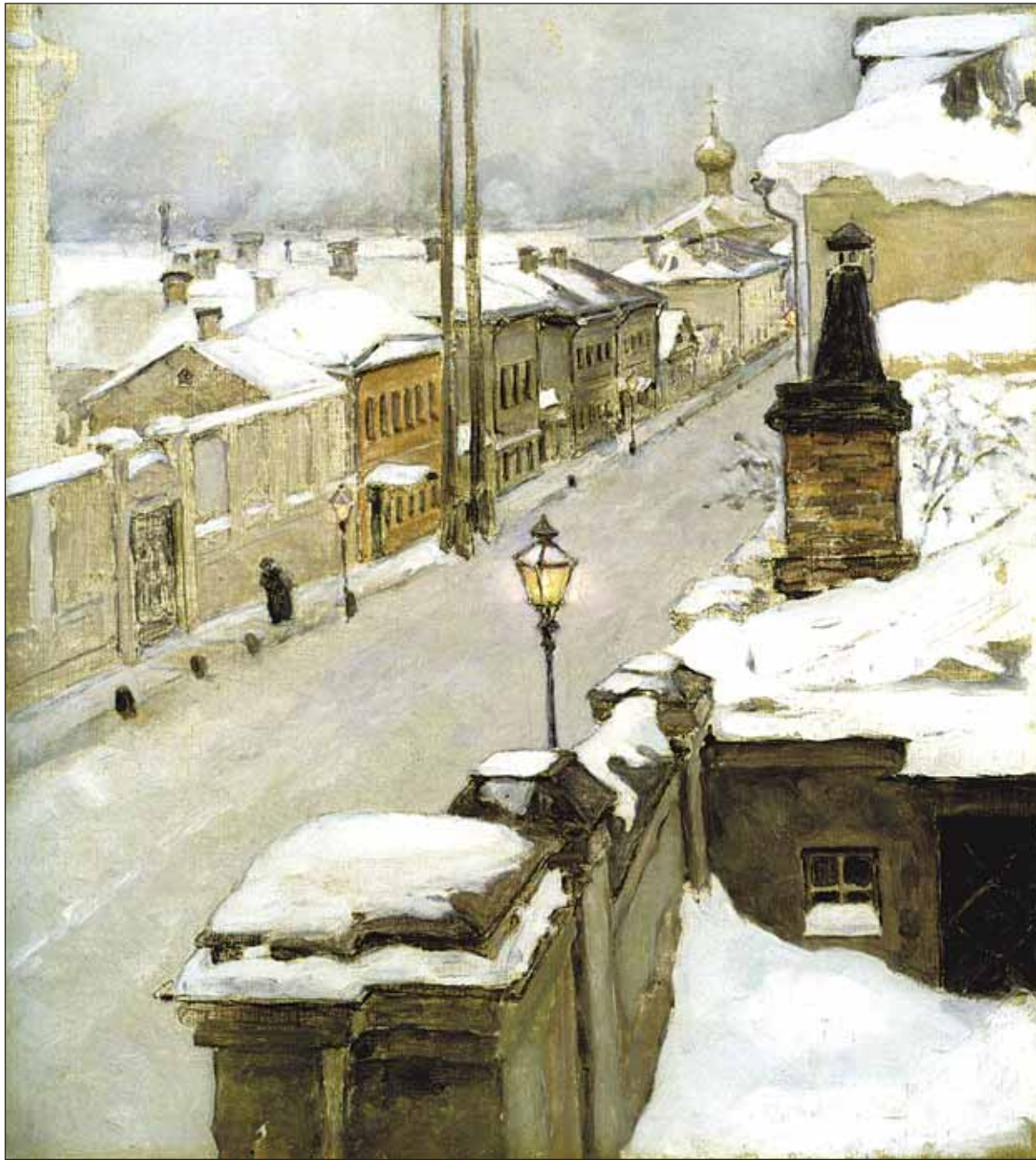
В мае 1899 года Мария Васильевна вместе с полугодовалым сыном приезжает в подмосковное имение Нара, принадлежавшее ее брату Владимиру Васильевичу и его жене Марии Федоровне Якунчиковым. Художница твердо намеревается продолжить начатую Е. Д. Поленовой работу по подготовке Кустарного отдела предстоящей в 1900 году

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

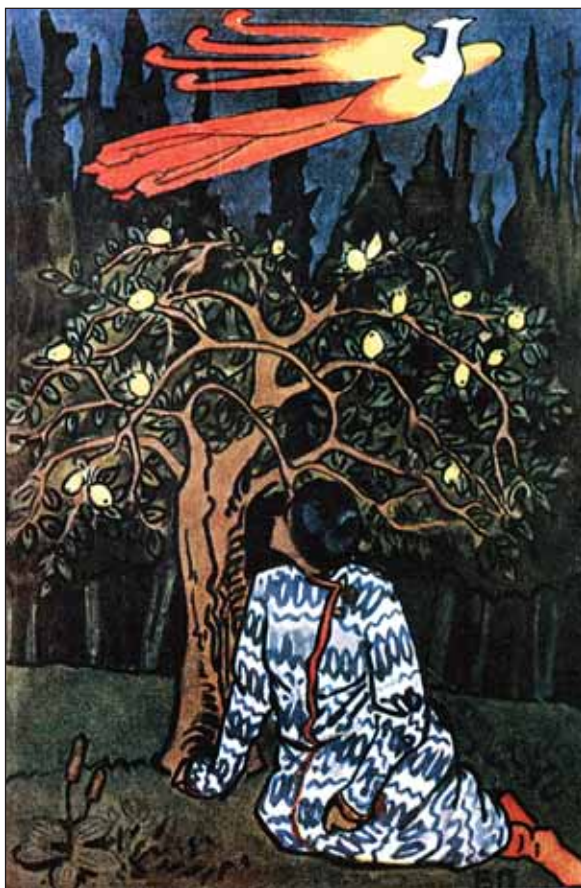
Всемирной выставки в Париже. Она рисует проект деревянной полочки-лавочки для народных игрушек. Под ее наблюдением полочку изготовили мастера Абрамцевской столярно-резчицкой мастерской. Ножками для полочки служили фигуры рыб и зверей, боковые стенки украшали персонажи народных сказок — русалки и фантастические птицы, а также дивный растительный орнамент. На Всемирной Парижской выставке за этот шедевр Мария Васильевна удостоилась серебряной медали. Медали получили также друзья и младшие колле-

ги Е. Д. Поленовой — Константин Корвин и Александр Головин, которые после ее смерти взяли на себя выполнение проекта павильона-терема Кустарного отдела. При чем в создании проекта «сказочного» деревянного посада с причудливыми теремами и навесами художники опирались на изображения древнерусского зодчества в книжной графике Поленовой и в произведениях Якунчиковой.

После «Городка зимой» (1898) Якунчикова в 1899 году написала еще три акварели под общим названием «Городок», создала две

*М. В. Якунчикова. Москва зимой. Вид из окна на Среднюю Кисловку. Холст, масло. 1889 год.
Государственный мемориальный историко-художественный
и природный музей-заповедник В. Д. Поленова*

*М. В. Якунчикова. Девочка и леший.
Вышитое панно. Аппликация.
1899 год*

*Е. Д. Поленова. Иллюстрация к сказке
«Жар-птица» (1896—1898),
взятая М. В. Якунчиковой за основу
эскиза панно «Иванушка-дурачок и Жар-птица»*

*М. В. Якунчикова.
Деревянная резная полочка-лавочка. 1899 год
(удостоена серебряной медали
на Всемирной Парижской выставке в 1900 году)*

картины-панно, выполненные маслом с выжиганием рисунка по дереву — «Городок» и «Троице-Сергиев монастырь». Древний русский посад на картине-панно «Городок», живописно раскинувшийся на берегу реки, укрыт за белокаменными стенами. На его извилистых тесных улочках соседствуют деревянные избы и высокие терема с изразцовыми кровлями и коньками, маленькие церковки и большие соборы с золотыми куполами и высокими звонницами. Это можно принять и за пейзаж, и за иллюстрацию

к сказке, и за эскиз театральной декорации, и за архитектурный макет. А настоящий архитектурный макет Якунчикова сделала летом 1899 года: он представлял собой объемную модель древнерусского городка, где вырезанные из дерева и раскрашенные игрушки можно было переставлять, каждый раз находя новые сочетания. Тогда же Мария Васильевна воплотила давний замысел покойной подруги — по одной из иллюстраций Е. Д. Поленовой к сказке «Жар-птица» подготовила эскиз «Иванушка-дурачок и Жар-птица» для большого панно, изготовленного способом тканевой аппликации. Она сама подбирала цвета ткани и наблюдала за процессом вышивания. На Всемирной Парижской выставке 1900 года это панно экспонировалось как произведение Елены Поленовой — случай едва ли не уникальный в истории искусства. Работа имела огромный успех, как и масштабное панно-аппликация самой Марии Якунчиковой «Девочка и леший».

Однако то была, как оказалось, лебединая песнь Марии Васильевны. В 1900 году у нее началось обострение туберкулеза. Силы таяли с каждым днем. Через два года она скончалась в местечке Шэн-Бужери под Женевой, не дожив до тридцатитрехлетнего возраста.

Тамара Абрамовна Смолицкая

Градостроители

О жизни и творчестве архитекторов
Лидии Михайловны Букаловой (1907—1963)
и Абрама Соломоновича Смолицкого (1906—1979)

*Лидия Михайловна Букалова.
Фотография 1950-х годов*

*Абрам Соломонович Смолицкий.
Фотография 1943–1944 годов*

Исторические исследования персональной практики зодчих первой половины и середины XX века проводились уже не раз, но очень ограниченно. В основном речь шла о творчестве всем известных авторов. Однако за границами публикаций остался анализ работы менее известных архитекторов, возводивших новые города в нашей стране. К таким мастерам относятся Лидия Михайловна Букалова и Абрам Соломонович Смолицкий. Они принадлежали к плеяде архитекторов-

новаторов, заложивших основу отечественного градостроительного искусства и воспитавших не одно поколение молодых архитекторов.

Л. М. Букалова и А. С. Смолицкий работали в непростую историческую эпоху — 1930–1960-е годы. Страна бурно модернизировалась; время требовало реконструкции не только отдельных зданий, но и строительства целых городов, зачастую — на неосвоенных территориях.

Сегодня немногочисленные постройки Букаловой и Смолицкого теряются среди массы более поздних, а их идейные установки кажутся само собой разумеющимися. Но в свое время каждый проект этих авторов ожидался с нетерпением и вызывал горячие споры: зодчие искали новые пути развития градостроительства.

Лидия Михайловна Букалова родилась в 1907 году в Щелкове Московской области. Ее мать, Наталья Воронцова, была дочерью крупного московского домовладельца мещанина Федора Воронцова, отец, Михаил Букалов, служил главным мастером на хлопчатобумажной фабрике. В семье росло пятеро детей. Поначалу все складывалось благополучно, но с рождением последнего ребенка умирает мать, а вскоре от тифа — и отец.

Сирот при содействии Марии Ильиничны Ульяновой определили в Московскую опытно-показательную школу-коммуны имени О. Б. Лепешинской (МОПШИК). Заведение славилось лучшими в те времена педагогами: Березанская, Перышкин, Киселев, Химова. По их учебникам более 30 лет обучалась советская молодежь. Немало выпускников школы стали известными деятелями науки и культуры.

Лида Букалова окончила МОПШИК с отличием в 1925 году. Обладая незаурядными способностями в области живописи, рисунка и физико-математических дисциплин, сразу же поступила на архитектурный факультет Высших художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС). Там и встретила Абрама Смолицкого.

Абрам Соломонович Смолицкий родился в 1906 году на Украине. Отец был банковским служащим, мать — портнихой. Абрам и его сестра Роза обладали хорошими музыкальными данными и мечтали об артистической карьере. Однако родители категорически возражали против их выбора. Роза получила диплом архитектурно-строительного техникума, Абрам после окончания училища работал помощником декоратора в театральной мастерской. В 1922 году он приехал в Москву и сдал экзамены в строительный техникум на архитектурное отделение. Трудился на стройке сначала рабочим, затем десятником, техником. В 1926 году поступил во ВХУТЕМАС (ВХУТЕИН).

В студенческие годы Лида и Абрам жили в общежитии ВХУТЕМАСа на Мясницкой, рядом с училищем. Два восьмизэтажных дома красного кирпича под № 21, построенные в 1912 году, прославились тем, что на протяжении всего XX века в них обитали известные люди, в числе которых — художник-

иллюстратор и гравер В. А. Фаворский, скульпторы А. В. Бабочев и Б. Д. Королев, художники Ф. А. Малявин, В. В. Кандинский, И. Рахилло, Л. О. Пастернак, И. Э. Грабарь, А. А. Дейнека, А. Д. Древин, Н. А. Ушакова, Р. Р. Фальк, А. М. Родченко, В. Степанова, Ю. А. Лабас. Здесь жили поэт В. В. Хлебников, композитор Д. Д. Шостакович, художники Н. А. Соколов, С. В. Малютин, Н. А. Касаткин, А. Е. Архипов, архитектор В. Н. Семенов.

В настоящее время комплекс зданий вместе с домом Юшкова, где располагалось училище, является памятником культурного наследия Москвы.

**СЕГОДНЯ НЕМНОГОЧИСЛЕННЫЕ
ПОСТРОЙКИ БУКАЛОВОЙ
И СМОЛИЦКОГО ТЕРЯЮТСЯ СРЕДИ
МАССЫ БОЛЕЕ ПОЗДНИХ, А ИХ ИДЕЙНЫЕ
УСТАНОВКИ КАЖУТСЯ САМО СОБОЙ
РАЗУМЕЮЩИМИСЯ. НО В СВОЕ ВРЕМЯ
КАЖДЫЙ ПРОЕКТ ЭТИХ АВТОРОВ
ОЖИДАЛСЯ С НЕТЕРПЕНИЕМ
И ВЫЗЫВАЛ ГОРЯЧИЕ СПОРЫ.**

Вся студенческая жизнь Л. Букаловой и А. Смолицкого связана с этим местом. Лидия была комсомольским лидером. Студенты жили дружно: сообща готовились к экзаменам и сдаче курсовых проектов, устраивали праздники, участвовали в диспутах, каникулы проводили в Крыму.

На основном отделении ВХУТЕМАСа для начальных курсов были введены новые дисциплины. По воспоминаниям А. С. Смолицкого, «суть этих предметов заключалась в развитии у учащихся активного стремления к творческим поискам, самостоятельности в учебной работе, в изучении закономерностей искусства, в глубоком овладении общехудожественными принципами, в создании цельных композиций (решенных в органическом единстве формы и содержания в соответствии с возможностями того или иного материала). Разделы этого цикла <...> следующие: пространственный концентр, объемный концентр, цветовой концентр, графический концентр. Каждый из них был очень емким и содержал ряд практических

ТРУДЫ И ДНИ

*Дом на Мясницкой, в котором находился ВХУТЕМАС-ВХУТЕИН (архитектор В. И. Баженов).
Фотография конца XX века*

«ВХУТЕМАС-ВХУТЕИН СТАЛ ВАЖНЫМ
ЦЕНТРОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ИСКУССТВА.
ПРИШЕДШИЕ В ЭТОТ ВУЗ СТОРОННИКИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО АВАНГАРДА
НЕ ПРОСТО ИСКАЛИ ПЕРЕДОВЫЕ ФОРМЫ
ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ПРИЕМАМ
И СРЕДСТВАМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ, ПЕДАГОГИ
ВЫРАБАТЫВАЛИ ЭТИ ПРИЕМЫ
И СРЕДСТВА НЕПОСРЕДСТВЕННО
В ХОДЕ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА».

работ и упражнений. Комплекс дисциплин основного отделения выделял ВХУТЕМАС в неповторимое по своему значению учебное заведение с творческими устремлениями, призванное сыграть огромную роль в формировании и подготовке кадров, особенно будущих архитекторов и градостроителей, способных активно участвовать в социальном

и эстетическом преобразовании и воспитании нового общества. Это было грандиозно!».

Имена тогдашних преподавателей вошли в историю мировой культуры: академики архитектуры братья Веснины, А. В. Щусев и И. В. Жолтовский, профессора Н. А. Ладовский и В. Ф. Кринский, их ученики И. В. Ламцов, М. П. Коржев и М. А. Туркус, братья Голосовы, М. Я. Гинзбург, Н. В. Докучаев, Н. Д. Колли, К. С. Мельников, И. В. Рылский, В. Н. Семенов. Технические дисциплины преподавали инженеры-новаторы: по железобетонным конструкциям — А. Ф. Лолейт, по деревянным и металлическим — Н. К. Лахтин, по строительной механике — М. М. Филоненко-Бородич, по физике — Н. Т. Федоров, по математике — Н. И. Вайсфельд; по социологии — П. И. Новицкий (ректор ВХУТЕИНа).

А. С. Смолицкий писал: «Был предложен новый метод начального обучения архитектурно-пространственной композиции — пропедевтика. На архитектурном, живописном и скульптурном факультетах были разработаны и введены пропедевтические художественные дисциплины: «Пространство» (руководители В. Кринский, Н. Ладовский, Н. Докучаев), «Объем» (руководители А. Лавинский, Б. Королев, А. Бабичев), «Цвет» (Л. Попова, А. Веснин), «Графика» (А. Родченко).

ВХУТЕМАС-ВХУТЕИН стал важным центром взаимодействия различных видов

искусства. Пришедшие в этот вуз сторонники художественного авангарда, разрабатывая и внедряя новую методику преподавания, не просто искали передовые формы обучения студентов профессиональным приемам и средствам художественной выразительности, педагоги вырабатывали эти приемы и средства непосредственно в ходе учебного процесса. ВХУТЕМАС стал важным центром создания нового профессионального языка — нового стиля архитектуры и дизайна».

Студенты архитектурного факультета обучались в трех мастерских под руководством избранных ими руководителей — И. В. Жолтовского, А. В. Щусева, И. В. Рылского. Позднее по инициативе студентов мастерской Жолтовского появилась еще одна мастерская — коллективная, под руководством Н. А. Ладовского, В. Ф. Кринского и Н. В. Докучаева, которые в 1921 году стали профессорами архитектурного факультета.

На рубеже 1920–1930-х годов начали складываться объединения, творческую программу которых определяло градостроительство. В ноябре 1928-го группа членов Ассоциации новых архитекторов (АСНОВА) во главе с ее основателем Н. А. Ладовским создала Объединение архитекторов-урбанистов (АРУ), выдвинув на первое место вопросы планировки.

Лидия Михайловна Букалова выбрала мастерскую Н. А. Ладовского. Ее привлекал новаторский подход к архитектуре в условиях развития техники и изменения социальных

основ жизни. А. С. Смолицкий проходил обучение у И. В. Рылского.

В 1930 году Л. М. Букалова и А. С. Смолицкий успешно закончили вуз. К этому времени уже появился Архитектурно-строительный институт (АСИ). Лидии Михайловне предложили поступить туда в аспирантуру. Поступила, но диссертацию защищать не стала — ее привлекала практическая работа.

После института обоих молодых специалистов направили по комсомольской путевке в проектный отдел Управления строительства и проектирования города Сталинграда. Они участвовали в конкурсе на создание проекта нового типа жилого дома-коммуны — комбината на 500 человек с обобществленным бытом. Проект в 1930–1931 годах был реализован в Сталинграде (район завода «Баррикады») и рекомендован к строительству в других городах.

В 1931 году в стране учредили новую организацию — Всесоюзный трест «Горстройпроект» Наркомтяжпрома ВСНХ СССР для проектирования и строительства городов-гигантов индустрии первых пятилеток. Туда перевели Л. М. Букалову и А. С. Смолицкого, там они и работали до начала Великой Отечественной войны над проектированием новых городов: Магнитогорска (левобережного района), Новокузнецка (до 1961-го года Сталинск-Кузнецк), Кемерово, Прокопьевска, Анжеро-Судженска, Орска, Новотроицка, Новомосковска (до 1934 года Бобрики) и других.

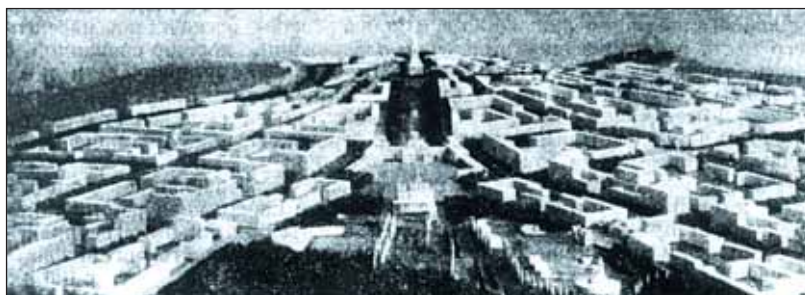
Студенты и преподаватели ВХУТЕИНа. А. С. Смолицкий — седьмой слева в первом ряду, Л. М. Букалова — седьмая справа в четвертом ряду. Фотография 1930 года

ТРУДЫ И ДНИ

*А. С. Смолицкий. Макет (1936) и жилые районы (1939–1940)
Магнитогорска*

*Л. М. Букалова,
А. С. Смолицкий.
Макет (1935)
и жилой район (1937)
Сталинска-Кузнецка*

ТРУДЫ И ДНИ

Смолицкий во время Великой Отечественной войны от брони, положенной архитекторам, отказался и служил сначала старшим инженером маскировки в саперных войсках, а затем — начальником маскировочной службы в авиации. Лидия Михайловна с Горстрой-проектом эвакуировалась на Урал. После войны супруги трудились в Академии архитектуры СССР над проектом восстановления Ялты.

Союз архитекторов объявил конкурс на лучшую реконструкцию центра этого курортного города. Было представлено три проекта — А. К. Бурова, А. С. Смолицкого и Л. М. Букаловой, В. М. Лебедева и П. П. Штеллера. Самой дискуссионной оказалась концепция А. К. Бурова. Ее поддержал начальник Управления планировки и застройки городов Комитета по делам архитектуры В. В. Бабуров, назвавший проект «форпостом современной практической деятельности», «соприкосновением с будущим». Однако секретарь Академии архитектуры архитектор Н. П. Былинкин назвал работу Бурова «проекцией американского курорта на рельеф и быт Ялты». Автора обвиняли в том, что он не создавал специальную концепцию под данный город, а шел от уже имеющейся идеи, для реализации которой ему был нужен город у моря. Кроме того, проект вызвал и идеологические сомнения. Казало бы, застройка набережной высокими

зданиями на фоне гор — блестящее объемно-пространственное решение: вдоль набережной стоят восемь десятиэтажных отелей-башен, набережная расширяется за счет моря, под ней — тоннель для автомобилей. Однако такая планировка не нашла поддержки у общественности, ибо появилась «не вовремя»: идея оказалась аналогичной «Плану Вуазен» — проекту реконструкции центра Парижа, автор которой, архитектор Ле Корбюзье, рассматривал город как символ борьбы человека с природой. Традиционная отечественная практика реконструкции курортных городов не могла принять этот тезис.

**А. С. СМОЛИЦКИЙ ВО ВРЕМЯ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
ОТ БРОНИ, ПОЛОЖЕННОЙ
АРХИТЕКТОРАМ, ОТКАЗАЛСЯ
И СЛУЖИЛ СНАЧАЛА СТАРШИМ
ИНЖЕНЕРОМ МАСКИРОВКИ
В САПЕРНЫХ ВОЙСКАХ,
А ЗАТЕМ — НАЧАЛЬНИКОМ
МАСКИРОВОЧНОЙ СЛУЖБЫ В АВИАЦИИ.**

*А. С. Смолицкий на фронте (сидит пятый слева).
Фотография 1943–1944 годов*

Смолицкий и Букалова избрали более точный путь — продолжили традиции исторической Ялты, что и стало главным достоинством их проекта. В основном дачная, то есть индивидуальная застройка, расположившаяся на природном рельефе, гармонично сочеталась с естественным фоном — горным хребтом, поросшим лесом. Архитекторы показали наглядный пример бережной реконструкции старого русского города, дополнив общую картину живописной панорамой. При этом учитывались наиболее серьезные научные выводы в области градостроительства и одновременно сохранялся авторский художественный стиль.

В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ ПРОЕКТА ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЯЛТЫ БУКАЛОВА И СМОЛИЦКИЙ ЧАСТО СТАНОВИЛИСЬ ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯМИ: ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РЕКОНСТРУКЦИИ ГОРОДОВ БЫЛ ТОГДА НЕ СЛИШКОМ БОГАТЫМ.

Перед зодчими стояла не столько функциональная, сколько композиционная задача: раскрыть «морской фасад» города, упорядочив сеть транспортных магистралей. Понятие ансамбля, в котором концентрировалась вся композиционная проблематика формирования Ялты, предполагало внутреннюю взаимосоотнесенность и гармоничное развитие функционального, технического и эстетического аспектов.

В период подготовки проекта Букалова и Смолицкий часто становились первооткрывателями: практический опыт восстановления и реконструкции городов был тогда не слишком богатым. Архитекторам удалось почувствовать в новой планировке Ялты черты отдаленного сходства с греческим городским планом. Одновременно они воплотили в своем проекте основной принцип древнерусских мастеров: связь градостроительного ансамбля с природным ландшафтом.

Сроки Букаловой и Смолицкому поставили крайне сжатые. Зарплату почти не платили — в послевоенное время стране было

трудно. К этому времени супруги растили уже троих детей; жили предельно скромно. И все же трудились увлеченно. Их концепция была признана лучшей. Проект «Восстановление и реконструкция города-курорта Ялта» был утвержден Советом Министров РСФСР в 1948 году; было отмечено высокое качество проектирования. По этому документу велась застройка жилых районов и санаторных участков на сложном рельефе. В качестве оплаты архитекторам предложили дом в Ялте. Они отказались: в то время им было не до частной собственности в столь отдаленном месте.

После Ялты из-за репрессированных сестер у Лидии Михайловны начались проблемы с устройством на работу. Софью арестовали в 1935 году, обвинив в причастности к троцкистской группировке, и сослали в Магадан (реабилитировали спустя 20 лет). Вера с 1937 по 1945 год отбывала ссылку в Актюбинске (реабилитирована в 1955-м). Мужа ее расстреляли. Так что родственницу «врагов народа» к работе над крупными объектами не допускали. Лидия Михайловна занималась планировкой поселков в Мосгипросельстрое. Только в 1956 году (после реабилитации сестер) Букалову приняли в Гипрогор, где она, руководя авторским коллективом, создавала первые проекты районной планировки (ТЭО Горьковской области, Городецкого промышленного узла и прочие), вела работу над генеральным планом города Горького и детальным проектом района «Мещерское озеро». Из воспоминаний ее коллеги архитектора Юлии Владимировны Кратюк:

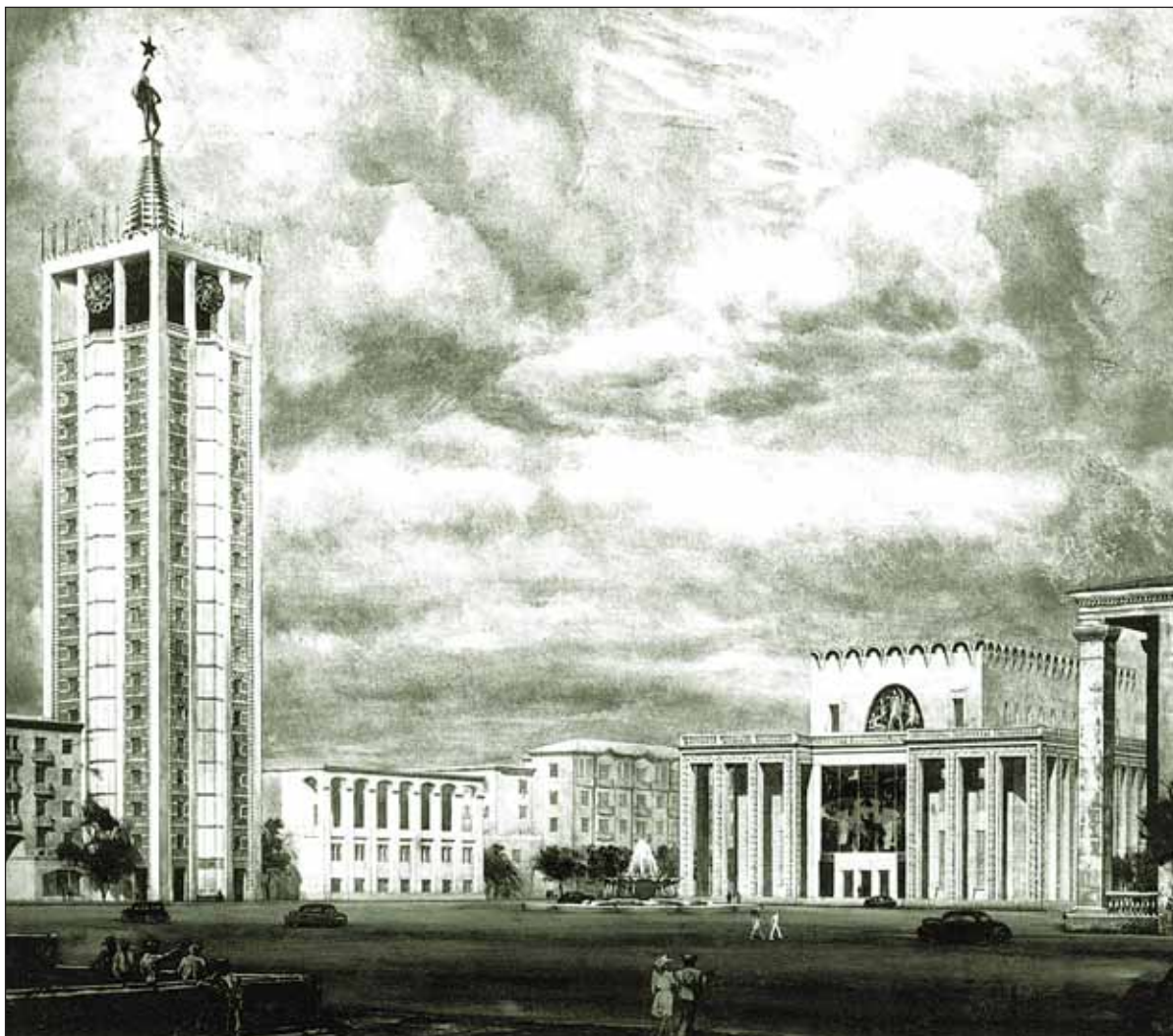
«Лидия Михайловна была хорошим архитектурным организатором. Она требовала дисциплины, серьезного отношения к делу от каждого члена ее бригады — техника, архитектора, инженера — и создавала настоящую творческую обстановку в коллективе. Работая с вдохновением, с полной отдачей сил, Букалова увлекала работой окружающих. Она учила молодое поколение быть требовательным в работе, показывала, как методически подходить к проектированию, выделять главное в поставленной задаче, уметь начинать с основного, с общей композиции, видеть проект в целом и от общего переходить к частному. Большая требовательность и дисциплинированность в работе сочетались у Лидии Михайловны с удивительной мягкостью и человечностью к каждому сотруднику ее бригады — их радость и горе были и ее радостями и горем, а в тяжелые минуты она находила самые нужные, ласковые слова».

ТРУДЫ И ДНИ

Абрам Смолицкий из Академии архитектуры вернулся в Горстройпроект и работал над генеральными планами городов Восточной Сибири — Иркутска, Шелехова, Усолья-Сибирского и столицы Киргизии Фрунзе (ныне Бишкек). В конце 1960-х годов мне удалось побывать в городах, которые проектировал мой отец в Восточной Сибири. Жители этого края с большой теплотой отзывались об А. С. Смолицком, говорили о его профессиональном чутье, высоко ценили человеческие качества зодчего.

23 июня 1963 года в возрасте 56 лет скоропостижно скончалась Л. М. Букалова. Несчастье случилось в Литве. Вместе с Абрамом Соломоновичем она поехала туда в отпуск к братьям: собиралась порисовать, насладиться красотой мест, о которых так много слышала от родных. Но в первый же день по приезде Лидию Михайловну разбил инсульт, который и стал причиной смерти. Похоронили Л. М. Букалову на Донском кладбище в Москве.

А. С. СМОЛИЦКИЙ РАБОТАЛ
НАД ГЕНЕРАЛЬНЫМИ ПЛАНАМИ
ГОРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ —
ИРКУТСКА, ШЕЛЕХОВА, УСОЛЬЯ-
СИБИРСКОГО И СТОЛИЦЫ КИРГИЗИИ
ФРУНЗЕ (НЫНЕ БИШКЕК). <...>
ЖИТЕЛИ ЭТОГО КРАЯ С БОЛЬШОЙ
ТЕПЛОТОЙ ОТЗЫВАЛИСЬ
ОБ А. С. СМОЛИЦКОМ,
ГОВОРИЛИ О ЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ЧУТЬЕ,
ВЫСОКО ЦЕНИЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ
КАЧЕСТВА ЗОДЧЕГО.

*А. С. Смолицкий. Город Фрунзе. Главная площадь. Проект.
Конец 1950-х годов*

ТРУДЫ И ДНИ

*Живописные работы
Л. М. Букаловой и А. С. Смолицкого*

*Л. М. Букалова.
Мостик через реку Гвоздня.
Бумага, акварель.
1958 год*

*Л. М. Букалова.
Гладиолусы.
Бумага, акварель.
1951 год*

*А. С. Смолицкий.
Вид из дворца на пруд.
Бумага, смешанная графика. 1952 год*

*А. С. Смолицкий.
Териоки.
Бумага, цветные карандаши. 1969 год*

ТРУДЫ И ДНИ

После смерти жены А. С. Смолицкий прожил еще 16 лет. В конце 1960-х — начале 1970-х годов он был ведущим экспертом по проекту центрального района Москвы в рамках Генерального плана, составлял заключение к проекту центра планировочных зон столицы, как главный проектировщик института «Моспроект-2» принимал участие в обсуждении «Основных принципов проектного решения центра Москвы».

В последние годы жизни А. С. Смолицкий участвовал в ряде работ в ЦНИИП Градо-

строительства по проектированию зон отдыха вдоль водохранилища города Темир-Тау в Казахстане, вдоль озера Иссык-Куль в Киргизии и вдоль Волги в районе Иванова и Кинешмы.

Значительным вкладом в градостроительную практику явилась статья А. С. Смолицкого «О повышении эффективности и качества проектов генеральных планов городов» («Архитектура СССР». 1973. № 10).

Умер А. С. Смолицкий 22 апреля 1979 года, похоронен рядом с женой на Донском кладбище Москвы.

Литература:

Смолицкий А. С. Наша жизнь во ВХУТЕМАСе. Рукопись. 1935. Архив автора.

Соколов Н. Б. А. В. Щусев. М., 1952.

Смолицкий А. С. Воспоминания о Горстрой-проекте. Рукопись. 1965. Архив автора.

Чиняков А. Г. Братья Веснины. М., 1970.

Смолицкая Т. А. Архитектурно-пространственная организация крупного города

в приречной системе расселения (на примере Приангарья). Автореферат диссертации. М., 1976.

Белоусов В. Н., Смирнова О. В. В. Н. Семенов. М., 1980.

Хазанова В. Э. Советская пятилетка. М., 1980.

Бархина А. Г. Г. Б. Бархин. М., 1981.

Хан-Магомедов С. О. Александр Веснин. М., 1983.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ СТРАН СНГ И ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ!

ООО „ИНФОРМНАУКА“ осуществляет:

ПОДПИСКУ НА РОССИЙСКУЮ ПЕРИОДИКУ
ЭКСПОРТ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ И КНИГ
КОМПЛЕКТОВАНИЕ ФОНДОВ НАУЧНЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ БИБЛИОТЕК
ПОСТАВКУ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ НА ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЯХ

Россия, 125190, Москва, ул. Усиевича, 20
Тел.: +7(495) 787-38-73. Факс: +7 (499) 152-54-81
E-mail: alfimov@viniti.ru www.informnauka.com

Владимир Александрович Потресов

«Влияние Чехова на русскую жизнь бесспорно и велико»

«Чеховская» тема в творчестве Сергея Яблоновского
(1870–1953)

Антон Павлович Чехов. Фотография начала 1900-х годов

В 1954 году в парижской газете «Русская мысль» появился очерк под заголовком «О Чехонте и о Чехове» с указанием: «Из архива С. В. Яблоновского» — посмертная публикация моего деда, литературного и театрального критика, эссеиста, журналиста и поэта Сергея Викторовича Потресова, известного также под псевдонимом «Сергей Яблоновский», о котором я уже рассказывал на страницах «Московского журнала»¹. К созвучной названию очерка идее «двух Чеховых» за свою долгую жизнь в России, а затем в эмиграции, он обращался не раз. Ведя театральный отдел в «Русском слове» — самой популярной и массовой газете России начала XX века, являясь также (эта формулировка запомнилась мне в детстве, поскольку ее то и дело произносили старшие по поводу моего «парижского» деда, хотя никто толком так до сих пор и не смог объяснить, что здесь имеется в виду) «официальным обозревателем Московского художественного театра», С. В. Яблоновский неоднократно встречался с автором «Чайки»: «Я как сейчас вижу его стройную, в последние годы тонкую фигуру; удлинившийся овал лица, серьезные, хорошей серьезности, глаза, глядящие из-под стекол пенсне внимательно, доброжелательно, часто с глубоко спрятанными искорками смеха. Слышу его глухой басок, покашливание, которого он словно стеснялся, и все это — фигура, лицо, взгляд, голос — сливается в одно необыкновенно цельное, очаровательное, имя чему — простота, деликатность, скромность, граничащая с застенчивостью, исключительное благородство, аристократизм в подлинном, не геральдическом значении этого слова»².

Литература о Чехове необозрима. И нужно было обладать незаурядной проницательностью и художественным чутьем, чтобы на этом фоне оставить свидетельства, и сегодня не потускневшие под гнетом хрестоматийности, донести до потомков живой образ Чехова во всей его уникальности. Вниманию читателей «Московского журнала» предлагается небольшая подборка «чеховских» материалов С. В. Яблоновского — прежде всего своего рода итоговый очерк «О Чехонте и о Чехове»³.

«Антоша Чехонте» — прозвал милый батюшка таганрогской гимназии своего милого ученика Антона Чехова, «милого увальня с лунообразным лицом и ухмыляющейся улыбкой».

Не подозревал добрый батюшка, очевидно, любивший симпатичного мальчугана, что от него, батюшки, только и останется в потомстве, что кличка, которую он дал этому ре-

«ЕСЛИ У МЕНЯ ЕСТЬ ДАР,
КОТОРЫЙ СЛЕДУЕТ УВАЖАТЬ,
ТО, КАЮСЬ, <...> Я ДОСЕЛЕ
НЕ УВАЖАЛ ЕГО. <...> ЗА ПЯТЬ ЛЕТ
МОЕГО ШАТАНЬЯ ПО ГАЗЕТАМ
Я УСПЕЛ ПРОНИКНУТЬСЯ <...> ОБЩИМ
ВЗГЛЯДОМ НА СВОЮ ЛИТЕРАТУРНУЮ
МЕЛКОСТЬ. <...> КАК РЕПОРТЕРЫ
ПИШУТ СВОИ ЗАМЕТКИ О ПОЖАРАХ,
ТАК Я ПИСАЛ СВОИ РАССКАЗЫ:
МАШИНАЛЬНО, ПОЛУБЕССОЗНАТЕЛЬНО,
НИМАЛО НЕ ЗАБОТЯСЬ НИ О ЧИТАТЕЛЕ,
НИ О СЕБЕ САМОМ...».

ОН НЕ ЗАБОТИЛСЯ, НО ТО, ЧТО ВЕЯЛО
НАД НИМ, ЗАБОТИЛОСЬ
И ОХРАНЯЛО ЕГО.

бенку и которую тот взял впоследствии своим псевдонимом.

Не подозревали, разумеется, и школьные товарищи, какой необыкновенный наблюдатель и бытописатель находится между ними; скольких из них, из их родителей, из педагогов поместит он в свою коллекцию.

Не подозревал сам Чехов — не только тогда, когда «благодушно расцветал» он в гимназии полурусского южного города, но и много позже, что из себя представляет.

Двадцати лет, отправляя в 1880 году в «Стрекозу» свой первый рассказ «Письмо к ученому соседу», он был убежден, что пишет для того, чтобы материально помочь семье, и что этот род занятий для него, студента, самый выгодный, менее всего мешающий прохождению курса и, пожалуй, самый приятный.

Писал еще не Чехов, писал Антоша Чехонте: писал, забавляясь, дурачась, писал, подчас примостившись на перилах купальни; и так же не знал цены отправляемому в журналы, как не знали — прости им Господи — бездарные и идеально лишенные остроумия редакторы «юмористических» журналов.

Вряд ли в каком другом из русских писателей было так развито это светлое, святомладенческое, моцартовское начало, как в Чехове.

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА

Помните, в письме к Григоровичу (18 марта 1886 года. — *В. П.*):

«Если у меня есть дар, который следует уважать, то, каюсь перед чистотой Вашего сердца, я доселе не уважал его. <...> За пять лет моего шатанья по газетам я успел проникнуться <...> общим взглядом на свою литературную мелкость. <...> Как репортеры пишут свои заметки о пожарах, так я писал свои рассказы: машинально, полубессознательно, нимало не заботясь ни о читателе, ни о себе самом...».

Он не заботился, но то, что веяло над ним, заботилось и охраняло его.

«Писал я и всячески старался не потратить на рассказ образов и картин, которые мне дороги и которые я, Бог знает почему, берег и тщательно прятал».

Этот 1886 год — рубежный в жизни Чехова. В биографическом очерке, приложенном к одному из изданий Чехова, я говорю, что в это время из куколки вышла бабочка. Это — не метафора, это совершенно точное указание на пребывание Чехова в двух различных состояниях: Антоши Чехонте и Антона Павловича Чехова.

Все у них разное. Лунообразное лицо, наивные, немного сонные чудесные глаза с поволокой — славное лицо, но простенькое; деревенский паренек — вот внешность Антоши Чехонте.

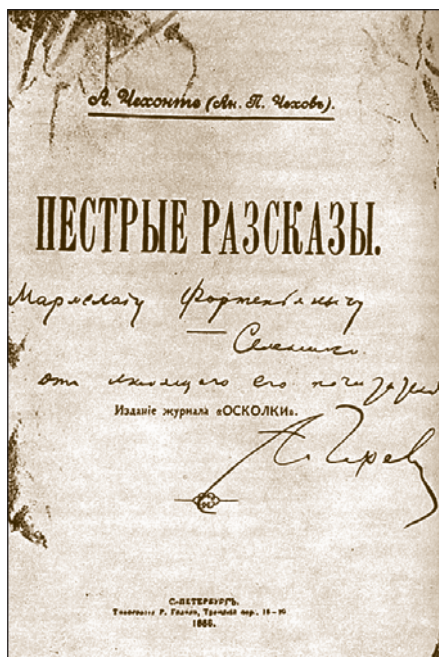
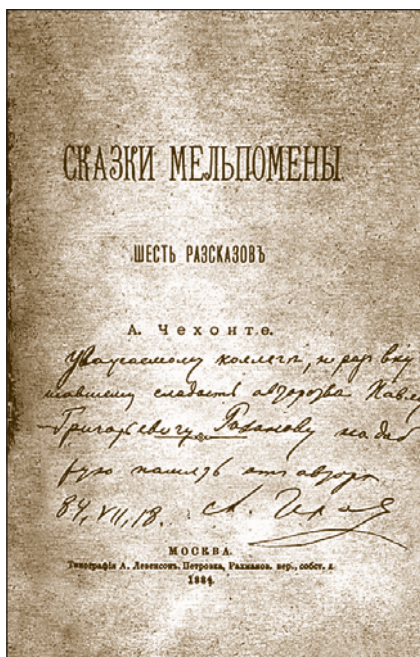
«ПЕСТРЫЕ РАССКАЗЫ» ПИСАЛ ЕЩЕ НЕ ЧЕХОВ, ПИСАЛ АНТОША ЧЕХОНТЕ: ПИСАЛ, ЗАБАВЛЯЯСЬ, ДУРАЧАСЬ, ПИСАЛ, ПОДЧАС ПРИМОСТИВИШИСЬ НА ПЕРИЛАХ КУПАЛЬНИ; И ТАК ЖЕ НЕ ЗНАЛ ЦЕНЫ ОТПРАВЛЯЕМОМУ В ЖУРНАЛЫ, КАК НЕ ЗНАЛИ — ПРОСТИ ИМ ГОСПОДИ — БЕЗДАРНЫЕ И ИДЕАЛЬНО ЛИШЕННЫЕ ОСТРОУМИЯ РЕДАКТОРЫ «ЮМОРИСТИЧЕСКИХ» ЖУРНАЛОВ.

Тонкое изящное лицо с очень удлинённым овалом, с глазами строго-добрыми, чуть-чуть грустными, знающими и понимающими. Они пристально, вплотную смотрят в жизнь. Лицо в высокой степени интеллигентное, причем я под этим хорошим словом, которое одни опошляют присоединением себя к этой категории, а другие понимают под ним пред-

*А. П. Чехов — еще Антоша Чехонте, писавший «забавляясь, дурачась, подчас примостившись на перилах купальни...»
Фотография 1881 года*

Рисунок обложки для книги А. П. Чехова «Пестрые рассказы», сделанный Ф. О. Шехтелем

Первые книги Антоши Чехонте (обложка «Сказок Мельпомены» и титульный лист «Пестрых рассказов») с автографами автора

ставителей узкого направленчества, я беру в качестве особенного, чисто русского типа образованных и высокодуховных людей, самым характерным признаком которых является, пожалуй, идеализм. <...> Совесть и широта кругозора — вот два важнейших свойства интеллигента. Глубоко интеллигентна внешность Антона Павловича Чехова. В ней много породы, аристократичности — опять-таки, конечно, в лучшем понимании этого определения.

Паренек, мужичок исчез совершенно.

У Антоши Чехонте было множество друзей из московской литературной, театральной и всякой другой богемы. Милые малые, не дураки выпить, часто ничтожнейшие из «детей ничтожных мира», они вместе дурачились, покучивали. Многих из них Антоша Чехонте выводил в своих «Сказках Мельпомены», «Пестрых рассказах», даже не подозревая, что выводит пошлость: просто было смешно, и Антоша Чехонте смеялся, не возносясь над своими персонажами; а то, что веяло над ним, заботилось и охраняло его, — превращало торопливые «смешные» зарисовки в своего рода «Мертвые души» — картину человеческой ничтожности, никчемности, скудности, в дремучую обывательщину.

Антон Павлович Чехов имел друзей среди лучших русских людей. Нежно, трогательно любил его Толстой. Глубоко чтит его Короленко. Вся та группа наших лучших людей публицистики и общественности, которая не была чужда доктринерству и поэтому долго не могла понять чуждого направленчеству и кружковщине свободнейшего художника,

любовно поняла и приняла его в свою среду. Не подделываясь, ничем не поступаясь (на это Чехов был абсолютно неспособен), входит он к ним; недаром я употреблял выражение «любовно приняла», была ли это «Русская мысль», были ли это «Русские ведомости», был ли это Художественный театр — у всех отношение к Чехову было пропитано деликатной, нежной и трогательной любовью.

Не сознавал, повторяю, Антоша Чехонте, что из отдельных маленьких смешных и незначительных фигурок создается полная, пестрая, яркая, необыкновенно разнообразная мешанина русской жизни. Не подозревали этого часто и многие солиднейшие и подчас умнейшие в своей области люди. [Например], Михайловский, слепо и тенденциозно журивший Чехова за отсутствие «общих идей», за то, что «нет в душе Бога живого», и прибавлявший, повторяя слова чеховского же профессора: «А если этого нет, значит, и ничего нет».

Жизненные неудачники — вот она, одна из самых основных общих идей Чехова, которую проморгал Достоевский.

Видит Чехов человеческую беззащитность, и все симпатии его на стороне этих не умеющих приспособиться, не пригодных к хищничеству, не способных пробивать себе дорогу локтями. И ни на что как будто бы не способны все эти Гаевы, Раневские, Симеоновы-Пищики, Чебутыкины, дяди Вани, <...> спивающиеся Астровы, надорвавшиеся Ивановы... длинная-длинная вереница взрослых детей, мечтателей. И дармоеды они, и несколько порочны, и никакого государства не построят, а то государство, в котором

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА

*Иллюстрации к рассказам, очеркам, сценкам, темам Антоши Чехонте
(к его «торопливым смешным зарисовкам», оказавшимся в итоге «своего рода «Мертвыми душами»)
в различных юмористических изданиях*

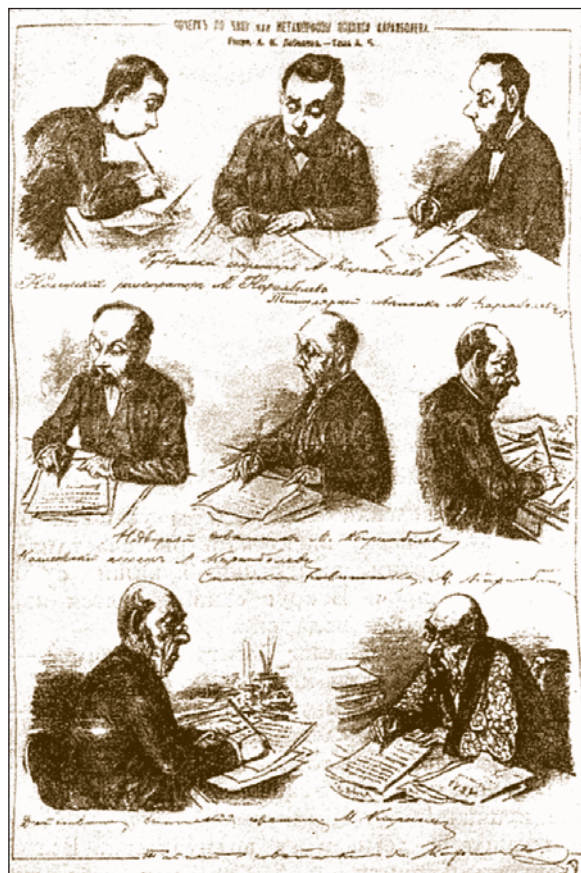
*На луне. Рисунок В. И. Порфирьева
(«Осколки». 1885. № 25)*

*Современная Маргарита.
Рисунок В. И. Порфирьева
(«Осколки». 1884. №3)*

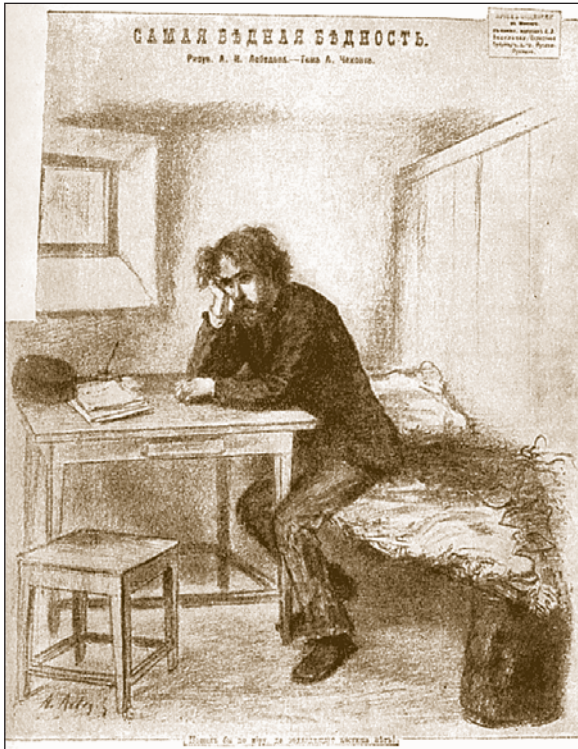

*Троицын день в Малороссии.
Рисунок К. А. Трутовского
(«Будильник». 1884. № 20)*

*Почерк по чину,
или Метаморфоза подписи Карамболева.
Рисунок А. И. Лебедева
(«Осколки». 1884. № 51)*

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА

Самая бедная бедность.
Рисунок А. И. Лебедева
(«Осколки», 1884. №8)

Редакционный день «Будильника».
Рисунок М. М. Чемоданова-Лилина.
Вот они — «многочисленные друзья
Антоши Чехонте из московской
литературной богемы»
(«Будильник», 1885. № 12)

МНОГИХ ИЗ СВОИХ ДРУЗЕЙ АНТОША ЧЕХОНТЕ ВЫВОДИЛ В «СКАЗКАХ МЕЛЬПОМЕНЫ», «ПЕСТРЫХ РАССКАЗАХ», ДАЖЕ НЕ ПОДОЗРЕВАЯ, ЧТО ВЫВОДИТ ПОШЛОСТЬ: ПРОСТО БЫЛО СМЕШНО, И АНТОША ЧЕХОНТЕ СМЕЯЛСЯ, НЕ ВОЗНОСЯСЬ НАД СВОИМИ ПЕРСОНАЖАМИ; А ТО, ЧТО ВЕЯЛО НАД НИМ, ЗАБОТИЛОСЬ И ОХРАНЯЛО ЕГО, — ПРЕВРАЩАЛО ТОРОПЛИВЫЕ «СМЕШНЫЕ» ЗАРИСОВКИ В СВОЕГО РОДА «МЕРТВЫЕ ДУШИ».

Шляпный сезон.
Рисунок А. И. Лебедева
(«Осколки», 1885. № 19)

Аптека
Рисунок В. И. Порфирьева
(«Осколки», 1885. № 15)

находятся, не сумеют защитить, отдадут его на поток и разграбление идейным и безыдейным хищникам. Анархизм это, и Чехов, как будто бы ничего не проповедовавший, сознательно или бессознательно повторил великое благословение Нагорной проповеди — благословение нищим духом, плачущим, кротким, алчущим и жаждущим правды, милостивым и чистым сердцем.

Добрый и деликатный, Чехов нашел много суровости в своей душе к «устроившимся» и преуспевающим. Законники и государственники только тогда найдут у него отклик, когда, подобно тайному советнику Гундасову⁴, вдруг сойдут с высоты своего величия и окажутся наивными, проштрафившимися перед жизнью детьми.

Как выкарабкаться из этой антиномии: необходимость жить и нежелание строить свои жизни на поражении других, как делают Лопахины? Это страшное противоречие, может быть, ярче, чем когда-нибудь, стоит сейчас перед русским народом, но вряд ли в лопахинстве найдет себе выход русский народ, как бы ни было разумно лопахинство. Щедрин говорит о дне, когда придется «дураку» выбирать между практичностью и дурачеством. Щедрин понимает, что это будет страшный день, но надеется, что и тогда «дурак» предпочтет оставаться дураком. Лопахинствовать, лопать других не станет.

Здесь особенно сказалась глубочайшая национальность Чехова.

Нашего прекрасного писателя теперь все больше и больше переводят на иностранные языки; им необыкновенно увлекаются в Англии и в Америке, но понимают ли при этом, что сущности Чехова они не понимают? Более вдумчивые разбираются в этом, и например, маститый французский славист [профессор] Оман, выступавший в Сорбонне <...> с речью о Чехове, принес ему свое восхищение, заявив, что считает его гораздо выше Мопассана, но сказал, что, изучая Чехова в течение сорока лет, понимает только Чехова первой половины его творчества; Чехова же пессимиста и всего русского пессимизма в его неопределенной устремленности — не понимает совершенно.

Это во всяком случае честно, искренне и сознательно.

Поразительно то, что Чехов сам нашел разрешение трагической проблемы; нашел его не в каком-либо кабинетном построении, а дал в виде собственной жизни. Обычно слабые готовы воспевать слабые, здесь к слабости сочувственно склонилась огромная сила.

Жизнь Чехова была полной противоположностью жизни его слабых героев. Необыкновенно рано почувствовал он себя естественным опекуном семьи. С той деловитостью, какую найдешь только в крестьянской среде, просто, толково, необыкновенно умело устанавливает он отношение к родным — полуотцовское, полутоварищеское, и его авторитет признается как непреложное.

Познакомившись из лекций по тюрьмоведению, которые учил его брат, с вопросом о Сахалине, Чехов решает ехать туда, чтобы исследовать положение на месте. Предварительно прочитывается множество книг, собираются материалы. Затем происходит всестороннее исследование на месте; Чехов пешком прошел весь Сахалин с севера на юг, произвел первую неофициальную перепись и написал первую не оцененную до сих пор книгу об этом «Чертовом острове».

Когда разражается голод 1891—1892 годов, Чехов жертвует в сборники свои произведения, жертвует деньгами, собирает деньги, едет «на голод» в Нижегородскую губернию, организует скупку у крестьян лошадей, которые должны были бы погибнуть от бескормицы и которых, прокормив зиму, он весной бесплатно раздал безлошадным.

Надвинулась холера. Чехов — уже член санитарного совета, бесплатно заведует холерным участком, собирает деньги и покрывает двадцать пять деревень и сел лечебными, санитарными и питательными пунктами.

Все это тихо, деловито, в высокой степени практично.

В Новоселках около своего имения Чехов построил для крестьян школу, выстроил пожарный сарай, построил колокольню, ввел всяческую культуру. Крестьян он лечит, учит, занимается акушерством... Создается общественная жизнь.

Любовно строит и свое собственное гнездышко — сначала в Мелихове, а потом в изгнании в Ялте. Как Астров, сажает деревья, разбивает сады, вносит всюду жизнь, не имея копейки за душою, и мечтает о том, как «лет через двести — через триста» все это будет прекрасно.

Насаждает культуру в своем родном Таганроге: жертвует ему свою библиотеку, посылает все получаемые им книги с автографами писателей, устраивает музей, художники и скульпторы посылают туда по его просьбе свои произведения. Принимает Чехов участие в народной переписи и почти единолично проводит ее в своем участке, получив за это медаль; хлопочет об устройстве народного дома в Москве.

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА

*«Чехов пешком прошел весь Сахалин с севера на юг,
произвел там первую неофициальную перепись
и написал первую не оцененную до сих пор книгу об этом «Чертовом острове».
Фотографии, привезенные А. П. Чеховым с Сахалина (1890 год),
и одна из 10000 сделанных им карточек переписи сахалинских ссыльнокаторжных»*

Заковка арестантов в кандалы

Пост Александровск

Арестанты на каторжных работах

Селение *Маливо*
 Дворъ № *176*
 Званіе *поселенца*
 Имя, отчество, фамилія отношенія къ хозяину:
Андрей Савельев
 Лѣтъ *35*
 Вѣроисповѣданіе *правосл.*
 Гдѣ родился *Псковъ*
 Съ какого года из Сахалинѣ
 Главнѣе занятіе
 Грамотенъ, неграмотенъ, обривованъ
 Желать ли родинѣ, на Сахалинѣ, вдовѣ, холостѣ.
 Получаетъ ли пособие отъ казны? Да, нѣтъ.

Отказывается от звания академика, когда несправедливо, по его мнению, не утверждают в этом звании Максима Горького. Это понятно со стороны граждански боевого Короленка, но, оказывается, что и находящийся в стороне от битв свободный художник умеет стоять на посту.

Великая любовь к слабым и совершенно исключительная практическая деятельность. Практическая... не для себя, а для других.

Может быть, в этом и есть решение? Отдайте все, что имеете, но умеете создавать, чтобы было что отдать. Забудьте о себе, но работайте для других. В те дни, когда таких людей станет много, исчезнет непримиримость жизни на земле с заветами хотя бы Нагорной проповеди.

Пятьдесят лет тому назад прекрасное творчество и прекрасная жизнь оборвались. Чехов ушел, любимый и угадываемый даже теми, кто не мог понять его.

Второго июля 1904 года⁵ был страшный день. Все испытали не грусть, но страдание — ужас великой потери.

Россия была в трауре.

Траурное путешествие из Баденвейлера в Москву.

Прощание с дорогим писателем по пути на русских станциях, кортеж на улицах Москвы, похороны в Новодевичьем монастыре...

Особенно ярко сохранилась в памяти минута: стою с артистами в подъезде Художественного, Чеховского театра, около которого останавливается шествие. Рядом со мною стоят и поют басами «вечную память» Чехову <...> Максим Горький и Шалапин... Вливаются их голоса в общее согласное пение многих, многих тысяч людей...

Вечная память...».

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА

Семья Чеховых: Павел Егорович и Евгения Яковлевна (сидят в центре), их дети (слева направо) — Мария, Михаил, Иван, Антон, Николай, Александр; Митрофан Егорович (дядя), Людмила Павловна (его жена), Георгий (их сын)

Чеховы. Слева направо: стоят — Евгения Яковлевна (мать), Павел Егорович (отец), Митрофан Егорович (дядя), сидят — Ефросинья Емельяновна (бабушка), Егор Михайлович (дед), Людмила Павловна (тетка). Вот откуда пошел «паренек, мужичок» Антоша Чехонте; вот откуда «деловитость» Антона Павловича Чехова, «какую найдешь только в крестьянской среде»

А. П. Чехов с сотрудниками «Русской мысли»

А. П. Чехов и Г. И. Россолимо. Фотография 1903 года

А. П. ЧЕХОВ ИМЕЛ ДРУЗЕЙ СРЕДИ ЛУЧШИХ РУССКИХ ЛЮДЕЙ. ВСЯ ТА ГРУППА НАШИХ ЛУЧШИХ ЛЮДЕЙ ПУБЛИЦИСТИКИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ, КОТОРАЯ НЕ БЫЛА ЧУЖДА ДОКТРИНЕРСТВУ И ПОЭТОМУ ДОЛГО НЕ МОГЛА ПОНЯТЬ ЧУЖДОГО НАПРАВЛЕНЧЕСТВУ И КРУЖКОВЩИНЕ СВОБОДНЕЙШЕГО ХУДОЖНИКА, ЛЮБОВНО ПРИНЯЛА ЕГО В СВОЮ СРЕДУ.

А. П. Чехов, Д. Н. Мамин-Сибиряк, И. Н. Потапенко

* * *

Как я уже говорил, попытки показать «двух разных Чеховых» предпринимались Яблоновским неоднократно. Вот еще одна — первая из мне известных: статья 1914 года «Памяти Чехова», напечатанная в «Русском слове»⁶:

«Всмотритесь, вдумайтесь: разве их было не два? Во всем различные, порою до такой степени, что они являлись антиподами один другому.

Даже имена у них были совершенно различны: одного звали Антоша Чехонте, другого звали Антон Павлович Чехов.

Один родился в крестьянской семье, добившейся некоторого материального достатка, живущей жизнью городского мещанства. Другого надо было бы назвать аристократом, если бы по поводу этого слова не приходилось каждый раз делать оговорку.

У одного было милое здоровое лицо крестьянского парня-затейника, смехача, балагура, равнодушного к женскому полу. О последнем обстоятельстве так красноречиво говорили красивые глаза с поволокой, темные, но с запрятанной в них искоркой лукавого озорного смеха. Весь от земли, весь в посюсторонних интересах.

У другого была совершенно непохожая на этого парня внешность. Всмотритесь в эти тонкие благородные черты, в эту высшую интеллигентность, которая так скромно и невольно проявляется во всякой линии, всяком движении, в спокойном, мудром взгляде немного уставших глаз.

Даже русский ли он? Слишком в нем много европейца. У нас, русских, культура такая еще молодая, а здесь видны многие поколения, создавшие этот законченный духовный и физический образ.

Но откуда же все-таки эти два лица? Почему всем дано одно, а ему — два?

Потому, что в Чехове медленно, как все огромное, рос и формировался внутренний человек.

Чехов не получил наследства, с которым явились на свет белый мы, лепеча еще с колыбели: «общественность, прогресс, народные страдания»...

Чехов выработал сам того исключительно человека, которым предстал перед нами, завершил свое развитие.

И одно только было в нем всегда вечное, чему он никогда не изменил: безусловная честность, безусловная правдивость, беспримерная независимость и как художника, и как человека. [Ни] одного слова не сказал он толь-

ко потому, что сказать это слово было модно или выгодно. Ни разу не заиграл ни под чью дудку. Весь был свой, особенный, ни на кого не меняющийся.

Искрился, сверкал, радовал огромный талант; но вот произошло и другое: открылись глаза мудреца. Встал и пошел человек, сидевший, как Илья, долгие годы, и все поняли, что он особенный: цельный, сильный, настоящий; друг и учитель.

Всегда любили, а, поняв, потянулись всеми душами и испытали ужас, когда он ушел, и теперь, через десять лет, вспоминаем как самого большого и самого близкого».

1886 ГОД — РУБЕЖНЫЙ В ЖИЗНИ ЧЕХОВА. В БИОГРАФИЧЕСКОМ ОЧЕРКЕ, ПРИЛОЖЕННОМ К ОДНОМУ ИЗ ИЗДАНИЙ ЧЕХОВА, Я ГОВОРЮ, ЧТО В ЭТО ВРЕМЯ ИЗ КУКОЛКИ ВЫШЛА БАБОЧКА. ЭТО — НЕ МЕТАФОРА, ЭТО СОВЕРШЕННО ТОЧНОЕ УКАЗАНИЕ НА ПРЕБЫВАНИЕ ЧЕХОВА В ДВУХ РАЗЛИЧНЫХ СОСТОЯНИЯХ: АНТОШИ ЧЕХОНТЕ И АНТОНА ПАВЛОВИЧА ЧЕХОВА.

* * *

О любопытной истории, связанной с повестью А. П. Чехова «Попрыгунья», вспоминает С. Яблоновский в эссе «Из жизни Чехова»⁷.

«Это было в Москве, приблизительно в 1903 году. Мы с женою были в гостях у Александра Михайловича Успенского.

Александр Михайлович был тенором Большого театра. Голос у него был небольшой, с чуть-чуть носовым оттенком, но театр, в труппе которого были исключительные силы, дорожил им, так как это был певец большого музыкального образования, вкуса и несомненного драматического дарования. Между прочим, давал прекрасную фигуру Моцарта и не казался карликом рядом с изумительным Шаляпиным — Сальери. Кроме того, был настоящим «интеллигентом», что среди оперных артистов не особенно часто встречается! Ценили его и как прекрасного профессора. Вследствие всех этих обстоятельств у него

*На даче М. Ф. Якунчиковой в Наро-Фоминском.
Слева направо: стоят — А. П. Чехов,
М. Ф. Якунчикова, С. С. Мамонтов,
сидят — О. Л. Книппер, К. С. Станиславский,
В. Я. Гарденин.
Фотография 1903 года*

*Слева направо:
Т. Л. Щепкина-Куперник,
Л. Б. Яворская, А. П. Чехов*

собирался порою интересный народ, больше люди искусства.

Среди присутствовавших мое внимание привлекла к себе одна дама. Было ей, вероятно, уже лет за пятьдесят, не была она красива, но, глядя на нее, я испытывал совсем необыкновенное и тревожное ощущение: был совершенно уверен, что никогда с нею не встречался, и в то же время отчетливо сознавал, что знал ее, может быть, больше многих знакомых.

Этот широкий, слегка мелодраматический жест, эта немного экзальтированная речь, большой темперамент, старомодное обращение к собеседникам не по имени-отчеству, а по фамилии, красиво закинутая голова, некоторая мужественность — все это я знаю до такой степени, что могу угадать, что она сейчас скажет, как отнесется к тому или иному вопросу. Странно... Никогда этого со мной не было.

Мое чувство возросло до последней степени, когда подошедшая ко мне жена спросила, показывая глазами на эту загадочную женщину:

— Ты не знаешь, кто это такая? Мне кажется, что я ее...

Колдовство. Тогда я обратился за разгадкой к хозяину. <...>

— Как, разве вы не знаете? Да ведь это же чеховская «попрыгунья»!

«Сказано слово — и все объяснилось». Передо мной воскресла одна из чудесней-

ших его (Чехова. — **В. П.**) повестей, которую я столько раз перечитывал и самому себе, и друзьям, все с большим и большим наслаждением. Ольга Ивановна, жена Осипа Дымова! (Ах, для чего современные писатели берут иногда псевдонимами имена литературных «героев», заслоняя их образы своими собственными, нисколько не соответствующими⁸).

«— Нет, вы послушайте! — говорила ему Ольга Ивановна, хватая его за руку, <...> — Слушайте, Рябовский... И вы, писатель, слушайте, это очень интересно. <...> Не правда ли, в нем есть что-то сильное, могучее, медвежье? Теперь его лицо обращено к нам в три четверти, плохо освещено, но когда он обернется, вы посмотрите на его лоб. Рябовский, что вы скажете об этом лбе? Дымов, мы о тебе говорим! — крикнула она мужу. — Иди сюда. Протяни свою честную руку Рябовскому...».

Та, что была теперь передо мною, была не просто экспансивная женщина, каких множество, — нет, это была именно она, яркая, талантливая, умная, восторженная, зажигающая сама и требующая, чтобы о нее зажигались другие, — все та же, несмотря на то, что ее портрет Чехов написал уже давно. Повесть эта впервые появилась в журнале «Север» лет десять назад, в девяносто втором или третьем году. И так же около нее и теперь были актеры, певцы, художники, литераторы, и так же они к ней относились.

«Она боготворила знаменитых людей, гордилась ими и каждую ночь видела их во сне. Она жаждала их и никак не могла утолить своей жажды. Старые уходили и забывались, приходили на смену им новые, но и к этим она скоро привыкала или разочаровывалась в них, и начинала жадно искать новых и новых великих людей, находила и опять искала».

Теперь среди присутствующих, кажется, один я еще не был с нею знаком, и потому тотчас же был приглашен исполняющим должность великих.

Ольга Ивановна Дымова, Софья Петровна Кувшинникова, рассказала мне, кажется, в первую же встречу у нее на квартире свою историю «попрыгуньи».

Но прежде два слова о ее жилище: до тех пор я знал, что значит твердая рука художника карандаша, кисти. Теперь я с удивлением и восторгом понял, что такое верная рука писателя, точная, непогрешимая. Теперь она и обстановка, в которой она жила, представляли собою «единое неделимое», и все это вместе было картиной, написанной Чеховым.

Прошло с того времени почти полвека, обрушилось множество других событий и переживаний, таких всепоглощающих, что лучше, если бы их и вовсе не было, и я боюсь теперь ошибиться, сказав, что это была точь-в-точь обстановка, которую написал Чехов, но характер, но некоторые детали, а, главное, «существо существа» были совершенно те же. Чего не было тогда у Ольги Ивановны Дымовой, — это нескольких полотен Левитана, висевших теперь у Софьи Петровны Кувшинниковой. Около них — пейзажи самой Софьи Петровны, необыкновенно напоминавшие стиль, характер, настроение ее великого учителя. Некоторые ее полотна были потом и у меня; она дарила легко и щедро.

Вот что в ближайшее время после моего знакомства я узнал обо всей этой истории — главным образом от самой «попрыгуньи». <...>

У Софьи Петровны собиралась та самая компания, которая описана в повести. Было дружно и весело, потому что все друг к другу привыкли, друг друга любили, ценили, и ценить их было за что. В среду постоянных членов компании время от времени попадали, подобно кометам в круг рассчитанных светил, новые, часто заезжие, и всегда были хорошо поданы.

Мир и спокойствие этого даровитого общества вдруг был совершенно нарушен тем, кого Чехов упомянул последним в их кружке: «литератор, молодой, но уже известный, писавший повести, пьесы и рассказы».

Кто-то принес номер «Севера», в котором помещалось то, что назвали бы теперь атомной бомбой.

— А в сущности, что там было оскорбительного? — говорила Софья Петровна, начавшая со мной беседу на эту тему, конечно, по собственной инициативе. — Дымова — попрыгунья-стрекоза, «ла сигаль», лафонте-новская мораль, назидательная и жестокая, — давно уже получила осуждение, право петь и даже плясать давным-давно было уже завоевано, а попрыгунья изображена вовсе не отрицательными чертами. Трагизм ее (повести. — **В. П.**) фабулы всецело является результатом художественного творчества, не отвечающим действительности. Незнающие могут думать, что Чехов раскрыл семейную тайну, ворвался в интимную жизнь семьи, но он вообще не думал о «натурщиках».

*Свет не карает заблужденья,
Но тайны требует от них,*

— но как раз тайны-то здесь и не было.

Дальнейшее я рассказываю со слов не Софьи Петровны, <...> но справедливость рассказанного не подлежит сомнению.

Между Софьей Петровной и ее мужем, врачом одной из московских больниц, давно уже установились чисто дружеские отношения, и роман ее с художником не был секретом ни для кого. Трагического высасывания Дымовым дифтерийных пленок не было, и сам Кувшинников в то время, когда писалась эта повесть, был жив и здоров. Наличности же некоторого конфуза отрицать, конечно, нельзя. Может быть, ярче других почувствовал это сам автор, разом прекративший посещение этого общества друзей. Испытывал, конечно, неприятное чувство Дымов-Кувшинников, поставленный автором на пьедестал, вызвавший к себе глубочайшее участие всей читающей России. Сервируя по окончании вечеров закуску, он с улыбкой, вероятно, не особенно добродушной, приговаривал:

— Как мне выбиться из этого чеховского меню?

И уже вовсе не добродушно пережил все это герой романа⁹: И. И. Левитан вызвал на дуэль своего старого друга.

Вступились друзья, и нового дикого варварства не произошло: ни Левитану не пришлось убить Чехова, ни Чехову — Левитана. И великому писателю, и великому художнику судьба позволила еще некоторое время поработать для мира: Чехову — десять лет, Левитану — семь».

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА

*А. П. Чехов насаждает сад.
Как все это будет прекрасно «лет через двести —
через триста...». Фотография 1903 года*

мительной Иоанной д'Арк, слегка сутулясь, положив руки на колени — его привычная поза, когда он чувствовал на себе чье-нибудь подчеркнутое внимание. Потом улизнул в другую комнату. Победительная на сцене, провинциально робкая в жизни, Ермолова на этот раз отважилась на предприимчивость и тоже профильтровалась через поглотившую Чехова дверь. Там были только мужчины, и, едва войдя, Мария Николаевна услышала такую, не для курящих, фразу из рассказываемого Чеховым анекдота, что, говоря ее словами, горошком выкатилась снова в зал.

Тем их знакомство, по крайней мере на этот раз, и окончилось.

А Чехов мог иногда рассказать весьма «серьезный» анекдот, потому что, будучи чистым, вовсе не был чистюлей и в этом отношении походил на крупнейших русских писателей, вовсе не боявшихся подчас крепкого и выразительного русского слова. <...> Выразительное русское слово не пачкает их. Зато боялись они — и Чехов в особенности — словесного мармелада, громкой фразы, поднимания себя на цыпочки. Прекрасно рассказывает Мережковский в статье о Чехове, как, молодой, он доказывал молодому Чехову

А. П. Чехов.

Карандашный рисунок Н. З. Панова (1903).

Чехову остается жить всего год.

*Из впечатлений художника во время сеанса:
«Строгое осунувшееся лицо тает в воздухе.
Все говорит о том, что человек прислушивается
к тому, к чему здоровый не прислушивается, —
к какой-то новой работе внутри. Как тяжело,
как больно глядеть в эти серьезные, печальные
глаза, уходящие дальше человеческих наблюдений.*

*Совестно быть здоровым и ненужным
в присутствии этого больного и дорогого
для всей России человека...»*

ПОРАЗИТЕЛЬНО ТО, ЧТО ЧЕХОВ САМ
НАШЕЛ РАЗРЕШЕНИЕ ТРАГИЧЕСКОЙ
ПРОБЛЕМЫ [ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СЛАБОСТИ];
НАШЕЛ ЕГО НЕ В КАКОМ-ЛИБО
КАБИНЕТНОМ ПОСТРОЕНИИ,
А ДАЛ В ВИДЕ СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.
ОБЫКНОВЕННО СЛАБОСТЬ ГОТОВЫ
ВОСПЕВАТЬ СЛАБЫЕ, ЗДЕСЬ К СЛАБОСТИ
СОЧУВСТВЕННО СКЛОНИЛАСЬ ОГРОМНАЯ
СИЛА. <...> ВЕЛИКАЯ ЛЮБОВЬ К СЛАБЫМ
И СОВЕРШЕННО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ
ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ПРАКТИЧЕСКАЯ... НЕ ДЛЯ СЕБЯ,
А ДЛЯ ДРУГИХ.

* * *

*В уже цитировавшемся выше очерке «Чехов»
С. Яблоновский поведал о некоторых забавных
случаях, связанных с писателем:*

«Такая же большая, как и он, такая же скромная и застенчивая, М. Н. Ермолова рассказывала, как она искала этого знакомства и напросилась в дом, где будет А. П. Чехов.

Их посадили рядом, и оба они просидели с полчаса, не выпустив пару изо рта; она — потому что умела стыдливо смущаться перед большими людьми, он... по той же самой причине. Я так и вижу, как он сидел с нашей изу-

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА

Очерк С. Яблоновского «Чехов. К 35-ти летию со дня его кончины» в парижской эмигрантской газете «Иллюстрированная Россия» (1939. 15 июля). Вверху — фотография похорон А. П. Чехова. Даже при столь плохом качестве снимок передает главное — безбрежность людского моря, охваченного «не грустью, но страданием — ужасом великой потери»

— А кстати: когда будете в Москве, заезжайте к Тестову и закажите селянку — превосходно готовят; да не забудьте, что к ней большая водка нужна.

Тогда Мережковский обиделся и отнес это, как и Михайловский, к «отсутствию общих идей», а потом писал: «Надо было столько нагрешить святыми словами, сколько мы нагрешили, чтобы оценить стыдливое чеховское молчание о святом» (цитирую все это по памяти, но уверен, что почти дословно)».

Вместо заключения приведу еще одну выдержку из опять-таки цитированного выше очерка С. Яблоновского «Памяти Чехова»:

«— Меня будут читать после смерти моей семь лет, — говорил [Чехов] Бунину.

— Почему семь?

— Ну, десять...

Прошло вот десять лет после его смерти, а Чехов весь еще в будущем, и мы только начинаем понимать, как он был огромен, но уже давно поняли, что необходимо поставить вехи, провести демаркационные линии: русская литература до Чехова и русская литература после Чехова.

А если хотите, то и еще больше: русская жизнь до Чехова и русская жизнь после Чехова, потому что влияние творчества Чехова на русскую жизнь бесспорно и велико».

Все фотографии, кроме последней, взяты из полного собрания сочинений и писем А. П. Чехова в двадцати томах (М., 1944–1951)

необходимость «почтительнейше возвратит билет»¹⁰ из-за слезинки замученного ребенка. Мережковский вопил и мелодраматизировал, <...> а Чехов смотрел на него холодными, немощно докторскими глазами и ответил:

¹Потресов В. А. Пути и перепутья Сергея Яблоновского // Московский журнал. 2008. № 11.

²Очерк «Чехов» // Иллюстрированная Россия. 1939. 15 июля.

³Русская мысль. Париж, 1954. Июль.

⁴Персонаж рассказа А. П. Чехова «Тайный советник».

⁵День смерти А. П. Чехова, скончавшегося на шварцвальдском курорте Баденвейлер (Германия).

⁶Русское слово. 1914. № 151. 2 июля. Эта статья С. Яблоновского открывала номер газеты, посвященный десятой годовщине со дня кончины писателя. Кстати, она была относительно недавно перепечатана в сборнике «А. П. Чехов в воспоминаниях современников» (М., 2004) под неправильным (что по известным причинам понятно, но все же нарушает авторские права) названием «Два Чехова».

⁷Новое русское слово. 1949. 11 сентября.

⁸Имя и фамилию чеховского персонажа, мужа «попрыгуны» врача Осипа Дымова взял себе в качестве псевдонима писатель Осип Исидорович Перельман (1878–1959).

⁹Имеется в виду роман «попрыгуны» с художником Рябовским, прототипом которого был И. И. Левитан.

¹⁰На самом деле у Мережковского это звучит так: «Не потому смерть есть смерть, что нет бессмертия, а потому, что «и не хочется бессмертия», не нужно его, ничего не нужно, или, вернее, нужно ничего. И не потому не верующий в бессмертие не верит, что бессмертия нет; а потому и нет для него бессмертия, что он в него не верит, не хочет его, и если бы знал, что оно есть, то все-таки не захотел бы — как Иван Карамазов, «возвратил бы почтительнейше билет свой Богу» (Мережковский Д. С. Грядущий Хам. Чехов и Горький. М., 1906).

Евгений Васильевич Кузнецов-Тобольский

Кладоискание и предания в Западной Сибири

Отрывки из книги

Известный в свое время, а впоследствии основательно забытый сибирский историк, краевед, этнограф, публицист Е. В. Кузнецов (1848–1911) родился в семье священника в селе Новое Тобольского округа (ныне Уватский район). Образование получил в Тобольской духовной семинарии. Служил по гражданской части. «Евгений Васильевич интересовался сибирской историей, работал в тобольских архивах. Кроме разработки архивных материалов, его интересовала библиография по литературе о завоевании Сибири Ермаком и пр. В свое время он работал в Тобольском музее, был редактором «Тобольских губернских ведомостей», не чужд был и беллетристике — помещал в газете рассказы и стихотворения» (из некролога в «Сибирской торговой газете»).

Книга Е. В. Кузнецова-Тобольского «Кладоискание и предания в Западной Сибири» была издана в Тобольске в 1896 году.

ЛЕГЕНДЫ. ПРЕДАНИЯ. БЫЛИ

Первые сведения о сибирском кладоискательстве встречаются в заметках иностранцев, бывавших в старой Сибири в середине XVII и начале XVIII столетий. Юрий Крижанич¹, проживший в Сибири пятнадцать лет (с 1659 года), в одном из своих сочинений <...> рассказывает: «В Сибири есть неизвестные могилы древних скифов, на которых уже выросли кустарники и лес, — разыскать их можно не иначе, как при помощи колдовства. С этой целью некоторые люди отдаются чернокнижью и, найдя таковые могилы, иногда вырывают из них немного серебра. Я сам видел серебряные сосуды, вырытые таким образом».

Известный географ Витзен² <...> [пишет], что «недалеко от Тобола встречаются под горами особого рода весьма древние могилы, в которых, кроме костей покойников, была находима утварь из серебра, меди и железа». Подобные сведения встречаются и в сочинениях других ученых, путешествовавших по Сибири и обращавших внимание на культурные остатки древних сибирских народов. <...>

Но первым ученым, обратившим большее внимание на расхищение кладоискателями сибирских древностей, был доктор Мессершмидт³, пробывший в Сибири по поручению Петра Великого с 1720 по 1727 год. В дневнике его о современных ему кладоискателях, или «бугровщиках», встречаются между прочими следующие замечания:

«25 марта 1721 года. Русские, живущие по верхнему течению Оби, называются ишимцами; они-то и отправляются на промыслы за откапыванием золота и серебра, находящегося в могилах. Впервые занялись этим русские, жившие на Ишиме; отсюда они подвигались все далее и далее, пока в своих поисках таких могил не дошли до Оби; поэтому всех поселяющихся здесь, на Оби, пришельцев из Тары, Нарыма, Тобольска, Казани, Соликамска и других местностей, называют ишимцами и ишимскими. В этой Чаусской слободе около 150 жителей, занимаются они хлебопашеством и торговлей мехами. Но главным образом зарабатывают много денег раскопками в станах. С последним санным путем они отправляются на 20—30 дней езды в степи: собираются со всех окрестных деревень в числе 200—300 и более человек и разбиваются на отряды по местностям, где рассчитывают найти что-нибудь. Затем эти отряды расходятся в разные стороны, но лишь настолько, чтобы иметь всегда между собою сообщение. <...> Найдя насыпи над могилами язычников, они иногда, правда, копают напрасно и находят только железные и медные вещи, которые плохо оплачивают их труд, но иногда им случается находить в этих

могилах много золотых и серебряных вещей, частично состоящих из принадлежностей конской сбруи, панцирных украшений, идолов и других предметов. <...>

25 ноября 1725 года поручик Рудольфи сообщил мне, что несколько лет назад по берегам Оби находилось много языческих могил, наполненных множеством золота и серебра, но что в настоящее время они разрыты русскими бугровщиками так, что нужно обладать особенным счастьем, чтобы случайно напасть еще на что-нибудь» (Материалы по археологии России. Сибирские древности. Т. 1. СПб., 1888).

По словам первого историка Сибири Г. Миллера⁴, численность сибирских кладоискателей не уступала партиям охотников за соболями, а этот промысел доходил в Сибири до того, что «языческие народы ходили в собольих шубах, да и лыжи подбивали соболями» (Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах. 1764). <...>

Начальные отдельные случаи кладоискательства в старой Сибири следует относить к первым годам XVII столетия. <...> С середины этого столетия кладоискательство дошло до размеров общего весьма распространенного промысла. Видя на землях, отнятых у инородцев, множество курганов, бугров, могильных насыпей, целые артели так называемых «бугровщиков» устремились на разрытие и добычу сокрытых в них сокровищ. Многие из этих могил и курганов были до того богаты находящимися в них золотыми вещами, что заслужили от кладоискателей название «золотарей». Существует предание, что много таких древностей, полученных от сибирских воевод, затерялось в общем богатстве известного губернатора М. Гагарина⁵. Не так давно (в 1883 г.) сибирские кладоискатели почему-то вообразили, что князь Гагарин, возвращаясь из Тобольска в Петербург, зарыл свои сокровища в одном древнем городке, следы которого находились напротив татарской деревни Мулаши по правому берегу Пышмы, и принялись разрывать этот городок. Немного позднее один тюменский купец разнес, можно сказать, городок до основания и испортил лежащие близ него высочайшие курганы, не найдя, разумеется, княжеских сокровищ. <...>

Случаи преследования кладоискателей встречаются еще при царе Алексее Михайловиче. Крижанич <...> упоминает: «У сибирских татар есть обычай погребать со знатными людьми их оружие, серебряные сосуды и конские украшения, а иногда и деньги. Во время моего пребывания (в Сибири. — *И. К.*) умер один бухарец по имени Мурат. Молва говорит, что с ним заодно было зарыто восемь тысяч

рублей золотом. Некоторые из московских стрельцов сделали попытку разрыть его могилу, но были уличены и наказаны кнутом». <...>

При Петре I правительство смотрело на клады как на богатство, ему принадлежащее. В 1721 году, когда последовало от сибирского губернатора князя Черкасского донесение о золоте, находимом в древних могилах, был издан известный указ: «Курьезные вещи, которые находят в Сибири, покупать сибирскому губернатору или кому где надлежит настоящей ценою и, не переплавляя, присылать в Берг и Мануфактур коллегию».

Принимала разные меры к уменьшению самовольного кладоискательства и местная сибирская администрация. В апреле 1727 года одна артель кладоискателей в числе восьми человек <...> «пошла на степь бугровать, и бугрровала до июня месяца, и пошла назад, <...> и наехала на них казачья орда киргизов⁶, и взяли их в полон всех и повезли к Иртышу; и один из них ушел с дороги ночью, а четырех человек оная казачья орда на становье убила и с того места разъехалась, а других — Янышевской крепости солдаты отбили». Сибирский губернатор по этому делу вынес решение: трех отбитых у киргизов крестьян «бить батогами нещадно за то, что они ездили в степь без отпуска, и по учинении наказания выслать в Кузнецк, а в Кузнецке и в уезде о том публиковать, дабы никто под угрозою жестокого наказания в степь для бугрования не ездил».

Позднее, во время императрицы Екатерины II, 3 июля 1764 года последовал особый указ Сената «О запрещении выходить за границу на степи для отыскания в древних могилах кладов». <...> Но сибирские кладоискатели, за редкими исключениями, приведенные распоряжения оставляли без внимания. <...> Они больше прислушивались к местным преданиям, чем к требованиям закона.

* * *

Народные предания Сибири за хранилища кладов считают больше всего «чудские могилы». Главное предание в этом случае сводится к тому, что в Сибири задолго до прихода русских жила *белоглазая чудь*. Перед походом Ермака в чудской земле стала расти береза, которая до того времени была тут неизвестна. Шаманы объяснили это явление тем, что скоро придут воины белого царя и покорят чудь. Она испугалась и зарыла себя заживо со всеми своими сокровищами. Благодаря этому о некоторых сибирских курганах, имеющих наверху ямы, в народе существует убеждение, что такие курганы осели вследствие подгнивших внутри их стоек. Приведенное предание осо-

бенно распространено в Западной Сибири; в Восточной же Сибири оно встречается между некоторыми племенами инородцев: тунгусы, например, рассказывая о покорении их русскими, прибавляют, что многие из предков их сделали род навеса, на который насыпали земли и каменьев, затем собрались под навес, подрубили столбы и заживо погребли себя. <...>

В чудских ямах, по рассказам, скрыты великие богатства. <...> Многие обогатились от этих кладов. В Чердынском уезде, например, находятся два огромных массива — *Золотая гора* у с. Акчим и *Говорливая скала* у с. Говорливое. Обе эти возвышенности являются доминирующими над окрестностями и служат предметами многих сказаний и легенд о чуде: в *Золотой горе* будто бы скрыты многие чудские клады и сокровища, и можно слышать даже, как звенит золото, которое пересыпают духи горы в час полночной тишины.

* * *

Наряду с общераспространенным преданием о кладах, оставленных чудью, в Западной Сибири существует немало преданий о кладах, относящихся к временам татарского владычества. Подобно «чудским могилам», большинство курганов, скрывающих эти клады, давным-давно и в некоторых местностях даже по несколько раз были разрываемы кладоискателями. Приведем из этих преданий наиболее любопытные.

В восьми верстах от нынешнего города Кургана, на живописном левом берегу р. Тобол, там, где до основания города была около 1663 года основана слобода *Царёво городище*⁷, возвышается местность, называемая татарами *Алгинский яр*. Здесь в древности имел свой юрт один знаменитый татарский, или ногайский, хан. В семействе его отличалась необыкновенною красотою дочь. Судьбе угодно было прекратить ее жизнь в годах расцветавшей молодости. Родители похоронили милое дитя вблизи своего жилища и над могилою приказали насыпать высокий земляной курган. Курган этот известен под именем *Царёва*. В первый раз кладоискатели разрыли его еще до водворения своего в Сибири. В нем найдены были серебряные сосуды, дорогие украшения и разные вещи. При таких поисках будто бы погребенная под курганом царевна не смогла выносить нарушения покоя. <...> В одну летнюю ночь, когда кладоискатели разрывали курган, вдруг из глубины его на окованной серебром колеснице, запряженной двумя белыми лошадьми, показалась юная девица-красавица с распущенными волосами, в блестящем раз-

ными камнями головном уборе и богатейшем татарском платье. Она мгновенно пронеслась к западу и вместе с колесницею утонула в глубине Чухломского озера. <...>

В двадцати верстах от Тюмени вокруг *Андреевского озера* (влево от тракта на Омск) до сего времени сохраняются следы находившихся тут когда-то древних городков, где также хранятся клады. Местные татары относят эти городки к глубокой древности, а сооружения их приписывают каким-то девицам-фуриям. Счет ямок внутри каждого городка ведут по числу этих фурий. «Здесь жили сорок злых девок, — говорил И. Я. Словцову, осматривавшему следы одного из этих городков, местный татарин Усман, — а вот на Пышме, против *Мулашей*, — там, старики сказывают, семьдесят семь» (Записки Западно-сибирского отдела Русского географического общества. 1885. Кн. VII).

На месте старой татарской столицы *Искера* вблизи Тобольска сохранились будто бы клады известного сибирского хана *Кучума*, бросившего здесь часть своего богатства. Миллер говорит, что «окольные российские жители, ищущие закопанные в земле пожитки, везде глубокие ямы копали, из которых некоторые недаром трудились». Позднее археолог М. С. Знаменский⁸ между следами старого

жилья *Кучума* видел между прочим колодезь, который некоторые считают подземным ходом: тут, говорит предание, и спрятана ханом часть его сокровищ. По словам одного старика, этот колодезь сверху обложен был каменными плитами. «На моих памятях, — говорил этот старик (в 1880 г.), — эти плиты <...> крестьяне разобрали себе в печи, да, видно, зарок был у татар наложен: все перемерли, которые плиты-то взяли <...> не приведи Бог и богатство его искать» (М. Знаменский. Искер. 1891).

По преданию тобольских татар, немало дорогого имущества *Кучума* сокрыто в местах старых городков, находящихся в ближних к Тобольску окрестностях, где жили некоторые из жен хана. В одном из этих городков, следы которого находятся на крутом обрывистом берегу Иртыша в семи верстах от Тобольска, где жила царица-красавица *Сузге*, в темные ночи нередко видится огонек; по другим же рассказам, над обрывом горы видели даже всадника на огненном коне (Тобольские губернские ведомости. 1882. № 34).

Но самая значительная часть богатств *Кучума* заключается в кладах, хранящихся в его могиле. Предание об этом записано в 1862 году в Кузнецком округе Томской губернии со слов крещеного татарина *Алексея*

Малькова, считающего себя потомком Кучума. По словам предания, когда Кучума вытеснили из Искера, то хан поселился на реке, называемой ныне *Кучу-Мында* (Алтайский край). Здесь-то и окончил свои тревожные дни побежденный русскими удалцами хан и похоронен был с живою девицей, а над его могилой насыпаны три кургана (шихана). Средний шихан больше остальных: под ним находится сама могила Кучума; под двумя же боковыми зарыто его имущество. Эти курганы местные инородцы хотели было разрыть, но побоялись (Сибирский вестник. 1889. № 79).

* * *

К северу Западной Сибири татарские предания о кладах сменяются русскими. Этих преданий немного. В большинстве случаев старые владельцы богатств, заключающихся в этих кладах, русскому человеку неизвестны; он знает одно — что клады эти есть, но добыть их нелегко — мешают «нечистая сила». Таково, например, предание о кладе, хранящемся в старом городище села Самаровское в пятистах верстах к северу от Тобольска.

«Давно это было, если верить старикам, очень давно. Плыл самаровец на лодке, кажется, с покоса. Глядит: на верху *Городищенского мыса* горит большая свеча. Испугался он: «Что за напасть? Пока живу, такого дива не видывал». Приехал в село, скликнул народ, рассказал. Покачали головами самаровцы: «Если бы он пьян был, — говорят, — а то мужик тверезый, основательный». Побежали на гору — там ничего нет; возвратились назад, посмотрели с реки — в самом деле, свеча горит. Опять на гору — там опять ничего нет, и так каждый раз. Прошло <...> дней восемь, ехал другой самаровец с переметов (рыболовные ловушки) — глядь, а на *Городищенском мысе*, на том самом месте, где видели свечу, белая девка на золотом коне ездит. <...> Приехал в село: так и так, ребята! «Да ты не врешь, парень?» — «Что вы, братцы! Зачем врать». <...> Поглядели с реки — и впрямь девка ездит; побежали на гору — ничего нет. <...> Смекнули они, что дело нечисто; думали да думали, судили да рядили, и решили миром: зарыть здесь клад, и клад очень большой! Но клад, известное дело, просто не дается. Послали за знахарем: как быть? что делать? Тот погадал-поворожил. «Надо, — говорит, — выкуп белой девке дать: или девичью голову, или кошачью». Самаровцы предпочли отделаться кошачьей головой. Убили на том самом месте под заклинания знахаря кошку

и принялись отрывать клад. Много дней копали они яму (а копать, по словам знахаря, можно было только днем, до заката солнца) и выкопали яму глубокую-преглубокую. «Ну, — сказал знахарь, — сегодня больше работать нельзя. А завтра придете и кончите: теперь всего какой-нибудь аршин докопать осталось!». И попутай в эту ночь нечистый одного из копавших клад! «Если я дождусь до утра, — подумал он, — мне достанется одна только часть, а пойду сейчас — заполучу весь клад». <...> Пошел он на *Городищенский мыс*, спустился в яму и принялся за работу. <...> Лопата уже звенела обо что-то металлическое. В ту же минуту над головой его раздался громовой удар. Он поднял голову и обомлел: белая девка на золотом коне стояла над ямой, зловеще сверкая глазами; конь ударил копытом в верхний край ямы, и на голову алчного ослушника обрушились глыбы земли... Когда наутро самаровцы пришли докапывать яму, она оказалась засыпанной, и знахарь <...> заявил им, что белая девка теперь осерчала, и потому вторично копать клад бесполезно: он не дастся в руки. Много лет спустя пробовали самаровцы еще раз копать *городищенский клад*, но и на этот раз как-то не пофартило (Сибирский вестник. 1896. № 126). <...>

* * *

Оставляя север Западной Сибири, послушаем предания о кладах в южных, степных ее окраинах. Это — предания, которые сберегла нам память киргизов.

По одному из таких преданий, в десяти верстах от устья р. Калжира <...> около вытекающей из нее р. Карамодона есть довольно обширное укрепление, обнесенное стеной, сложенной из нежженого кирпича. От этого укрепления в двадцати верстах в обрывистой каменной горе сохраняется закладенная в пещеру «калмыцкая поклажа», состоящая из дорогих металлов и камней на большую сумму, которая положена была калмыками в то время, когда по возмущению против китайского правительства <...> они бежали в русские пределы. Место это называется «кайма», то есть поклажа. <...>

В преданиях о сибирских кладоискателях упоминаются между прочим и киргизские знахари. Так, в 1850 году один из таких знахарей, киргиз Манжор Елемесов, проезжая по деревням Чарышской волости Бийского округа, вызвался пошаманить крестьянам деревень Пустынки, Чагырки и др., не скрыто ли клад в большом кургане, находящемся вблизи этих деревень. Крестьяне напоили киргиза вином, дали ему денег, и он стал шаманить. Невидимые духи передали шаману, что в кургане лежит несметное количество золота. Крестьяне оставили все домашние работы и принялись за разрытие кургана, но были остановлены местным начальством; их едва не предали суду за преступление против веры, так как они участвовали в шаманстве.

Любопытны также предания о кладах, существующие в Барабинской степи². Об одном кургане рассказывают, например, что какие-то приезжие люди копали его и откопали золотую телегу, но она ушла в землю. Передается также рассказ, что одному крестьянину-рыбаку во сне явился старец и приказал копать курган, где он за тремя чугунными дверями должен был увидеть красавицу и набрать золота и серебра сколько угодно. Когда рыбак начал копать, то действительно встретил в подземелье красавицу, окруженную сокровищами; красавица велела отыскать ему трех Иванов Ивановичей, детей одного отца, принести голову одного из Иванов — и тогда только достанутся ему виденные им сокровища. Рассказывают еще и так: девицу-царевну, окружив сокровищами, схоронил ее отец-хан; она сидит на богатом стуле с распущенными волосами и с золотым гребнем в руках. Она такая прекрасная,

что увидевший ее не может утерпеть, чтобы не поцеловать, а, поцеловав — не может уже выйти из подземелья: в этом и заключается его гибель. <...>

* * *

<...> [Предания о] кладах славного Ермака мы находим как на местах стоянок удалого атамана во время передвижения его с ратью в Сибирь в нынешнем Пермском крае, так и в бывших владениях сибирского хана Кучума, или нынешней Западной Сибири.

По р. Чусовой <...> при устье р. Ермаковки возвышается и доныне известняковая скала. Эта скала называется *Ермак-камень*. Она заключает в себе обширную пещеру, разделенную на множество гротов. Предание говорит, что во время своего похода в Сибирь Ермак зимовал в этой пещере и схоронил в ней свои сокровища. По поводу этого предания в истории Миллера встречается такое замечание: «Если словесному преданию тамошних жителей верить, то Ермак до похода своего в Сибирь уже так богат был, что рассудил не все свои сокровища с собою везти, но оные сохранил в пещере, которая в камне при реке Чусовой <...> находится, с тем намерением, что он возьмет их опять, когда из Сибири возвратится. Сей камень и поныне называется

«Ермаков камень». Во времена Миллера в семи верстах от этого камня была деревня Копчик, которую населяли крестьяне Строгановых и вогулы¹⁰, приписанные к Верхотурскому уезду, между которыми нашлись люди, бывавшие в упомянутой пещере. По расспросам историка оказалось, что эти удальцы «сверху того камня до самого отверстия на веревках

спустились и, вошедши, нашли пещеру весьма пространную, только следов находившегося там сокровища никаких не видали». <...>

Кроме *Ермак-каменя*, в Пермском крае находится несколько *Ермаковых городищ*, которые также связывают с кладами.

Первое городище находится в северо-восточной части Кунгурского уезда на р. Се-

ребрянке при впадении в нее р. Кокуй. Тут была стоянка Ермака зимой 1579–1580 годов. <...>

Второе городище находится в Верхотурском уезде, в шестнадцати верстах от Нижнетагильского завода и в четырех верстах ниже впадения в Тагил р. Баранчи, при устье р. Медведки. Тут виден ров, который тянется параллельно реке, а потом поворачивает под прямым углом. Внутри находится пять ям. По преданию, тут было укрепление, построенное Ермаком с дружиною после того, как он, перейдя через Урал, поплыл на плотах по Баранче и достиг Тагила.

Из кладов, оставшихся после боевых схваток Ермака с татарами, предания считают более богатыми клады, зарытые около устья Туры и где-то вблизи Бегишевского озера.

Плывя весной 1581 года устьем Туры, Ермак при впадении этой реки в Тобол имел жестокое сражение с шестью татарскими князьками, продолжавшееся несколько дней. <...> Здесь побито было множество татар, и, одержав полную победу, Ермак «столько получил добычи, что не можно было с собой на судах везти, но некоторую часть принужден был закопать в землю» (Миллер).

В злополучном походе из Искера вверх по Иртышу, окончившемся смертью Ермака, храбрый атаман имел кровопролитную битву с татарским князем Бегишем. Место это находится в нынешней Бегишевской волости Тобольского округа. Здесь Ермак также «получил в добычу множество богатства и великое число съестных припасов, которые он до своего (несостоявшегося) возвращения приказал закопать в землю» (Миллер). <...>

* * *

Кроме приведенных преданий, между простонародьем Западной Сибири существуют

еще предания о так называемых «разбойничьих» кладах.

В Тутальской волости Томского округа <...> находится конусообразный курган с ямою на вершине. По преданию, здесь жили двенадцать разбойников, которые зарыли два медных котла, наполненные золотом и серебром, покрыв их каменной плитой. Это предание распространено и на другой подобный же курган, находящийся [неподалеку]. Говорят, что крестьяне когда-то, очень давно, пробовали раскопать этот клад, но ничего не нашли.

Из кладов алтайских разбойников, грабивших когда-то караваны, проходившие из Джунгарской Урчи¹¹ на Томск, народное предание называет клад разбойника Селезнева. Это был весьма популярный разбойник. В народе он известен был более под именем *Селезня*. Попадая часто в тюрьмы, <...> всегда, лишь только наступала весна, он доставал ложку воды и уголь, чертил углем на тюремном полу лодку, садился в нее и выплывал из тюрьмы на реку уже в настоящей лодке, а то иногда и просто превратившись в селезня. <...> «Главный склад его имущества был на р. Черновой, впадающей в Иртыш. <...> Он хотел открыть его конвойным, которые в последний раз везли его в лодке по Иртышу в Усть-Каменогорскую крепость, прося их возвратиться к Черновой, но конвойные не согласились. Так имущество его и доселе лежит неоткрытым и должно превратиться в клад» (Тобольские губернские ведомости. 1858. № 16).

*Подготовка текста,
предисловие и примечания
Игоря Николаевича Кузнецова*

*Рисунки
Елизаветы Михайловны Васильевой*

¹Крижанич Юрий (ок. 1618–1683) — хорватский богослов, философ, историк, этнограф, публицист.

²Витзен (Витсен) Николай Корнелий (1641–1717) — голландский ученый, автор труда «О странах Северной и Восточной Азии и Европы» (Амстердам, 1692).

³Мессершмидт Даниил Готлиб (1685–1735) — исследователь Сибири, по происхождению немец.

⁴Миллер Герард Фридрих (1705–1783) — российский историк, академик, по происхождению также немец.

⁵Гагарин Матвей Петрович (?–1721) — князь, сибирский губернатор, казнен за злоупотребления властью.

⁶Так до революции называли казахов.

⁷Первое русское поселение в Сибири.

⁸Знаменский Михаил Степанович (1833–1892) — известный сибирский художник, писатель, археолог, краевед.

⁹Название Барабинской низменности в южной части Западной Сибири.

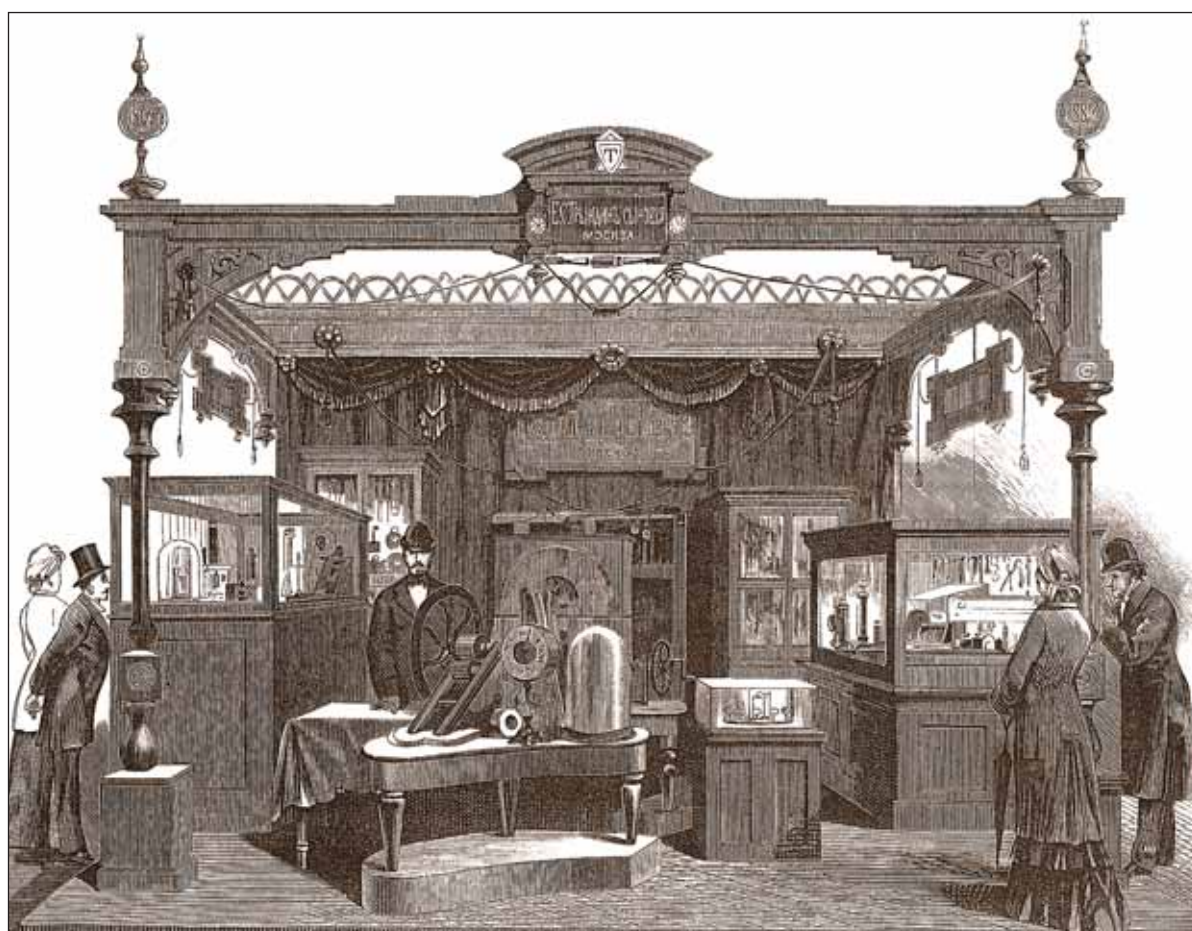
¹⁰Устаревшее наименование манси.

¹¹Джунгария — территория на северо-западе Китая.

*Евгений Николаевич Трындин,
Стелла Гургеновна Морозова*

Трындины

О представителях этой известной московской купеческой фамилии
(конец XVIII — начало XX века)

Стенд фирмы Трындиных на Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 года в Москве

В 1885 году в одном из приложений к журналу «Радуга» появилась статья, где говорилось: «Все новое, все лучшее, все усовершенствованное введено теперь на первой русской паровой фабрике для изготовления медицинских и физических инструментов, все сделано предпринимателями для процветания этого производства на русской почве — остается ждать только поддержки и симпатии публики, которой давно бы пора бросить немецкий

камзол и ближе подойти к родному армяку. Не все то хорошо, что идет из-за моря, — умеем и мы что-нибудь¹. Столь гордого отзыва удостоилось торгово-промышленное предприятие «Е. С. Трындина Сыновья в Москве», существовавшее к тому времени уже пятнадцать лет и представлявшее собой семейное дело московских купцов Трындиных по выпуску научных приборов и медицинских инструментов.

ИЗ ИСТОРИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

История фирмы

Ее основал более двух столетий назад Сергей Семенович Трындин — крестьянин-старообрядец, пришедший в Москву из Владимирской губернии. Подробностей мы не знаем, но известно, что он обучался изготовлению приборов в физическом кабинете Императорского Московского университета и в середине 1780-х годов открыл в Москве мастерскую по изготовлению и ремонту физических и математических инструментов². Судя по всему, Трындины были первыми и единственными на тот момент отечественными оптиками, имевшими свою мастерскую в России³.

В 1809 году Трындины открыли первый русский «оптический» магазин, находившийся на Кузнецком мосту⁴. Это событие и положило начало официальной летописи их семейного дела. Сергей Семенович был женат на экономической крестьянке Евдокии Нестеровне. Имеются сведения о трех сыновьях: Матвее, Абраме и Егоре Сергеевичах. После смерти отца мастерской и магазином, в 1830 годах располагавшимися на Лубянке в доме князя Голицына⁵, владели Абрам (считавшийся официальным владельцем) и Егор. Фирма продолжала выпускать физические и математические инструменты. Проведение в Москве в 1831 году выставки российских мануфактурных изделий дало возможность Абраму Сергеевичу впервые продемонстрировать высокие технические достоинства своих изделий: уровень, астролыбия, солнечные часы, циркули, барометры, термометры и другие приборы удостоились малой серебряной медали⁶.

Трындины становятся постоянным поставщиком геодезических инструментов для межевых учреждений, солнечных часов и математических инструментов для учебных заведений. Особенно тесным было сотрудничество с Межевой канцелярией — по ее заказам копировались известные иностранные образцы и изготавливались новые приборы. В конце 1853 года братья разделились. Отцовская мастерская перешла к Егору Сергеевичу. Абрам Сергеевич приобрел дом на Мясницкой улице, где совместно с сыном Иваном создал новое оптическое предприятие. После смерти Абрама Сергеевича (1856) мастерскую, в которой в то время работало 25 человек, унаследовал Иван⁷. Однако в дальнейшем она пришла в упадок, а Иван Абрамович оставил предпринимательскую деятельность и до самой своей кончины (1873) преподавал геодезию в Константиновском межевом институте⁸.

Егора Сергеевича ждала иная судьба. Он родился в 1806 году, женился (1834) на дочери

Егор Сергеевич Трындин.

Фотография 1862 года

ЕГОР СЕРГЕЕВИЧ ТРЫНДИН РАЗВИВАЛ ТРАДИЦИИ СЕМЕЙНОГО ДЕЛА: ПРЕДПРИЯТИЕ ВЫПУСКАЛО НОВЫЕ ФИЗИЧЕСКИЕ, ГЕОДЕЗИЧЕСКИЕ И МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ, ПРИНИМАЛО ЗАКАЗЫ НА РЕМОНТ И НАЛАДКУ ПРИБОРОВ, ПОСТАВЛЯЛО СВОЮ ПРОДУКЦИЮ РАЗЛИЧНЫМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ УЧРЕЖДЕНИЯМ.

московского мещанина Елизавете Кондратьевне Шепелевой, имел пятнадцать детей, из которых до взрослых лет дожили трое: Мария, Сергей и Петр⁹. В 1858 году Е. С. Трындин вступил в купечество, в 1860-м был избран на три года ратманом 1-го Департамента Московского магистрата¹⁰.

Егор Сергеевич развивал традиции семейного дела: предприятие выпускало новые физические, геодезические и математические инструменты, принимало заказы на ремонт и наладку приборов, поставляло свою продукцию различным государственным учреждениям, в том числе Московской дворцовой конторе. Поворотным событием явилось приобретение в 1858–1866 годах целого квартала земли со строениями в центре Москвы, где

ИЗ ИСТОРИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

в дальнейшем расположились производство и торговая часть предприятия. Этот большой участок, ограниченный улицей Лубянской и Большим Кисельным переулком, становится родовой собственностью Трындиных¹¹. В декабре 1868 года Егор Сергеевич скончался и был похоронен, как и все Трындины, на Рогожском старообрядческом кладбище.

Период расцвета семейного предприятия — конец XIX — начало XX века, когда к управлению пришли братья Сергей и Петр Егоровичи, открывшие в 1869 году фирму под названием «Е. С. Трындина Сыновья в Москве». Сергей Егорович родился в 1847 году, в 1868-м же-

нился на Александре Михайловне Селиверстовой из старинной московской купеческой старообрядческой семьи, имел двух дочерей — Павлу и Анастасию. В 1888-м вся его семья получила звание потомственных почетных граждан¹². Петр Егорович родился в 1852 году. В октябре 1876-го женился на Татьяне Гордеевне Махоткиной, происходившей из купеческого старообрядческого рода, имел девять детей, из которых до взрослых лет дожили шесть дочерей и сын Петр — последний владелец фирмы. Петр Егорович и его семейство также удостоились звания потомственных почетных граждан¹³.

Сергей и Петр Егоровичи Трындины, возглавив семейное дело, решили поставить его на современные рельсы. Братья были очень молоды (Сергею — 21 год, а Петру не исполнилось еще и 17 лет), энергичны, полны смелых планов: перейти от кустарной мастерской к развитому фабричному производству, наладить выпуск приборов и инструментов, не уступающих западным образцам. Новая стратегия начала реализовываться прежде всего в области производства медико-хирургических инструментов. В 1877—1878 годы братья поставляли медицинское оборудование и хирургический инструмент на фронт и были награждены знаком Красного Креста «За Русско-турецкую войну»¹⁴. В конце 1870-х они выезжают за границу с целью приобрете-

**СЕРГЕЙ И ПЕТР ЕГОРОВИЧИ ТРЫНДИНЫ,
ВОЗГЛАВИВ СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО,
РЕШИЛИ ПОСТАВИТЬ ЕГО
НА СОВРЕМЕННЫЕ РЕЛЬСЫ, ПЕРЕЙТИ
ОТ КУСТАРНОЙ МАСТЕРСКОЙ
К РАЗВИТОМУ ФАБРИЧНОМУ
ПРОИЗВОДСТВУ, НАЛАДИТЬ ВЫПУСК
ПРИБОРОВ И ИНСТРУМЕНТОВ,
НЕ УСТУПАЮЩИХ ЗАПАДНЫМ ОБРАЗЦАМ.**

*Сергей Егорович Трындин.
Фотография 1886 года*

*Петр Егорович Трындин.
Фотография 1876 года*

ИЗ ИСТОРИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

*Петр Егорович и Татьяна Гордеевна Трындины.
Фотография 1880-х годов*

ния образцов новейшей продукции. В 1879-м впервые издается краткий каталог хирургических медицинских инструментов и аппаратов, куда наряду с собственными изделиями фирмы Трындиных вошли и зарубежные. К этому времени фирма являлась комиссионером Общества русских врачей, инструментальной мастерской Московского военного округа и поставщиком многих больниц, полков, земств. В 1870-х годах для снабжения войск и военно-врачебных учреждений Трындины наладили изготовление хирургических инструментов и санитарных принадлежностей по образцам, утвержденным Военным ведомством, организовав постоянные поставки для Санкт-Петербургского хирургического инструментального завода, полковых лазаретов и госпиталей¹⁵.

В 1882 году фирма приняла участие во Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве¹⁶. В сентябре выставку посетила императорская чета. Братья Трындины преподнесли гостям изделия собственного производства: 14-летнему наследнику Николаю Александровичу — готвальню, а Великому князю Сергею Александровичу — барометр, за что удостоились «высочайшей благодарности Их императорских величеств»¹⁷. Фирма имела на выставке большой успех и была отмечена многочислен-

ными наградами, в том числе золотой медалью «за приготовление отличных хирургических инструментов, за удачные усовершенствования в производстве и многолетнюю деятельность»¹⁸ и серебряной — за представленные «научно-производственные произведения»¹⁹.

В 1884 году Трындины приступили к строительству первой в России «паровой» фабрики физических приборов и хирургических инструментов. Торжественная закладка, приуроченная ко дню совершеннолетия наследника Николая Александровича, состоялась 6 мая. В сентябре фабрика, оснащенная паровой машиной и 50-ю станками при 100 рабочих, была открыта²⁰. Размещалась она в новом трехэтажном каменном здании, построенном по проекту и под руководством архитектора Августа Вебера²¹. При фабрике в 1885 году создается опять же первая в России ремесленная школа для подготовки специалистов по изготовлению хирургических, ветеринарных инструментов и физико-механических приборов.

**В 1877–1878 ГОДЫ БРАТЬЯ ПОСТАВЛЯЛИ
МЕДИЦИНСКОЕ ОБОРУДОВАНИЕ
И ХИРУРГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ
НА ФРОНТ И БЫЛИ НАГРАЖДЕНЫ
ЗНАКОМ КРАСНОГО КРЕСТА
«ЗА РУССКО-ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ».**

*Знак Красного Креста «За Русско-турецкую войну
1877–1878 годов»*

ИЗ ИСТОРИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

В том же году Трындины принимали участие во Всемирной выставке в Антверпене, оказавшись там единственными экспонентами от России в части хирургического и физического инструментария. За высокое качество изделий фирма получила почетный диплом, золотую и серебряную медали²². По ходатайству комитета Русского отдела выставки братья в 1886 году удостоились высшей награды Российской империи в торгово-промышленной сфере — права изображать на своей продукции Государственный герб²³.

В ИЮНЕ 1902 ГОДА СЕРГЕЙ И ПЕТР ЕГОРОВИЧИ ЗАРЕГИСТРИРОВАЛИ ТОВАРИЩЕСТВО ПОД МАРКОЙ ТОРГОВОГО ДОМА «Е. С. ТРЫНДИНА СЫНОВЕЙ».

Помимо изготовления физических приборов, Трындины в конце 1880-х — начале 1890-х годов проводили работы по установке различных электрических приборов и систем, в частности, систем молниезащиты на крупнейших зданиях (храм Христа Спасителя, Большой и Малый театры в Москве, Воскресенский собор Ново-Иерусалимского монастыря, обелиск «Коннетабль» в Гатчине и другие). В 1883-м за участие в строительстве московского храма Христа Спасителя Сергей и Петр Егоровичи были награждены серебряными медалями в честь освящения храма.

В 1896 году фирма демонстрировала свои достижения на Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде — самой крупной в истории России — и вторично получила право изображения на выпускаемой продукции и рекламных материалах Государственного герба Российской империи с формулировкой: «За долговременное существование при постоянном расширении производства за весьма удовлетворительно исполненные приборы по физике и очень хорошие хирургические инструменты, а равно за хорошую постановку обучения учеников мастерству»²⁴. К концу XIX века — к своему 90-летнему юбилею — фирма подошла с многопрофильным современным фабричным производством, с миллионным оборотом и заграничными отделениями, отмеченная многочисленными наградами российских и международных выставок, будучи единственной среди оптико-механических предприятий России, имеющей привилегию «двойного герба».

В июне 1902 года Сергей и Петр Егоровичи зарегистрировали полное товарищество под маркой торгового дома «Е. С. Трындина Сыновей»²⁵. Основным капитал составлял 200000 рублей — по 100000 рублей от каждого учредителя. Они задумали существенно расширить предприятие, а также построить обсерваторию. В январе 1904 года строительство завершилось, что стало значительным событием не только для товарищества, но и для города. Обновление оборудования, создание «самого обширного в России магазина» с физической лабораторией, отвечающей всем требованиям современной науки, позволили торговому дому «Е. С. Трындина Сыновей» не только занять одно из первых мест в России среди производителей научного оборудования, но и войти в число ведущих европейских фирм²⁶. Одно из свидетельств тому — «Grand Prix» на Международной выставке гигиены, помощи раненым и медицины (Париж, 1904)²⁷.

В июне 1909 года фирме исполнялось 100 лет. Обычно к своим юбилеям торгово-промышленные династии выпускали роскошные иллюстрированные издания, посвященные истории фамильного дела. Торговый дом «Е. С. Трындина Сыновей» тоже готовился к юбилейным торжествам. Был издан ряд каталогов. Однако празднование не состоялось

Улица Большая Лубянка (слева в глубине видна часть вывески торгового дома Трындиных)

Здание фабрики.

Фотографии 1900-х годов

ИЗ ИСТОРИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

*Фасад и внутренний вид магазина торгового дома «Е. С. Трындина Сыновей».
Фотография 1900-х годов*

В магазине Трындиных.

Литография с картины В. П. Батурина. 1904 год

ОБНОВЛЕНИЕ ОБОРУДОВАНИЯ, СОЗДАНИЕ «САМОГО ОБШИРНОГО В РОССИИ МАГАЗИНА» ПОЗВОЛИЛИ ТОРГОВОМУ ДОМУ «Е. С. ТРЫНДИНА СЫНОВЕЙ» ВОЙТИ В ЧИСЛО ВЕДУЩИХ ЕВРОПЕЙСКИХ ФИРМ.

из-за смерти Петра Егоровича (март 1909). Вторым учредителем торгового дома и техническим директором фабрики становится его сын Петр.

Петр Петрович Трындин родился в 1886 году в Варшаве, где проживали родители его матери Татьяны Гордеевны. Одиннадцати лет он поступил в Московскую Практическую академию коммерческих наук, из которой вышел в мае 1905-го кандидатом коммерции с малой серебряной медалью. В том же году он приступает к работе на фабрике торгового дома «Е. С. Трындина Сыновей». В июне 1907 года Петр Петрович, не оставляя производство, обращается к ректору Московского университета с прошением о зачислении его студентом естественного отделения физико-математического факультета (окончил в мае 1915).

Петр Петрович Трындин был женат (1910) на Анне Алексеевне Воеводиной, родители которой жили в Витебской губернии. В 1913 году в Париже, где Анна Алексеевна в то время находилась на лечении, у них родился сын Николай.

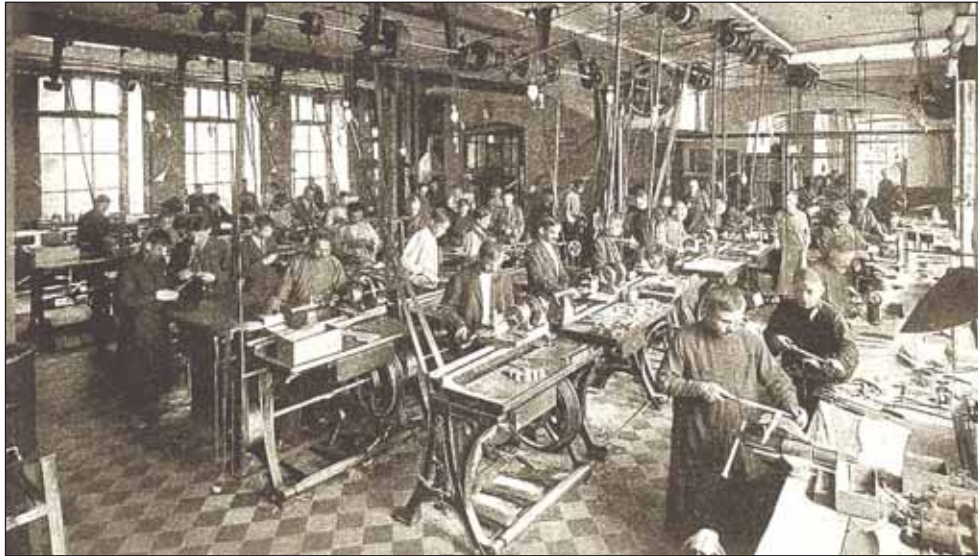
Под управлением Сергея Егоровича и Петра Петровича семейное дело продолжает укрупняться: за пятилетие (1909–1914) годовое производство возрастает с 75000 до 200000 рублей, количество рабочих — со 100 до 200 человек²⁸. Весной 1910 года фирма участвует в подготовке торговой экспедиции в Монголию,

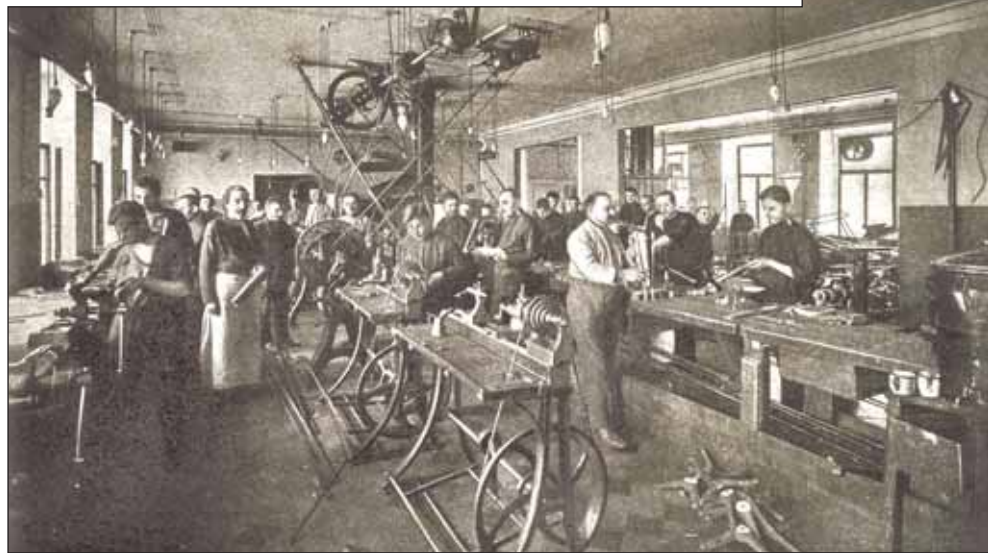
*Петр Петрович Трындин.
Фотография 1916 года*

ИЗ ИСТОРИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

На трындинской фабрике

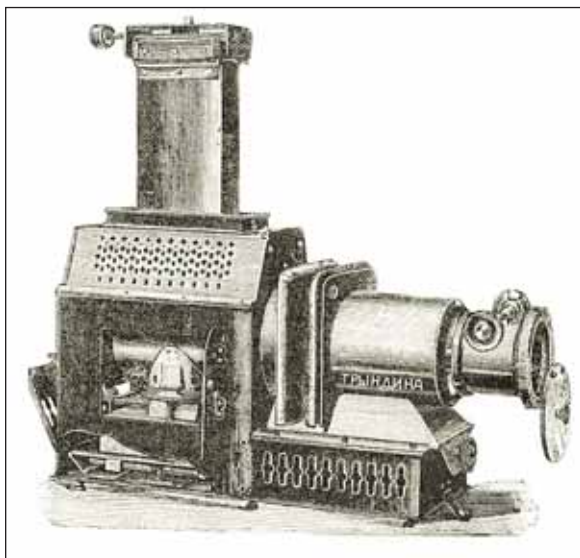

*Отделение
физических
и геодезических
приборов*

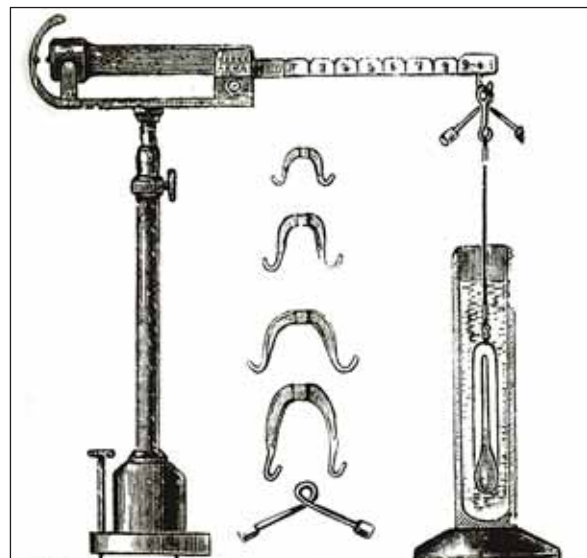

*Механическое
отделение*

*Приборы и механизмы предприятия Трындиных.
Фотографии из каталогов, выпущенных фирмой в 1900-х годах*

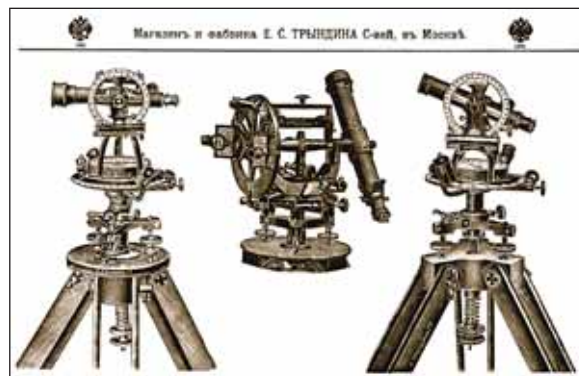

*Проекционный фонарь для демонстрации
стеклянных диапозитивов*

*Гидростатические весы системы Вестфала
с принадлежностями*

ИЗ ИСТОРИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

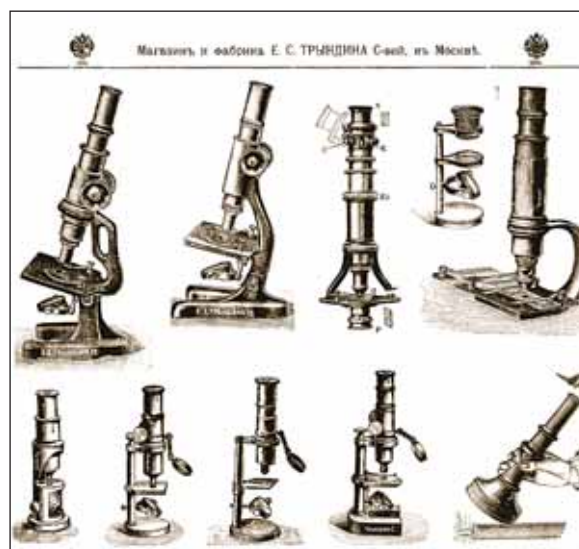

Теодолиты

Театральные бинокли

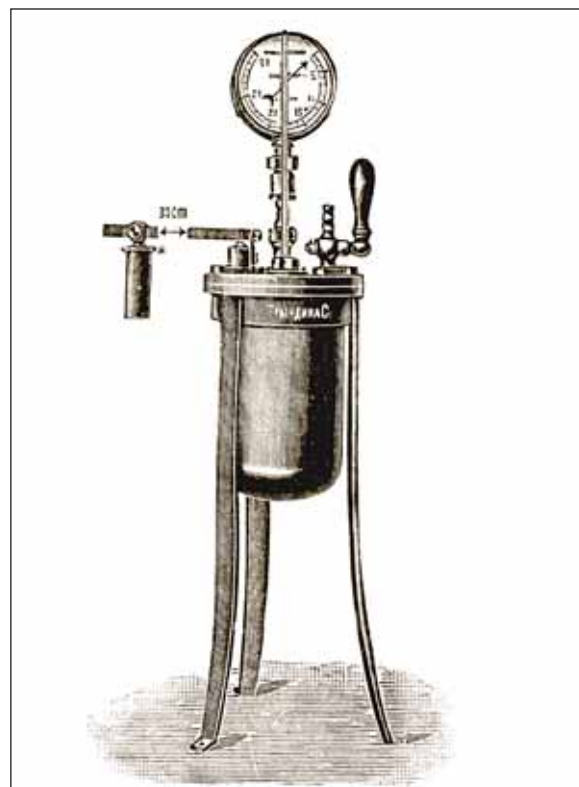
Барометр-анероид – прибор для измерения атмосферного давления

Микроскопы

Сирена Коньяр-Латура – прибор для изучения звуковых колебаний в газовой среде

Учебно-демонстрационная модель парового котла Папена

организованной московскими фабрикантами и предпринимателями. Торговый дом Трындиных, кроме денежного взноса, обеспечил экспедицию физическими инструментами и приборами²⁹.

Успехи побуждали к дальнейшему расширению производства. Для привлечения дополнительных средств весной 1914 года создается на паях Торгово-промышленное товарищество «Е. С. Трындина Сыновей в Москве», учредителями которого стали С. Е., П. П. и Т. Г. Трындины. Основной капитал — 800000 рублей — был разделен на 1600 паев по 500 рублей каждый. Основная часть паев (а следовательно, и право принимать решения) находилась в руках бывших владельцев торгового дома и их родственников³⁰. В 1916-м товарищество закончило строительство нового фабричного корпуса на 140 рабочих, оборудованного самыми современными станками.

УСПЕХИ ПОБУЖДАЛИ К ДАЛЬНЕЙШЕМУ РАСШИРЕНИЮ ПРОИЗВОДСТВА. ДЛЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ВЕСНОЙ 1914 ГОДА СОЗДАЕТСЯ НА ПАЯХ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЕ ТОВАРИЩЕСТВО «Е. С. ТРЫНДИНА СЫНОВЕЙ В МОСКВЕ». УЧРЕДИТЕЛЯМИ СТАЛИ С. Е., П. П. И Т. Г. ТРЫНДИНЫ.

Во время Первой мировой войны фирма Трындиных принимала участие в создании противогаза для русской армии и выполняла другие военные заказы³¹. После смерти Сергея Егоровича (июль 1915) председателем правления товарищества избрали Петра Петровича Трындина. Дальнейшее развитие предприятия тормозилось недостатком фабричных площадей. Правление постановило организовать новую фабрику с числом рабочих 500–600 человек на окраине³². В том же году приобретает участок площадью два гектара в Хамовниках, в конце улицы Большие Кочки (ныне — часть Комсомольского проспекта) вблизи окружной железной дороги. Однако проект реализовать не удалось: обстановка в стране в 1917 году не способствовала осуществлению подобных планов. В связи с резким подорожанием энергии и материалов производственные расходы возросли до «чрезвычайных» размеров, поэтому было решено продать всю принадлежавшую

товариществу землю, а деньги употребить на расширение торговых операций³³.

После революции фирма Трындиных разделила участь большинства частных предприятий, сразу не подвергшихся национализации. Единое предприятие разделили на производственную и торговую части³⁴. Первое время управление производственной частью осуществлялось совместно товариществом и фабрично-заводским комитетом под контролем землемерно-технического отдела Наркомзема. Техническое руководство было оставлено за П. П. Трындиным. Торговая часть фирмы управлялась комитетом служащих и комиссаром, назначенным Наркомздравом.

В 1920 году (сентябрь) магазин национализировали и передали в ведение Наркомздрава. В начале 1921-го национализируется и фабрика, которая стала заводом экспериментальных и мерительных инструментов «Метрон». В мае 1922-го завод вошел в Государственный трест точной механики вместе с предприятиями «Геофизика», «Авиаприбор», «Геоприбор» (бывшие «Швабе», «Рейнина», «Таубер и Цветков»). После национализации на «Метроне» сразу же прекратилось производство учебно-демонстрационных приборов и наглядных пособий (направление, в котором фирма «Е. С. Трындина Сыновей» являлась ведущей в России), затем изготовление геодезических приборов и медико-хирургических инструментов³⁵. К середине 1925 года руководство треста узко специализирует завод на разработку и выпуск весоизмерительных приборов — главным образом аналитических весов³⁶.

Для семьи Трындиных настали тяжелые времена. Петр Петрович делал все возможное для спасения предприятия, кадровых работников и родственников. Он продолжал трудиться на заводе, осуществляя техническое руководство и реконструкцию производства: тогда власть еще использовала опыт «старых» специалистов. Но постепенно его все больше отстраняли от дел, сужали круг обязанностей и, наконец, совсем удалили с завода. В 1937 году П. П. Трындина осудили по 58-й статье; в ночь на 27 ноября он был расстрелян на Бутовском полигоне.

С начала 1930-х годов «Метрон» переводится на выпуск оборонной продукции, в частности, точных приборов для боевой авиации³⁷. В 1939-м он — уже под названием «Завод № 214» — передается в ведение Наркомата авиационной промышленности; в октябре 1941-го эвакуируется в Свердловск. В дальнейшем на его базе сформировалось уникальное промышленное предприятие «Уральский приборостроительный завод» — один из крупнейших производителей авиационных приборов в стране³⁸.

ИЗ ИСТОРИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

«Родовой квартал» Трындиных на Лубянке

К началу XX века Трындины стали одними из крупнейших землевладельцев Москвы. Они владели более ста пятидесятью зданиями в разных районах города. В проектировании и строительстве этих зданий принимали участие ведущие московские архитекторы — А. Е. Вебер, В. Ф. Жигардлович, С. Ф. Кулагин, И. И. Поздеев, А. П. Попов и другие. Особенно много земельных участков и домов принадлежало семье Сергея Егоровича. Но самым значимым для всех Трындиных являлось владение по Большой Лубянке, которое они считали «родовой» собственностью. В 1858 году Егор Сергеевич купил за 50000 рублей серебром у поручика лейб-гвардии конного полка В. Г. Безобразова владение, включавшее каменный двухэтажный дом с двором и надворными строениями по улице Лубянке (ныне — Большая Лубянка, 13)³⁹. Со стороны Большого Кисельного переулка сюда вдавался участок с двухэтажным каменным домом, принадлежавший московскому цеховому И. Ф. Кинсту. В 1862 году Егор Сергеевич переезжает с семьей в новый дом и переводит сюда магазин и мастерскую⁴⁰. В 1866-м он покупает за 5500 рублей серебром у Е. И. Кинст каменный дом с флигелем, выходящий в Большой Кисельный переулок, и с тех пор вся эта территория оказалась в собственности Трындиных⁴¹. Здания на ней неоднократно перестраивались. Первые работы начались в 1861—1864 годах: произведены небольшие переделки, в глубине участка появляются одноэтажные каменные навесы. В 1866 году Е. С. Трындин приступает к сносу мелких построек по Большому Кисельному переулку и возведению на их месте каменного двухэтажного здания. После смерти Егора Сергеевича владельцами участка стали его сыновья — Сергей и Петр Егоровичи Трындины. Некоторое время братья жили вместе в доме на Лубянке. В 1872 году Сергей Егорович, женившийся, как помним, на А. М. Селиверстовой, переезжает в дом Селиверстовых в Хамовнической части 3-го участка. В дальнейшем в фамильном доме на Лубянке проживала семья Петра Егоровича.

В августе 1875 года братья строят в глубине участка вместо навесов нежилое одноэтажное каменное здание, в марте 1876-го получают разрешение на возведение каменного трехэтажного жилого дома с подвалом. Для разработки проекта и руководства строительством был приглашен архитектор Август Вебер, который впоследствии много строил для семьи Трындиных. Новый жилой угловой дом вскоре был закончен и сохранился до наших дней.

В марте 1877 года по проекту все того же А. Вебера перед конюшнями возводятся каменная кладовая с подвалом для ледников, к существующим каменным сараям пристраивается каменный двухэтажный флигель — кучерская; в 1882 году вместо деревянных строят каменные конюшни.

Со времени приобретения участка большая часть расположенных на нем помещений сдавалась в аренду. Арендаторы часто менялись. Вот сведения о них за 1888 год: модное заведение К. А. Горбунова, постоянный двор Ф. А. Лобанова (с 1887), пивная лавка А. И. Лукашиной, портновские заведения Л. Я. Петерсон и Ш. Р. Минкиной, колбасная лавка И. Шпренгер, овощная лавка У. Е. Смирновой (с 1886), переплетное заведение Е. М. Дворникова (с 1887), магазин швейных машин торгового дома «В. Э. Смит и К^о», магазин тульских стальных изделий В. П. Маркова, торговля молочными изделиями С. Васильева (с 1887), отделение парка и конюшни для лошадей фореиторов и помещение

С. Васильева (с 1887), отделение парка и конюшни для лошадей фореиторов и помещение

*Большой Кисельный переулок, 12.
Фотография 2005 года*

*Улица Большая Лубянка, 13.
Фотография 2005 года*

форейторской 1-го Общества конно-железных дорог (с 1886), мастерская и магазин мужских шляп Ф. Ю. Давыдович, часовой магазин и мастерская А. Б. Вом, контора агентства Американского общества страхования жизни под фирмой «Нью-Йорк», мясная лавка М. А. Калугиной (с 1886), кофейный магазин Ш. Л. Ретере (с 1886), кухмистерская М. М. Малининой, правление Московского общества кредита под залог движимости (с 1881), контора агентства Санкт-Петербургской компании «Надежда», заведение музыкальных инструментов А. А. Эберга (с 1888)⁴².

В начале 1900-х годов под руководством А. Вебера на участке развернулись еще более масштабные работы. Появились новый жилой трехэтажный каменный дом по Большому Кисельному переулку, сменивший нежилой одноэтажный, пристройка к трактиру для кегельбана, надстройка четвертого этажа фабрики во дворе с целью размещения там фотографического ателье. Все старые здания по Большой Лубянке снесли, на их месте начали возводить большой каменный жилой трехэтажный дом с магазином, пятиэтажной частью под обсерваторию и выходящим во двор четырехэтажным корпусом. Законченное в 1904 году, это здание существует и сегодня (Большая Лубянка, 13).

Архитектор А. Вебер не дожидаясь окончания строительства. Дому Трындиных — его «последнему творению» — пресса посвятила несколько публикаций. Вот, например, что писали «Московские ведомости»: «Снаружи здание выглядит трехэтажным. На самом деле в нем шесть этажей, так как огромные пролеты окон внизу тянутся на два этажа. Тотчас из входа на улицу вы попадаете в магазин фирмы, нижний этаж которого и бельэтаж, устроенный в виде балкона, заняты рядами тянущихся вдоль стен высоких шкафов с различными физическими и хирургическими инструментами, химическими и техническими приборами, машинами и учебными моделями. Из нижнего этажа ход слева ведет на фабрику (здание в 4 этажа), нижний этаж которой занят металлическим отделением, далее следуют столярное отделение и другие. <...> Дверь справа в магазине ведет к подъемной машине, которая может доставить вас на самую верхушку, к обсерватории. Посредине же, в глубине первого этажа, находятся лестницы, ведущие вниз, в склады, и в бельэтаж. Второй этаж (бельэтаж) — физическая аудитория, предназначенная для опытов с новейшими физическими приборами, рядом ортопедическое отделение. В противоположной сто-

роне, слева в бельэтаже, расположены главная контора и кабинеты владельцев. Третий этаж — конторы. Четвертый этаж по фасаду — квартиры, в глубине здания — передние, гардеробные, ванна, комнаты прислуги, кухни и т. п. Пятый этаж — астрономическая аудитория с экраном для демонстрации картин по астрономии и массой астрономических инструментов. Здесь же находится музей старинных физических и астрономических приборов. Отсюда уже витая лесенка ведет в обсерваторию. Рядом еще имеется сбоку дверь, ведущая на балкон, с которого открывается далекий вид на Москву. Обсерватория, круглая по форме, прикрыта сверху вращающимся металлическим колпаком»⁴³. Здание было снабжено паровым отоплением и лифтом, ходившим из подвала до пятого этажа. 25 января 1904 года состоялось торжественное освящение магазина и обсерватории. Присутствовали известные ученые, представители средних и высших учебных заведений, врачи, предприниматели, члены городского управления.

В 1918 году все дома Трындиных национализировали. Дом по Большой Лубянке забрали для нужд ВЧК, в нем разместились, в частности, клуб и столовая. Здесь же было основано спортивное общество «Динамо», правление которого долгое время находилось по этому адресу. В 1920–1930-х годах часть фабричного здания, а также ряд строений внутри участка использовались заводом «Метрон». В 1925 году вместо одноэтажного здания трактира ОГПУ построило двухэтажный жилой дом для сотрудников.

В 1919 году постановлением СНК РСФСР обсерватория Трындиных была также национализирована и передана Московскому отделу народного образования (МОНО). 7 ноября ее вновь открыли для публики. С 1 января 1934 года обсерватория перешла в ведение Московского педагогического института имени В. П. Потемкина, затем (1960–1998) находилась в составе Педагогического института имени В. И. Ленина (ныне — Московский педагогический государственный университет), а в 1998-м помещение обсерватории передали Министерству внутренних дел, занимавшему всю остальную часть здания. Оборудование демонтировали, и обсерватория прекратила свое существование.

В наши дни здание по Большой Лубянке, 13 принадлежит МВД РФ. Верхние этажи занимает Культурный центр министерства, в помещениях первого этажа разместились торговые заведения, кафе, ресторан и офисы.

Благотворительность

Купцы Трындины принимали активное участие в деятельности различных общественных и благотворительных организаций Москвы. В истории русской благотворительности Москва занимала особое место, намного опережая прочие российские города по объему добровольных пожертвований граждан на нужды просвещения, здравоохранения и общественного призрения. Совершение благодеяний московские предприниматели расценивали как одну из важнейших сословных обязанностей; общественность скрупулезно учитывала ее исполнение в оценке той или иной личности или семьи⁴⁴.

В журнальной статье невозможно в полной мере отразить все труды и заслуги семейства Трындиных на ниве благотворительности. Укажем здесь лишь на главное.

Особенно велик был вклад в общественную и благотворительную деятельность С. Е. Трындина. Являясь активным членом Общества попечения о раненых и больных воинах⁴⁵, Сергей Егорович участвовал в создании комитета «Христианская помощь» при

ОСОБЕННО ВЕЛИК БЫЛ ВКЛАД
В ОБЩЕСТВЕННУЮ
И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
С. Е. ТРЫНДИНА. ЯВЛЯЯСЬ АКТИВНЫМ
ЧЛЕНОМ ОБЩЕСТВА ПОПЕЧЕНИЯ
О РАНЕНЫХ И БОЛЬНЫХ ВОИНАХ,
СЕРГЕЙ ЕГОРОВИЧ УЧАСТВОВАЛ
В СОЗДАНИИ КОМИТЕТА «ХРИСТИАНСКАЯ
ПОМОЩЬ» ПРИ ОБЩЕСТВЕ (1877)
И СОСТОЯЛ ЕГО ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ
ЧЛЕНОМ ДО 1898 ГОДА. С 1869 ГОДА
С. Е. ТРЫНДИН — ГЛАСНЫЙ
МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ.

С. Е. Трындин — гласный Московской городской думы. Фотография 1896 года

Обществе (1877) и состоял его действительным членом до 1898 года. Задачей комитета было «введение в практику военного дела улучшенных способов перевозки с места военных действий раненых и больных воинов», устройство приютов, общин сестер милосердия и прочее⁴⁶. Позднее в состав комитета вошел и П. Е. Трындин. В 1892 году при комитете открылся музей, освещающий деятельность Общества Красного Креста в России. Музей создавался благодаря щедрым пожертвованиям братьев Трындиных. Много жертвовали они в пользу комитета не только деньгами, но и медицинскими инструментами своего производства.

С 1889 года С. Е. Трындин — гласный Московской городской думы. Помимо работы в комиссиях, он не раз поднимал в думе вопросы, решение которых считал важным для жизни города⁴⁷. В сентябре 1896 года московское купечество выдвигает Сергея Егоровича в число своих выборных; этот пост он занимал до самой смерти. Выборным московского купеческого сословия был и П. Е. Трындин (1903–1909).

«Семейным делом» Трындиных становится работа в Московском городском попечительстве о бедных Мясницкой части 1-го участка. С. Е. и П. Е. Трындины вошли в совет попечительства с самых первых дней и оставались его членами до конца жизни, при этом Сергей Егорович состоял бессменным председателем совета⁴⁸. Для канцелярии попечительства Трындины бесплатно

выделили помещение в доме по Большой Лубянке, 13. Благодаря своему авторитету в кругах московских предпринимателей Сергею Егоровичу удалось привлечь к членству в попечительстве таких известных благотворителей, как братья Перловы, В. К. Феррейн, А. И. Гамбургер, Д. С. Корзинкин, Н. А. Алексеев, К. К. Ушков, А. О. Эрлангер, М. И. Мишин и многих других. В 1895 году при попечительстве открывается приют для престарелых женщин на 3-й Мещанской улице в доме Германовой, в 1896-м — приют для девочек на Самотечном проезде в доме Стародубцевой. Помещения для указанных приютов попечительство оплачивало на условиях найма. В 1897-м было решено построить собственный приют. Строительство началось в марте и завершилось в июне 1899 года; стоимость работ составила 12335 рублей.

С целью сбора дополнительных средств для попечительства в Москве с 1908 года ежегодно на Вербной неделе, обычно в зале

Благородного собрания, устраивался благотворительный базар. Трындины неизменно были в числе организаторов, жертвовали вещи и наличные средства для проведения общей лотереи-«аллегри», за их счет на базаре организовывались киоски для различных игр⁴⁹.

В сентябре 1914 года при попечительстве на средства членов совета и некоторых сотрудников создается лазарет для раненых воинов на 10 кроватей с полным оборудованием. Продовольствие и медицинский персонал лазарету предоставила Московская городская управа. Все остальные расходы попечительство взяло на себя⁵⁰.

С. Е. Трындин также внес большой вклад в строительство дома для Московского купеческого собрания (ныне — театр «Ленком»)⁵¹. Бывшие одними из крупнейших землевладельцев Москвы, Трындины также жертвовали городу значительные земельные участки для устройства новых улиц и переулков⁵².

Семейство Трындиных принадлежало к русскому старообрядчеству, «приемлющему священство». Вместе с представителями известных старообрядческих фамилий Морозовых, Рябушинских, Кузнецовых, Бутиковых, Солдатенковых и других они входили в общину Рогожского кладбища. С. Е. и П. Е. Трындины были в числе учредителей этой общины, зарегистрированной Московским губернским правлением 25 января 1907 года⁵³. Сергей Егорович с самого начала и до своей смерти состоял в совете общины, постоянно делал пожертвования Рогожскому богадельному дому⁵⁴. Кроме того, братья Трындины сыграли значительную роль в создании и других московских старообрядческих общин: П. Е. Трындин — Тверской, С. Е. Трындин — Тверской, Остоженской и Николо-Смоленской.

**С. Е. ТРЫНДИН ТАКЖЕ МНОГО СДЕЛАЛ
ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ДОМА
МОСКОВСКОГО КУПЕЧЕСКОГО СОБРАНИЯ
(НЫНЕ — ТЕАТР «ЛЕНКОМ»)
БЫВШИЕ ОДНИМИ ИЗ КРУПНЕЙШИХ
ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ МОСКВЫ,
ТРЫНДИНЫ ЖЕРТВОВАЛИ ГОРОДУ
ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ
ДЛЯ УСТРОЙСТВА НОВЫХ УЛИЦ
И ПЕРЕУЛКОВ.**

¹Ремесленная выставка 1885 года в Москве. М., 1885. С. 2–3. Приложение № 21 к журналу «Радуга».

²Челюканов А. Краткий очерк фирмы Е. С. Трындина С-вей по случаю 85-летия существования фирмы и 25-летия деятельности ее представителей братьев С. Е. и П. Е. Трындиных. М., 1894. С. 3.

³Ремесленная выставка 1885 года в Москве. С. 2.

⁴Всероссийская художественно-промышленная выставка в Москве 1882 года. СПб., 1882. № 12. С. 90. Приложение № 708 к журналу «Всемирная иллюстрация».

⁵Обширное владение на углу Лубянки (ныне Большая Лубянка, 1) и Кузнецкого моста (Кузнецкий мост, 22–24) с начала XIX в. принадлежало князьям Голицыным. В доме и дворовых постройках располагались многочисленные торговые помещения и мастерские. В конце 1850-х — начале 1860-х гг. здесь (со стороны Кузнецкого моста) разместился основной конкурент Трындиных — оптическая фирма «Ф. Швабе», созданная швейцарским гражданином Теодором (Федором Борисовичем) Швабе в 1852 г. как небольшой магазин с продажей очков, пенсне и других мелких оптических принадлежностей, полу-

ченных из-за границы. Дом не сохранился, в 1979—1982 гг. на месте голицынского владения было построено административное здание КГБ (ныне — ФСБ).

⁶Указатель произведений отечественной промышленности, находящихся на первой Московской выставке 1831 года. М., 1831. С. 97.

⁷ЦИАМ. Ф. 16, оп. 24, д. 4673. С. 6.

⁸Челюканов А. Указ. соч. С. 3.

⁹Материалы для истории московского купечества. Ревизские сказки. Т. 10. М., 1889. Л. 76.

¹⁰Материалы для истории Московского купечества. Общественные приговоры. Т. 7. М., 1908. С. 268.

¹¹История родового владения Трындиных в Москве изложена ниже.

¹²ЦИАМ. Ф. 3, оп. 2, д. 1437, л. 87.

¹³Там же. Ф. 418, оп. 321, д. 1888, л. 13.

¹⁴Челюканов А. Указ. соч. С. 16.

¹⁵Полный иллюстрированный каталог хирургических медицинских инструментов и аппаратов, перевязочных материалов, принадлежностей для ухода за больными и ранеными, ортопедических аппаратов и искусственных конечностей «Е. С. Трындина Сыновей». М., 1881. С. 3—4.

¹⁶Всероссийская художественно-промышленная выставка в Москве 1882 года. СПб., 1882. № 12. С. 90. Приложение № 708 к журналу «Всемирная иллюстрация».

¹⁷РГИА. Ф. 472, оп. 38, д. 25, л. 14 об.

¹⁸Там же. Ф. 230, оп. 12, д. 2286, л. 46.

¹⁹Список экспонентов, удостоенных похвальных наград // Всероссийская художественно-промышленная выставка 1882 года в Москве. М., 1882. С. 75.

²⁰ЦИАМ. Ф. 16, оп. 27, д. 175, л. 9.

²¹Там же. Л. 6.

²²Ефрон А. А. Всемирная выставка и русские экспоненты с указанием фабрик и заводов. Антверпен, 1885 год. СПб., 1886. С. 154.

²³РГИА. Ф. 230, оп. 12, д. 2286, л. 58.

²⁴Народное образование на Всероссийской выставке в Н. Новгороде в 1896 г. Отчет заведующего XIX отделом Е. Ковалевского. СПб., 1897. С. 439.

²⁵ЦИАМ. Ф. 3, оп. 2, д. 2241, л. 78.

²⁶Полный иллюстрированный систематический каталог физических приборов магазина физико-механиков «Е. С. Трындина С-вей». М., 1909. С. VI.

²⁷РГИА. Ф. 230, оп. 12, д. 2286, л. 47. Полное товарищество — товарищество с полной ответственностью его участников (полных товарищей).

²⁸Фабрично-заводские предприятия Российской империи. СПб., 1909. Стлб.

1569 (Б); Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию). Изд. 2-е. Пг., 1914. Стлб. 2202 (Б).

²⁹ЦИАМ. Ф. 337, оп. 2, д. 158, л. 63.

³⁰Полный иллюстрированный систематический каталог физических приборов Торгово-промышленного товарищества «Е. С. Трындина С-вей». М., 1914. С. 1.

³¹Фигуровский Н. А. Очерк развития русского противогаза во время империалистической войны 1914—1918 гг. М.-Л., 1942. С. 11—12.

³²ЦИАМ. Ф. 51, оп. 10, д. 1195, л. 1—5.

³³Там же. Д. 1196, л. 1—12.

³⁴Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 719, оп. 3, д. 7, л. 1.

³⁵Там же. Оп. 1, д. 269, л. 122.

³⁶Баранцев А. А. Производство аналитических весов в СССР // Точная индустрия. 1931. № 10. С. 165.

³⁷РГАЭ. Ф. 8352, оп. 1, д. 10, л. 40.

³⁸Годлевский В. У. Помощь отечественному производителю — сбережение нации // Экономика и медицина сегодня. М., 2007. № 7. С. 74.

³⁹ОР РГБ. Ф. 462, карт. 3, д. 29, л. 2—3.

⁴⁰ЦИАМ. Ф. 2, оп. 2, д. 2948, л. 6.

⁴¹ОР РГБ. Ф. 462, карт. 3, д. 29, л. 4—5.

⁴²ЦИАМ. Ф. 179, оп. 17, д. 2096, л. 148—150.

⁴³Последнее творение А. Е. Вебера // Московские ведомости. 1904. № 39 (8 февраля). С. 3.

⁴⁴Ульянова Г. Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860—1914. М., 1999. С. 8.

⁴⁵В 1879 г. переименовано в Российское Общество Красного Креста.

⁴⁶Комитет «Христианская помощь» Российского Общества Красного Креста, состоящего под августейшим покровительством государыни императрицы. 1877—1897. М., 1897. С. 3.

⁴⁷ОР РГБ. Ф. 462, карт. 3, д. 23, л. 1—4.

⁴⁸Отчет Городского попечительства о бедных Мясницкой части 1-го участка за 1913 год. М., 1914. С. 12—19.

⁴⁹Отчет Городского попечительства о бедных 1-го участка Мясницкой части за 1910 год. М., 1911. С. 6—7.

⁵⁰Отчет Городского попечительства о бедных 1-го участка Мясницкой части за 1914 год. М., 1916. С. 9—10.

⁵¹Московское купеческое собрание. Исторический очерк. М., 1914. С. 111.

⁵²Трындин Е. Н. Трындинский, Селиверстовский, Михайловский... // Московский журнал. 2009. № 1. С. 89—91.

⁵³ОР РГБ. Ф. 246, карт. 95, д. 2, л. 2.

⁵⁴Там же. Карт. 61, д. 2, л. 34.

Архиепископ Никанор (Бровкович)

О значении семинарского образования*

**Глава из книги «Поучения, беседы, речи, воззвания
и послания Никанора, архиепископа Херсонского
и Одесского» (т. V. Одесса, 1891)**

Нигилизма, скажу, и не было, но вольномыслие заводилось даже внутри семинарий. Первым и главным проводником вольных мыслей была тогдашняя светская литература, которая вся повально поражена была болезнью, по меньшей мере открытой антирелигиозности, да более или менее и прикрытой антигосударственности. Кто тогда не читал даже «Колокола» Герцена? Он распространялся якобы скрытно, но весьма широко. До рук школьников доходил несомненно. В семинарии большая половина учеников были квартирные. К ним свободно ходили и казеннокоштные, <...> Квартирные ежедневно сходились с казеннокоштными и на классных уроках. А на квартирах как было уследить за учениками, что они делают, с кем водятся, о чем толкуют, что читают? Читать они могли все что хотят, водиться тайно от начальства с кем угодно, сообщать казеннокоштным что вздумается. Несомненно, что в Саратове в начале 60-х годов были общины либералов, которые ловили семинаристов в свои сети, навязывая им книги своего духа для развития, книги по преимуществу естественнонаучного содержания. Сознаться должно, стали было появляться такие случаи внутри самых семинарий, что наставники, которые на классных уроках держали себя более или менее осмотрительно, так как боялись начальственного надзора, — но те же лица на своих квартирах нередко баловались вольными о религии беседами. А эти беседы становились известны и между учениками. Никаких антиправительственных замыслов — по меньшей мере при мне — в саратовской семинарии не водилось; но заводилось науськивание учеников со стороны молодых наставников против начальства, возбуждение вражды против начальства и непослушания, возбуждение к литературным обличениям начальствующих лиц. Это начинало заводиться.

Тем не менее, корень зла, корень растления семинарий был в светских учебных заведениях, в гимназиях и особенно в университетах. Что проповедывалось,

**Окончание. Начало в № 2 за 2010 год*

ИЗ РУССКОЙ ДУМЫ

что проделывалось тогда, [в начале 1860-х годов], даже в гимназиях! Возбужденный университетскими и учителями кончивший курс гимназии воспитанник К-в публично в гимназии избил благороднейшего директора А. А. Мейера, и министерство не только не поддержало, а наоборот, прогнало директора. Назначен был директор Ж-ч; гимназисты публично в гимназии оскорбляли его всячески, разбивали по ночам окна в его квартире, публично оскорбляли его дочерей девиц. Все сходило безнаказанно. А семинаристы все это видели и слышали. Особенно же губительно действовали на семинаристов университеты из тех же семинаристов. Повторяю, это я видел собственными очами. <...>

В конце 50-х и начале 60-х годов двери университетов раскрылись для семинаристов настежь, для семинаристов всяких — умных, даровитых и совершенно тупеньких, бездарных и неразвитых. Без всякого преувеличения, бездарный, преленивый мальчик, но папенькин сынок, которого с трудом, по снисхождению, мы перевели из низшего отделения в среднее, поехал без малейшей подготовки в университет и к крайнему изумлению был принят. Таких примеров тогда были сотни. Все саратовские семинаристы, которые при мне поехали в университеты, все до одного были приняты. <...> Университеты тогда поставили было себе задачу заниматься не просвещением юношества, а пропагандой антирелигиозных и антигосударственных идей. Я сам собственными ушами слышал, как старый заслуженнейший профессор на акте в огромном зале Казанского университета в присутствии двух архиереев при огромном стечении старых и малых проповедал, что люди выдумали Бога за 500 лет до Р. Х. и будто это верно, как математика. Сам же слышал, как профессор публично издевался над монашеской жизнью на основании Стоглавника и других старорусских исторических документов. Лично не присутствовал, но знаю, что там же профессор на публичной лекции доказывал, что человек произошел от обезьяны. Да и секрет ли, что не только преподавалось, но и преподается под именем современной науки во имя служения научной истине? Секрет ли, что у университетских нередко произносимый ими обет «служить истине и только истине» значит нимало не стесняться никакими якобы «предрасудками предания», которые покровительствуются сильными мира сего? Удивительно ли, что университеты не перестают при этом быть очагами общественной тревоги? Секрет ли, что университеты вовсе почти не ходят в церковь и не исполняют почти никаких религиозных обязанностей? Что они служат только свои торжественные панихиды по либеральным писателям и антигосударственным деятелям? Церковь стала ареной заявления политических тенденций молодежи! Для других секрет, для меня не секрет, что и между университетскими еще не совсем перевелись богобоязненные души, которые ищут удовлетворения и религиозным потребностям. Но боятся проявлять свои богобоязненные чувства. Боятся своих товарищей и вообще своей университетской среды: что-де скажут такой-то и такой-то профессор. Секрет ли, что общественные университетские лекции слишком далеки от религиозного духа, и спасибо сказать им надо, если только не задевают религии и частнее, христианства. Там царит свой и очень жесткий terror, для кого это секрет? Это теперь. А что было в начале 60-х годов? Была вакханалия всяческой противоисторической, противообщественной пропаганды.

И вот в такую среду попадал глупенький семинарист. <...> Лишь только такой предрасположенный к либерализму питомец попадал в университетскую среду, его со всех сторон, с первых же минут вступления туда охватывало страшное пламя всяческого отрицания. С первых же соприкосновений не только со студентами,

ИЗ РУССКОЙ ДУМЫ

но даже с университетскими стенами, он убеждался, что «мир сей есть самобытен и вся в нем по случаю и без промысла бывают» и т. п. Ведь чуткому верующему, но не обстрелянному уму достаточно намек, чтобы воспламениться огнем тяжкого сомнения, а иногда и болезненного отрицания, — намек вроде такого: вот солидные люди рассматривают превосходно иллюстрированную Библию, картину райского жительство, нагих, юных и прекрасных Адама и Еву; в эту минуту один солидный человек замечает: «Только, надо думать, они были менее красивы и более косматы». Слов немного, но в них целое мирозерцание, радикально противоположное библейскому. А в университете разве кто чинится, разве кто деликатится с антирелигиозными откровениями, разве кто их прикрывает двусмысленностями? <...> И вот бедный юноша-семинарист с первого же момента в университете охвачен пламенем повального отрицания, как кусок дерева в котле расплавленной стали. Детская вера его моментально улетучивалась. <...>

А университетская мелкота из семинаристов, бывало, с первых же дней по отбытии из семинарии в университет начинает бомбардировать семинарию (так было при мне) письмами из университетских городов. И это уже горе! Неленостный был я ректор, постоянно следил даже за тем, что называется наукой, окружен был и даровитыми сотрудниками, наставниками семинарии. А тут один саратовский семинарист из столицы пишет общее ко всем послание, что-де «тут в один месяц мы узнаем более, чем вы в целые годы». <...> Другой оттуда же шлет в посланиях громы, что «у вас-де царство мрака, ханжества и деспотизма». И эти послания, бывало, положительно волнуют всю семинарию, роняя в глазах легковверных к университетским веяниям наших учеников всю учащую корпорацию, весь дух и смысл нашего учения. Царство мрака и фарисейства! А там набегает другое горе. Те же ренегаты-университанты скоро возвращаются в Саратов на вакации да и расхаживают по семинарии с отпущенными волосами, с отпущенными бородами, в длинных сапогах, в красных русско-мужицких рубашках с косым воротом, в польско-ржондовых казакинах, да и проповедают своим сверстникам-семинаристам: «Глупенькие вы, братцы, Бога-то ведь нет» и проч. Вот он откуда, бурсацкий нигилизм. Вот откуда едва выносимая тягота тогдашнего начальственного служения в семинариях. <...>

Начав толковать о семинаристах, «Гражданин» (1889 г. № 308, дневник) сказал еще одну странную, сказать бы даже — возмутительную неправду. «Семинарист ненавидит дворянство в России. Кровь семинариста удивительно самобытна и не поддается перерождению при слиянии с другой кровью. Она подобна крови негра, цыгана: через несколько поколений кровь семинариста сказывается; оттого ненависть семинариста к дворянству проходит иногда отличительной духовной чертой через несколько поколений. На семинариста налагается судьбою печать, печать семинариста, т. е. ненависти к дворянству. Мало того, он в семинарии не был, этот сын священника или диакона, а попадает в какое-нибудь светское учебное заведение с ранних лет. И что же? Вы можете быть совершенно уверены в том, что, окончивши курс наук, он выступит в жизнь или службу с ненавистью к дворянству. В первом случае можно объяснить это влиянием бursы и среды, но как объяснить это усвоение душой ненависти к дворянству с ранних лет в среде всесословной учебного заведения? Затаенная ли зависть, затаенное ли чувство горечи от неизбежной необходимости сознавать в дворянстве известные преимущества — довольно трудно решить. Но одно несомненно: лицо духовного звания, попавшее в светское положение, если оно способно, даровито и развито, непременно таит в себе ненависть к родовому дворянству. Один только семинарист из всех сословий и разно-

чинцев в России ненавидит дворянство и не перерождается в дворянство кровью и духом. Между семинаристом и дворянином почти немислимо общение в мыслях и чувствах, на словах может быть, но на деле никогда, а всегда и везде и во всем у семинариста главной идеей будет повредить дворянству. Сколько в русской истории вообще и в истории русского дворянства в особенности семинаристы вредили именно тому дворянству, которое не по приказу и не за награду, а по дворянскому долгу чести и любви к родной земле предлагало свою службу престолу и отечеству всей вольной и благородной душой! Здесь поколениями сходились два врага: дворянин с открытой грудью и семинарист с доносом, клеветой и наветом!».

Признаюсь, только что приведенная выписка из «Гражданина» производит нехорошее впечатление, не говоря большего... Противно говорить даже против нее. Так к ней и отнеслись повально все светские газеты. Стоит ли толковать о том, например, будто «кровь семинариста не поддается перерождению при слиянии с другой кровью», будто «эта кровь подобна еврейской крови, подобна крови негра, цыгана»; будто «кровь семинариста сказывается через несколько поколений?». Русская кровь наполовину, если только не на две трети инородческая. Сколько втекло в нее крови финской, скандинавской, немецкой, конечно, польской, татарской, даже еврейской, особенно же финской. <...> А сказать ли, что все эти крови не перерождаются в русскую? Сам князь Мещерский — родословной его я не знаю — вероятно, носит в жилах своих финскую или же татарскую кровь. А разве он не русский? Я думаю, что в нашей дворянской крови уже значительная примесь семинарской крови — назовем ее так. Где же и как ее там выделить теперь? Сколько влилось этой крови в дворянскую через университеты, через высшее светское образование, начиная со времен Петра I, начиная с крови Ломоносова, который был внук диакона по матери, через медицинскую академию, через разные отрасли светской службы? Как ее теперь выделить? Как ее выделить из крови белорусского и малороссийского дворянства, когда здесь обыкновенным явлением было, что священнические роды во многих поколениях были заодно и дворянские, как и обратно, дворянские роды давали из себя служителей Церкви во многих поколениях до самого последнего времени, особенно же до присоединения этих земель к России и водворения в них русских порядков, а с порядками и русских предубеждений.

<...> Дожив до седьмого десятка лет, прожив по нескольку лет во всех пределах России от Петербурга до Новочеркасска и Одессы и от Риги через Казань до Уфы, никогда отроду я не слышал, что *семинарист ненавидит дворянина* (здесь и далее курсив автора. — *Ред.*). Я изумлен был этим новооткрытием «Гражданина», пока, вдумавшись, не нашел, что он говорит правду. Да. В пронизательности отказать ему нельзя. Он первый поймал и выяснил исторический, коли угодно, даже физиологический факт, только обратного значения. Дело в том, что *дворянин ненавидит семинариста*. Оставим ненавистное слово «Гражданина» — *ненавидит*. А скажем и мягче, и ближе к действительности: *дворянин не жалуется семинариста*. А семинарист, понятно, отплачивает ему отчасти тем же — некоторой боязнью, недоверием, даже нерасположением, хотя это уже и бывшее недавно прошедшее. <...>

Стоило бы раскрыть этот предмет исторически, с документами в руках, с книжными справками перед глазами. Но мне это не досужно. Приходится говорить по общим соображениям, впрочем, на основании общеизвестных фактов.

Общеизвестен факт, что единственным носителем просвещения в Древней Руси было русское духовенство. Известно, что до Петра I единственными на Руси школами были две академии: Киево-могилянская да Славяно-латинская.

ИЗ РУССКОЙ ДУМЫ

Известно, что Петр I повелел учредить духовные школы везде по Руси при архиерейских домах, которые и учреждены, и привились, и существуют до сих пор под именем то семинарий, то академий, например, в Казани. В начале текущего столетия большинство духовных епархиальных школ преобразованы в семинарии, и появилось название семинариста. Известно, что и светские люди старых годов учились в наших духовных школах, каков сам Ломоносов. Известно, что учрежденная наконец — гораздо позже духовной — и светская школа, особенно же высшая, наполнилась весьма значительно духовными школьниками, так как сначала они одни оказывались сколько-либо подготовленными к слушанию высших наук. Известно, что наши университеты с первых годов существования, особенно же медицинская академия, чуть ли не наполовину, в состав и студентов и профессоров, наполнялись духовными питомцами или семинаристами, по тогдашнему названию. По независящим от нас обстоятельствам для нас не доступны были всегда только чисто дворянские школы, кадетские и морские корпуса, лицеи, Училище правоведения. Дворянство учредило их для себя и оставляет до сих пор почти недоступными для других сословий.

Какова была сравнительная высота просвещения духовного и светского? Сравнительная высота просвещения в школах духовной и светской? Даже до Петра I все священники, диаконы и дьячки умели читать и, конечно, писать: напротив, в дворянстве была масса неграмотных, было множество не умеющих подписать свое имя. Недоросли процветали еще во времена Фонвизина и Екатерины II. В то время возникло особое чисто дворянское просвещение, которое состояло в обезьянском подражании французскому говору, французским манерам и французской беспринципности, каковое изображено тем же Фонвизиним в «Бригадире». Еще Александр Благословенный жаловался в Вильне в 1812 г. на господствующую систему воспитания: «Чему учится наша молодежь, как готовится к жизни? Очень и очень немногому. Научившись танцевать и болтать по-французски, молодые баричи воображают, что научились уже всему». Еще Пушкин писал про баричей своего времени, что они учатся чему-нибудь и как-нибудь. <...>

Какова была духовная школа по степени просвещения, какое давала? Киево-могилевская и Московская греко-латинская академии были тщательнейшим образом скопированы с европейской школы. Программы преподавания в них были глубоко обдуманы, проверены опытом и весьма широки. А духовные школы при архиерейских домах после петровской эпохи все без исключения стремились к тому же идеалу серьезной европейской классической школы, пусть и с схоластическим оттенком. Наконец, семинарии в начале текущего столетия основаны были по строго классической, проникнутой строгим единством идее, системе, которая и господствовала в нашей школе до 40-х годов; в 1840 г. несколько была ослаблена, но с 60-х опять усилена, хотя уже и не по средневековому, а по новоевропейскому образцу, как и в гимназиях. На всем протяжении своего бытия наша школа носила господствующий богословно-философский характер, преследуя главную цель — выучить своих питомцев не только знать и понимать богословско-философские творения прежних веков, но и логически мыслить, правильно логически и красно-риторически писать, приготовляя церковных ораторов, проповедников Евангелия, служителей слова Божия. Если в 40-х гг. этот исключительно философско-ораторский характер нашей школы и был несколько ослаблен, зато программы наших школ были завалены множеством предметов для изучения, множеством наук для преподавания. Вообще наша школа всегда

была весьма серьезна, весьма тяжеловесна. До 40-х годов она выучивала не только свободно читать греческих и латинских отцов и вообще классиков, но по латыни и слушать, и изучать лекции, даже объясняться и свободно излагать свои мысли на бумаге, о чем нечего и мечтать даже теперешним гимназиям. А всегда наша школа выучивала правильному логическому мышлению и писанию. Русское правописание лучше Пушкина у нас знал каждый ритор, т. е. ученик низшего отделения семинарии, иначе ему и немислимо было оставаться учеником семинарии. Наша старая школа дала России Стефана Яворского и Дмитрия Ростовского, которые по просвещению отстояли от петровских орлов — графов Шереметевых и князей Данилычей — как небо от земли; дала Георгиев Конисских¹, которые изумляли Польшу своим Цицероновским красноречием; дала Платонов и Филаретов Московских². А новейшая дала Павского³, беспримерного языковеда. <...> Несомненно, что наша школа дала массу дельцов для всех канцелярий, по преимуществу провинциальных, от писца и столоначальника и включительно до делопроизводителя и секретаря, потому что все эти люди умели правильно писать и мыслить и толково излагать бумаги.

Что же представляет современная светская школа в сравнении с духовной, не касаясь университетов, возникших далеко позже нашей школы? Средняя светско-дворянская шляхетская школа (она так и называлась — шляхетская школа) умела только издеваться над нашей якобы схоластической, а в сущности, классической бурсой. Между тем сама она учила чему-нибудь и как-нибудь. Забавно было слушать ее старую программу, которую излагал на акте в собрании всего уфимского общества по случаю 50-летия со времени основания уфимской гимназии сам попечитель учебного округа, <...> — программу легкую, т. е. пустую столько же, сколько и приятную, пока уже в 60-х годах эта школа не была признана вполне непригодной к серьезному обучению юношества и не преобразована по образцу осмеянной ею бурсы, но преобразована опять же так, что ей предлежит теперь новое преобразование. Об успехах же, каких достигала старая классическая бурса в изучении классических языков, гимназиям не приходится и мечтать. Где мы видели современного гимназиста, способного слушать лекции на латинском языке, изучать их по-латыни, свободно излагать свои мысли по-латыни и даже по-латыни изъясняться?

Как же прикладывалась к жизни эта сравнительная образованность семинариста-бурсака и барича-дворянина? Можно ли ставить в уровень их жизненную судьбу? Во-первых, обратно здравому смыслу барич-дворянин получал патент на образованность от самой колыбели, как и обратно, семинарист — патент на необразованность от самого детства, будь он впоследствии семи пядей во лбу, будь он сам граф Сперанский⁴. Этот патент образованности давали хорошие дворянские манеры, которые, конечно, имел граф Сперанский, привыкший вращаться в высших сферах, но которые большинству семинаристов не даются целый век. Целый век на них лежит печать семинариста, часто и бурсака.

А что такое хорошие манеры? Тут есть то, что называется *circus in demonstrando*⁵. Хорошими манерами у дворян считаются дворянские манеры; а дворянские манеры считаются хорошими манерами, хотя они иной раз и неодобрительны. Например, неестествен и некрасив был поклон до средних годов николаевского царствования, когда барич выпячивал грудь вперед, а задние части откидывал назад и шаркал ножкой, что мы видели в детстве еще собственными глазами. Такой поклон был уродлив и смешон, но кто тогда не умел так поклониться, тот, значит,

не имел хороших манер. А семинарист не только не умел, он не смел так кланяться. Духовное начальство не могло поощрять подобные нерусские поклоны, подобное французское коверкание русских людей. В конце царствования императора Николая I с восстановлением русских вкусов, русского говора при дворе такой поклон исчезает и исчез. <...> Император Александр I жаловался на невежество высшего круга, что, «научившись танцевать и болтать по-французски, молодые баричи воображают, что научились уже всему». Но французские танцы и сомнительно-французский говор в русском обществе говорили только о том, что дворяне забыли, что они русские люди. Семинаристы же, происходя от народа и живя с народом для народа, не могли забывать это.

Кроме того, хорошие манеры не возможны без хорошей стати. А что такое хорошая статья? Прямая и в то же время гибкая спина, маленькие ножки, маленькие ручки с длинными пальчиками, белая нежная кожа. А что такое белоснежная барская кожа? Кожа, которая не только в обладателе ее, но и во многих поколениях его предков не подвергалась влиянию ни палящих лучей солнца, ни свирепых ветров, ни лютых морозов, ни внешней пыли и грязи. Что такое маленькая ножка? Нога, которая даже в предках своих не месила грязи ни дорог, ни полей, которая порхала по паркетам и коврам, по каретам и разным колымагам. Что такое белая маленькая ручка? Рука человека, которая в нескольких поколениях предков питалась белым чистым хлебом, не исполняя никогда тяжелого труда. <...> Что такое статная гибкая спина? Спина, которая и в предках не носила тяжестей, не таскала сохи и плуга, не ворочала цепом и т. д. Так что гибкая спина, маленькая ножка, маленькая ручка, извольте видеть, отличая породистость и относясь к высоко ценным, хотя и не высоко ценным достоинствам человека, служат скорее признаком хотя и привлекательного даже для простых очей, но накладного для низших классов, для рабочей силы недостатка — недостатка безделья, потребления чужого труда, отличая разве только изредка высшее, хотя и не весьма частое в высших родах достоинство труда умственного. Известно, что породистые гуси, которые в предках Рим спасли, нередко в потомках не ко многому бывают годны...

Посмотрите, наоборот, на мужиков. <...> У кого из них спина прямая? <...> У кого из них нога не лопатная, ступня вся не придавленная к земле? <...> У кого из них рука — не лапа корявая, на которую и взглянуть-то страшно? <...> Так и бурсаку, как и нашему русскому мужику, где было взять красивую статью, когда его отцы и деды, да и он сам снискивали хлеб, часто сами же пахали хлеб свой в поте лица?

Что семинарист не имел ненависти, что напротив, питал пристрастие к дворянству, видно из того, что семинаристы всегда — кто мог, кто находил случай, особенно же через университеты — усиливались уйти из своего сословия в дворянское. Когда в 60-х годах раскрылись двери университетов настежь и для семинаристов, то вблизи университетских центров некое стало рукополагать во священника. Но дворянин, в свою очередь, в прежнее время теснил семинариста и не давал ему ходу, на который тот имел право по своему образованию. Припомним, что в морское ведомство семинаристы до царствования Александра II не поступали совсем, за исключением карьеры флотских врачей. В военно-сухопутном ведомстве семинарист-офицер был крайняя редкость. Были в гражданских офицерских чинах как во флоте, так и в сухопутном войске, только медики. Зато медицинский персонал состоял чуть ли не исключительно из семинаристов, из поповичей. Но светские военные и тех, несмотря на их сравнительно высокое образование, допускали в свою среду в качестве людей, носящих особую печать. Военных

чинов им не давали, военных мундиров и эполет до царствования Александра II — также. Семинарист в военно-сухопутном ведомстве почти не мог быть офицером, но сдаточными солдатами их бывали тысячи. <...> Наборы между поповичами бывали во все царствования до 30-х годов настоящего столетия. И нехорошо говорить «Гражданину», что «дворянство не по приказу и не за награду, а по дворянскому долгу чести и любви к родной земле предлагало свою службу престолу и отечеству всей вольной и благородной душой, дворянин с открытой грудью, а семинарист с доносом, клеветой и наветом!». Нехорошо. Престолу и отечеству на Руси служили верно и нелицемерно до пролития крови, до положения живота не только дворяне, но и крестьяне, и семинаристы, и все. Дворянин, да, часто служил и «вольной душой», а семинарист служил, как и крестьянин, по призыву, но служил все же верно и нелицемерно, до положения живота. Дворянин служил якобы не за награду, а все же все награды, до чина фельдмаршала и генералиссимуса и до первостепенной георгиевской звезды и ленты, сыпались единственно на дворянство. А что же сыпалось на сдаточного семинариста, который тянул солдатскую лямку 25 лет с надеждой дослужиться до унтер-офицера в отставке и много-много что до солдатского георгиевского креста? Дворянам же доставалась и историческая слава. А многие ль из миллионов солдат и семинаристов, на брани живот свой положивших, достигли исторической славы? Несмотря на это, умирали они в боях так же беззаветно, как и дворяне, как умер мой родной брат, военный медик Елпидифор Бровкович, пораженный насмерть разорвавшейся англо-французской бомбой при осаде Бомарзунда; как умерли двое моих двоюродных братьев в начале первой восточной войны <...> при штурме какой-то турецкой крепостцы — один уже студент семинарии Иван Бровкович, другой недоучившийся семинарист Василий Бровкович. «Ура, Ваня, пушка наша!.. Ура, Вася, пушка наша!». И тут же оба поражены были турками насмерть.

Лучше ли была доля семинаристов, которые выходили в гражданскую службу? Лучше, да. К несчастью для них, на них лежало несмываемое пятно — семинарская печать.

Что такое эта семинарская печать? Нечто весьма почтенное, похвальное, поощряемое и весьма нужное в духовенстве, требуемое исторически воспитавшимися вкусами нашего православного русского народа, вкусами даже самого дворянства. Для ясности возьмем примеры. Сходите вы, чтобы понять, в старые русские церкви — например, в Успенский собор в Москве. Посмотрите на святые лики в иконостасе и т. д. Посмотрите на старые иконописные подлинники. <...> Вы видите, что все лики там один на другой похожи, похожи в чертах лица, во всей позе головы, рук, ног и всего тела. Отчего это? Такой идеал святолепного человеческого образа завещан нам святой древностью, как византийской, так и российской. Отчего же завещан такой, а не иной идеал? Идеал этот скопирован с природы, с действительных образов отшельников, постников, святителей, преподобных матерей, святых мучеников и мучениц. Все это сухое, худощавое, изможденное, вытянутое, святолепное. Что эти иконные образы похожи на действительные лица, доказательство тому мы имели на глазах и в наши дни. Богобоязненные святители еще при жизни приобретают поразительно иконный тип. Таков был под старость святитель Московский Филарет, совершенно иконный тип. Таковы были постники Филофей — митрополит Киевский, Иаков — архиепископ Нижегородский и Антоний — архиепископ Воронежский. Посмотрите в другую сторону — на римско-католическое духовенство, от самого папы до приходского ксендза, до всякого школьника

латинских конвиктов⁶. У тех другой, свой, но один и тот же тип у всех... Такой тип выделяется у них всем обрядовым строем их церкви, всем наклоном их училищ. <...> У них это определено строгими и неумолимо точными правилами их римско-католического воспитания. У нас, православных, особенно же в наших школах, нет на это строгих и ясных правил. А жаль. Между тем есть это требование в церковном духе народа, чтобы духовный питомец, кандидат в священнослужители, приобретал и носил тип церковника. Вот просит священнического места светский учитель или даже семинарист. А глядишь, он буквально не умеет правильно перекреститься. Он буквально не умеет преклонить голову и грудь в поясный поклон. Он буквально не умеет, не привык делать земные поклоны, явно никогда их не делал. <...> Знайте, что из такого в священстве добра не будет. Он закрутил усы, подражая Наполеону III, или же подвил барашком, или же обрился по-североамерикански, выбрив баки и усы и нижнюю губу, или же пустил эспаньолку, или же расчесался по-аглички с заботливым пробором даже на затылке. <...> Поверьте, не будет добра из такого человека в священстве. Он одет в коротенький пиджак, расстегнутый или же небрежно забранный на одну пуговку; он носит на себе бойкий задорный вид, который явно сквозит самомнением, что-де он делает честь Церкви, предлагая свою персону на смиренное церковное служение. Не верьте такому юноше, плохой из него священник выйдет. Будет и в священстве ездить по железным дорогам с сигарой или папироской во рту, будет в селе носить штиблеты и т. п. напоказ, какой-либо модный цилиндр, какое-либо хитроскроенное пальто, будто бы рясу, с бархатными отворотами, с совершенно открытыми воротничками, широко откинутыми по-детски или же поднятыми до ушей и кончика носа. Поверьте, ненавидит наш народ таких попов-фатов, таких попов-фертов и презирает и отверщается их. Не созидатели они своего дела, не служители своего призвания, а разрушители. Поверьте, таких фатов и фертов отверщаются и дворянство, и в войсках офицерство. А вес у всех и везде имеет тот священник, который больше или меньше олицетворяет собой лик служителя Божия — вышеописанный лик, лик по меньшей мере степенности, неvertлявости, незаносчивости, лик смирения и молитвенной самособранности. Таковы любимые священнослужители во всех концах Святой Руси, в городах и весях, в мужицких хатах, в барских палатах и в царских дворцах. Священнослужитель обязан усвоить и носить свой особый тип, тип облюбленный православным народом, выработанный церковной историей, волей-неволей прививаемый нашей молодежи в наших школах. <...> Эта якобы семинарская печать, а в сущности, печать церковности пристает к нам с раннего детства. Пристает потому, что мы, огромное большинство поповичей, — теперь вот начинают появляться невероятные образцы поповских детей, которые вовсе не приучены к церковности, которые не знают никаких домашних молитв, т. е. никогда не молились, — а мы участвовали в молитвословиях наших отцов с раннего детства, от колыбели. Школа до выхода из академии прививала ту же печать. Что же мудреного, что эта печать к нам пристала и снять ее нельзя до гроба и могилы? Конечно, эта печать — высокое достоинство, высокое отличие раба Божия.

Но свет смотрит иначе через свои светские очки. И вот иной больше или меньше с детства по призванию раб Божий, а по склонности — жадный карьерист, желая нахватать, как нахватывают дворяне, чинов и орденов, оставляя свое смиренно приниженное скудохлебное духовное звание, вступает в более или менее высокий <...> свет. Увы! Там на нем семинарская печать лежит, как печать если не проклятия, то отвержения. Настоящие бары его к себе дальше прихожей не

ИЗ РУССКОЙ ДУМЫ

пускают. Все усмеваются. В обществе видят его с улыбками жалости. <...> Храни Бог, если он натянет на себя злосчастный фрак; в изысканно модном одеянии он выглядит еще забавнее. Несколько простят ему, если он по костюму постоянно показывает безупречную безукоризненность... Но кто из нашей братии сим доволен? Потому-то они и обречены на всегдашнее изгнание из общества хорошего тона или же служат там посмешищем, вроде Василия Кирилловича Тредьяковского у какого-нибудь совершенно невежественного Волынского, который без зазрения совести, по-барски достаивал даже пороть его розгами и бить из собственных вельможных рук пощечинами — помнится, уже члена академии наук. Говорим все о былом времени. Впрочем, в том же тоне, хотя, быть может, и не так сурово, бары обращались с семинаристами и в позднейшее время, даже с самыми даровитыми, сведущими и работающими. До каких должностей их допускали? В провинции до последних дней царствования императора Николая I допускали (за единичными исключениями) до писца и столоначальника, до секретаря и губернаторского делопроизводителя, в старые годы никогда до вице-губернатора, никогда до губернатора. В последнее время я знал двух вице-губернаторов из семинаристов, что, со своей стороны, они тщательно скрывали; не знал ни одного губернатора. <...> В Петербурге в старые годы, не знаю, достигали ль семинаристы звания начальников отделений. В царствование Александра I мы знаем одного семинариста, который пробился в первые ряды государственных чинов, — именно графа Сперанского. При Николае I мы знали из семинаристов министра финансов Вронченку и одного директора департамента Оржевского. Даже в ведомстве Святейшего Синода у обер-прокурора графа Протасова все директоры-генералы были из дворян, а семинаристы не шли дальше обер-секретарей. И вот только в освободительное царствование Александра II семинаристы уже в значительном числе прошли в высшие ряды государственных деятелей. Какая же была доля остальных? Чернорабочая. Семинарист искони был делец, выючное в канцелярии животное, на нем высшие чины ездили, его погоняли, чуточку по бурсацкому рангу и награждали, но в ряд с собой не пускали. Что же видел семинарист, человек в большинстве развитой, многому учившийся? Что вообще духовенство видело в высших дворянских сферах?

«Гражданин» очень уж громозвучно трубит о дворянских доблестях. Да. И сам я не раз разверзал свои уста в честь этих доблестей. Доблести эти были и есть; они бесспорны. Иначе и русское царство не стояло бы; дворянство в первых рядах у ступеней трона делало русскую историю. Но нет ли в медали и оборотной стороны? Когда с глубокой горестью сердца глядишь на это постепенное, но роковое падение русского дворянства, у которого и по освобождении крестьян оставалось все же громадное достояние в землевладении, когда глядишь на эту неумелость справиться со своим все же господственным положением, на эту малоспособность приложить к делу ум и знание, труд и сдержанность, когда сплошь и рядом видишь и слышишь, что такой-то дворянин теперь вот, в наши дни, посылал мыть свое белье в Париж и, конечно, прогорел; такой-то взял невесту с домом, в котором не знали счета массам серебра, и промотал огромное приданое на лошадей; такой-то, кроме собственного состояния, получил полуторамилионное наследство, и всего этого не хватало ему, чтобы дожить до 35 лет, все прожил и зарезался; когда с горестным предчувствием видишь кругом, что исконные русские барские земли повально переходят в руки евреев и немцев, вследствие чего аристократия русского государства через 50 лет может принять в себя массу инородцев и нам придется кланяться каким-

либо надменным Фрицам и нахальным Ицкам; когда слышишь кругом, что и теперь уже русские люди, составляя прислугу — кучеров, поваров, лакеев — у Шлемок и Шмулей, величают их: барин, барыня, <...> то не приходит ли на мысль, что тут творится что-то недобровещее, что российское дворянство прогневало Господа Бога и наводит грехи отцов на чада их и на чада чад? <...> Грехи на земле были всегда и везде во всяком народе, во всяком классе общества. Но не было ль особых грехов, свойственных собственно крепостническому барству? Кем внесены в русскую землю отделение высших сословий от народа и обезьянское подобострастие к модной чужеземщине? Кем внесены волтерианство, издевательство над отечественной святыней, отступление от церковного порядка?

Велика жертва освобождения миллионов крепостных, так. Но кто же забыл мощное самодержавное слово царя-освободителя, что лучше начать эту реформу сверху? Если бы освободительный манифест не был прочитан в 1861 г., разве с 1862 г. не пошли бы в народ ее глашатаи из дворянских же недоносков? <...>

Было ли духовенство враждебно дворянству? Нет, оно было подобострастно. Были ли семинаристы, служащие по гражданскому ведомству, враждебны своим надменным и в большинстве невежественным патронам — например, этим губернаторам из гвардии полковников, которые умели с пышным росчерком только подписать свое имя, нимало не смысла в заведующих делах, или этим председателям палат, которые появлялись в присутственные камеры на закате солнца, чтобы поскорее только подписать беловые бумаги, подложенные вице-председателем или секретарем-семинаристом, чтоб поспешить на званый обед, там на вечер на карты и т. д.? Нет, ни одного на своем веку я не видел враждебного. Но видел сотни и тысячи примеров обратного, видел это повальное явление во всех отщепенцах нашего звания, начиная от коллежских регистраторов до тайных и действительных тайных советников. *Все стыдятся своего духовного происхождения. Пусть и не стыдятся в душе. Но положительно все стараются всячески скрыть свое духовное происхождение. Значит, свет, в котором они теперь вращаются, не выносит людей не своего круга, не своей крови, не своего воспитания. Свет нас не жалует и гонит, а не мы его.*

Непонятно, почему это, в каких видах защитник дворянских интересов «Гражданин» заговорил так жестко против семинаристов именно теперь. Вероятно, есть цель какая-либо. Не чувствует ли он, что семинаристы стали протискиваться в числе довольном уже в первые ряды государственных чинов? Да и то еще сказать, протискиваться туда и нельзя. Их приглашает высшая власть как благопотребных государственных деятелей. Легко сказать: ворочающий достоянием России, а частью и Европы, министр финансов Вышнегородский — семинарист. Не сам туда толкался на эту высоту, пригласили, чтобы спасти Россию от плохих обстоятельств. И подите же, семинарист, а справляется с таким делом, для которого не оказалось годного дворянина. Министр финансов Вронченко также был семинарист. Во второстепенной сфере семинаристов в ход пустил граф Д. А. Толстой⁷, несмотря [на то], что сам же издевался над старой семинарской школой. Окружавшие его в синоде генералы все принадлежали старой семинарской школе. Попечителей учебных округов он понаделал также из семинаристов. Не чувствует ли «Гражданин», что семинарист, взяв ход, станет сильным совместником дворянина на служебном поприще? Не мечтает ли он воротить нас ко временам Екатерины II, когда баричи записывались в гвардии-капитаны уже с колыбели; когда все прочие, кроме баричей, обречены были тянуть лямку только рядовых? Сохрани Бог. История не делает попятных скачков. Пусть «Гражданин» помнит

ИЗ РУССКОЙ ДУМЫ

изречение умного дворянина, что у нас мужицкое царство, т. е. всенародное, опирающееся на весь народ царство. <...>

В заключение «Гражданин» пишет о Чернышевском: «После ссылки он вернулся к свободной жизни разочарованным, постаревшим и — увы! — слишком поздно постигшим, насколько эти увлечения либерализма безумны потому, что они — в резком и непреоборимом разладе с разумом и духом русской народной жизни. Он умер успокоенный и усталый, искупив годами страданий тяжкие грехи своей молодости». Вероятно, «Гражданин» знает, что говорит, собрав сведения о последних днях Чернышевского. В проповеди по поводу пушкинского 50-летнего юбилея, упомянув об искреннем раскаянии Пушкина в последние минуты жизни и примирении с Богом и Церковью и поставив на вид, что развитому «человеческому духу трудно выдержать безусловное отрицание до конца, особенно же во дни тяжелой невзгоды и в предсмертные часы, при переходе из этого мира в загробный; трудно не по малодушию, а по непрекаемой логике человеческой природы», к числу известных в этом отношении примеров мы присоединили «еще один, что единомышленники известного отрицателя Чернышевского, заключенные с ним в крепости, перед ссылкой все до единого искренне исповедовались и причащались, кроме самого Чернышевского, который рассуждал о вере с духовником охотно, но исповедаться и причаститься отказался по той причине: «Что-де скажут о Чернышевском?». Это я слышал тогда же от самого духовника (протоиерея Петропавловского собора в С.-Петербурге Василия Петровича Полисадова)⁸, «Впрочем, — высказался я тогда, — последняя песня самого Чернышевского еще не спета, еще впереди; веруем, что за молитвы его богобоязненного родителя умрет и он христианином». Надежда оправдалась наполовину: умер он, по-видимому, действительно христианином, но святого причастия не сподобился.

Для разрешения нашего чисто психологического вопроса, прочитав в газетах о смерти Чернышевского, мы телеграфировали в Саратов к отцу протоиерею Иоанну Васильевичу Смельскому, магистру богословия: «Отчего умер Чернышевский? Исповедался ли перед смертью? Кем и как погребен?». Телеграфный ответ: «Умер апоплексией мозга. Напутствовать приглашали. Отпет прилично в Сергиевской церкви. Остальное письмом». Письмом от 1 ноября прошедшего года протоиерей Иоанн Васильевич Смельский отвечает: «Обещая представить вам какие-нибудь подробности о Н. Г. Ч., я думал порасспросить кое-кого и побольше узнать. Узнал мало. Он мало был известен в Саратове в последнее пребывание его здесь... Перепросился он сюда из Астрахани по причине чувствованной им болезни. Здесь жил не в своем наследственном доме, потому что дом был сдан под квартиру по долгосрочному контракту. Квартира его была в доме А. М. Н., бывшего секретарем у преосвященнейшего Афанасия. <...> Средства он добывал переводом поручаемых из [Санкт-Петербурга] статей с иностранных языков на русский. В последнее время <...> сам только диктовал, а писал нанятый писец. Когда стало ему совсем плохо, приглашены были врачи. За день или два до смерти он заявил желание исповедаться и приобщиться Святых Тайн. Но бывшие тут врачи соврали, уверив его и жену его Ольгу Сократовну, что серьезной опасности не предвидится и что он скоро оправится от болезни. В роковую ночь врачи позваны были к больному экстренно. Осмотрев его, они объявили, что теперь, пожалуй, пора послать и за священником. Послано было — и по более близкому месту жительства, и потому, что иеромонах Крестовой церкви архиерейского дома состоит духовником Ольги Сократовны — за этим

иеромонахом. Пока посланный добрался <...> до духовника, в 2 часа ночи, пока иеромонах (немедленно же) прибыл к болевшему, Н. Г. уже отходил; призванный иеромонах напутствовал его только прочтением молитв «при разлучении души от тела». Отпевание совершено в местной приходской Сергиевской церкви, при которой некогда служил и родитель его. По-видимому, родные покойного намеревались устроить похороны поскромнее, потому что приглашен был только приходской священник; впрочем, был и хор архиерейских певчих. Похоронен на кладбище — говорят, в семейной могиле... Очевидцы говорят, что похоронная процессия была вообще скромная и чинная, но венков было много и... полицейских было немало».

По-моему, Бог не удостоил предсмертного очищения за многие и тяжкие грехи ума и слова. Что посеешь, то и пожнешь...

Мне сообщают из Саратова, что «супруга Чернышевского Ольга Сократовна Ч. заказывала сорокоуст в женском монастыре; что-то пожертвовала». Если бы она была уверена, что муж ее все это отрицает, как отрицал прежде, как она решилась бы поминать его заупокойной молитвой?..

1890 г.

¹Архиепископ Могилевский, Мстиславский и Оршанский Георгий (Конисский. 1717—1795) — богослов, философ, общественный деятель (*все примечения, кроме оговоренных, сделаны редакцией*).

²Митрополиты Московские Платон (Левшин. 1737—1812) и святитель Филарет (Дроздов. 1782—1867) — крупнейшие богословы, ученые, церковные деятели своего времени.

³Протоиерей Герасим Петрович Павский (1787—1863) — филолог, востоковед (гебраист, тюрколог) и русист, экзегет, переводчик Библии, основоположник русской библейско-исторической школы.

⁴Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839) — российский государственный деятель, одно время ближайший советник императора Александра I, автор плана либеральных преобразований, инициатор создания Государственного совета (1810). Сын священника, учился во Владимирской семинарии и в главной семинарии при Александро-Невской лавре.

⁵Круг в доказательстве (*лат.*).

⁶Католическое закрытое учебное заведение.

⁷Граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823—1889) — российский государственный деятель. Президент Петербургской академии наук (1882), обер-прокурор Святейшего Синода (1864—1880), министр народного просвещения (1865—1880), внутренних дел (с 1882).

⁸<...> Еще один исторический факт, слышанный тогда же. В 1864 г. духовник Их Величеств, протопресвитер В. Б. Бажанов, покровительствовавший мне, <...> старец мудрый и остроумный, нашел почему-то нужным уронить уже сосланного Чернышевского в моих глазах. «Слышали, слышали, как Чернышевский приглашал своих знакомых сблизиться с его женой! «Господа! Не стесняйтесь. Это ее дело. Я никаких претензий не имею». Слышали? А? Каково? Хорошо? Скверно... А в Сенате, когда запахло приговором, осуждением, малодушничает, плачет: «Господа сенаторы! Пощадите жизнь мою... жизнь мою пощадите, господа сенаторы...». И старец комически произносил эти слова слезливым голосом, как плачут дети (*прим. автора*).

Александр Николаевич Потапов

Казачий монастырь

О Свято-Николо-Чернеевском монастыре
Рязанской епархии

*Свято-Николо-Чернеевский монастырь.
Фотография автора. 2009 год*

На юго-востоке Рязанской области в 18 верстах от Шацка расположился древний Свято-Николо-Чернеевский (Чернеев, Черниев) мужской монастырь. В начале 1570-х годов сюда, на тихий берег реки Цны, пришел из придонских степей казак Матвей. Где и когда он родился, зачем и от чего бежал глухими рязанскими лесами — нам не-

ведомо, но так или иначе Матвей решил обосноваться в этой глухомани, заселенной в те времена мордвой, мешеряками, черемисами и другими языческими племенами, срубил часовенку, скит и стал жить пустынником, молясь Богу.

Постепенно потянулись к Матвею такие же, как и он, казаки, ищущие спасения в вере,

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

стали осваивать мордовский язык, вести с идолопоклонниками душеспасительные беседы. «Результатом этого было то, что многие язычники из мордвы, присматриваясь к православной обрядности и прислушиваясь к стройному пению, охотно и сами делались православными. Сам первый строитель Черниевой обители больше всей братии занимался миссионерством. Как свидетельствуют старинные акты, «подговором и лебезою он приобрел для Православной Церкви из мордвы 25 человек». С этого времени в глухой мордовско-мещерской стороне стали возникать сельские храмы, появилось под защитою «сторожевых и оборонных властей» русское духовенство, и вследствие этого наши инородцы все крепче и крепче притягивались к Московской державе»¹.

Но не все шло гладко у новоявленного проповедника. Мордовские язычники оказывали сопротивление его миссионерской деятельности, грозились разорить скит. Матвей испросил у рязанского епископа благословения на строительство на месте скита православного монастыря. В 1573 году пустынный Матвей был посвящен в иеромонаха, принял иноческое имя Матфей и занялся обустройством новоучрежденной обители,

нареченной во имя святителя и чудотворца Николая. В народе же долгое время, вплоть до начала XIX века, обитель именовалась Матфеевой пустынью.

Местное население продолжало чинить препятствия монастырской братии, и Матфею неоднократно приходилось искать защиты у московского царя. Так, в грамоте Ивана Грозного от 15 февраля 1583 года говорится: «Бил челом нам от Шацких ворот, с диких поль, от церкви святителя и чудотворца Николая, что в Черни, тоя церкви черный поп Матвей з братьею. <...> И я-де черный поп Матвей по благословию владыки Леониды Рязанского поставил церковь Николая Чудотворца нову и общинку братнюю устроил, <...> а со мною-де с черным попом с Матвеем, в той-де моей Матвея новой пустыни живет пять братьев черных же»².

Далее речь шла о том, что мордовское население не разрешает монахам рубить в лесу деревья, собирать валежник, крадет скот и птицу, грозит общину разорить и в степи выгнать. Государь своим указом защиту монастыря возложил на шацкого приказчика Дурова. Отныне Матфей мог невозбранно заготавливать на монастырские нужды лес, выбирать любые покосы, ловить в реках рыбу,

Вид Николаевско-Чернеева монастыря.

Литография 1861 года (Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник)

Вид Николаевско-Чернеева монастыря.

Литография 1861 года (Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник)

Преподобный Матфей Чернеево-Шацкий

«а от мордовских диких полъ и от сторонних всяких обид и от усилы (насилия. — *А. П.*) его черного попа с браты тебе прикащику Юрке Дурову беречь»³.

Да видно плохо охранял монастырь приказчик, так как иеромонах Матфей снова и снова бьет челом государю. И Иван Грозный повторяет свой наказ. Более того, «кто по тебе, Юрке Дуровом (то есть после тебя. — *А. П.*), иные, а не ты, Юрка, на приказе в Мешоре будут, и те приказные по той же нашей царской грамоте попа Матвея и братью с монастырем Николы чудотворца берегут»⁴.

Чернеев монастырь выполнял еще и роль «приюта для увечных в боях за родину казаков», сюда на покой стекались немощные и раненые донцы, а разбогатевшие в походах «за зипунами» донские удалыцы щедро жертвовали на строительство Матфеевой пустыни, на помин души павших в сечах. Список казачьих имен в монастырском синодике был довольно внушительным: роды атаманов Василия Грешного, Ивана Горелкина, Ивана Подшивы, род донского казака из Черкаска Герасима Сурмина и многих других, побитых на Яике, под Азовом⁵.

Известно, что казаки, отправляясь в поход, особенно усердно молились угоднику Николаю, обещая в случае удаче пожертвовать на Церковь часть добычи. «Для сих приношений избрали они два монастыря: один Никольский ниже Воронежа, в Борщеве, другой Чернеев в Шацке. К обогащению сих своих монастырей донцы ничего не жалели: для колоколов жертвовали отнятыми у неприятеля испорченными пушками; серебро же, золото, жемчуг и драгоценные камни, блистая в ризницах и на иконостасе, свидетельствовали об усердной вере наших набожных рыцарей. В сих монастырях казаки, потерявшие силу воевать, посвящались в монахи, увечные и раненые, как в инвалидном доме, находили приют, покой и содержание»⁶.

В 1663 году герой «Азовского взятия» атаман Осип Петров хлопотал о «казачьей» обители перед царем Алексеем Михайловичем. «Били челом нам, Великому Государю, атаманы и казаки Осип Петров и все войско Донское: в прошлых-де годах, как учили они служить на Дону на реке, и пожаловано все войско Донское за их службу и за кровь истари, при прежних их войсковых атаманах <...> в Шацком уезде <...> великого чудотворца Николы Чернеев монастырь на вечное прибежище и на строенье, а старым и от ран увечным в том монастыре постригаться без вклада. И они-де издавна тот Чернеев монастырь всем войском Донским и донине строят и многие вклады дают»⁷.

Мало-помалу Матфеева пустынь расширяла свои владения. К концу XVII века ей принадлежало более 600 крестьянских дворов, пахотные земли, обширные лесные угодья, сенокосы, рыбные ловли. Монастырь богател преимущественно благодаря вкладам донских казаков. Обычно донцы, возвратившись из похода, просили на кругу Войска Донского разрешения отправиться на богомолье, «обещаясь помолиться в Москве Московским чудотворцам

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Донской казак(слева) и детали украшения одежды казаков XVIII века (из книги А. А. Гордеева «История казачества». М., 2007)

Детали казачьего облачения (слева), казак и казачка (из книги «Слава тебе, Господи, что мы — казаки. Прошлое и настоящее казачества Тамбовского края». Тамбов, 2003)

Л. Е. Дмитриев-Кавказский. Казачья вышка. Офорт. 1887 год

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Знамя Войска Донского
(из книги А. В. Шишова
«Казачьи войска России». М., 2007)

Печать Войска Донского
(из книги И. Бреэре
«Кзаки». М., 1992)

и великому чудотворцу Николаю в Чернеевском монастыре». Им выдавалась «проезжая память», и они отправлялись по святым местам. Кстати, непосредственной судебной-административной инстанцией для Чернеевского игумена и братии в те времена являлся Черкасский казачий круг — уже через него монастырь входил в сношения с Московским государством⁸. Как правило, в Посольском приказе, который ведал делами казаков, их принимали доброжелательно. «Московское правительство в течение почти всего XVII века не находило ничего противозаконного в покровительстве Донского войска Чернееву монастырю и тем самым как бы признавало за ними право лично от себя ходатайствовать за обитель, хотя она находилась далеко за пределами войсковых земель». Вот, например, текст жалованной грамоты игумену Чернеева монастыря Артамену: «Били челом нам, Великому государю, царю и Великому князю Михаилу Федоровичу, донские атаманы и казаки Епифан Родилов с товарищи. И мы <...> донских атаманов и казаков Епифана Родилова с товарищи пожаловали: пустыни Чернеева монастыря с вотчины в городовое и острожное дело и никаких разметных дел делати не велели»⁹. Другими словами, царь запрещал местным властям вмешиваться в дела обители.

Постепенно Чернеевский монастырь становился одним из форпостов православия на границе с Диким полем, одновременно обретая черты крепости. Влияние обители в крае усиливалось год от года.

В истории миссионерской деятельности монастыря — немало славных имен. Так, в 1656 году язычники убили архиепископа

Мисаила, крестившего окрестную мордву. Тело святителя было первоначально упокоевано в Чернеевском монастыре, а затем перенесено в Переяславль Рязанский (нынешнюю Рязань).

Сам основатель обители иеромонах Матфей скончался в 1643 году и, по преданию, захоронен в ее стенах. Со временем могила оказалась утраченной, но сегодняшняя братия не теряет веры в то, что мощи преподобного Матфея Чернеевского будут обретены.

Существует и такое предание: в монастыре после своего первого похода укрылся Степан Разин. Однако документальных подтверждений тому не найдено. Зато известен следующий факт: в 1670 году Чернеев монастырь израсходовал на борьбу с мятежниками, то бишь на вооружение царских ратных людей, 980 рублей — почти все свои накопления. Хотя, могло статься, монастырь просто откупился от воинских команд, чтобы они под горячую руку не разорили его дочиста. Воевода И. В. Бутурлин, следуя с карательной экспедицией через Шацк, взял деньги в Чернеевом монастыре и раздал их своим ратникам. Позднее казна вернула обители лишь 288 рублей. Тогда монастырь обратился за помощью к Войску Донскому, отправившему в Москву челобитную о возвращении денег чернеевским монахам. В челобитной, в частности, отмечалось, что «монастырская казна — это прежние старинные вклады атаманов и казаков, поэтому давать им какое-то назначение могут только казаки». Однако на сей раз московские власти, которым все меньше нравилась «казачья» принадлежность обители, в дипломатической форме отказались удовлетворить просьбу¹⁰.

И еще одно предание: будто в Чернеевском монастыре отбывал ссылку известный деятель российского просвещения XVII века Сильвестр (Симеон) Медведев. В обители хранился синодик с «размышлением «О пощении мертвым», заканчивавшимся словами: «Всем вам всеусердный есмь желатель Симеон Медведев». Автор «размышления» достоверно неизвестен, однако полагают, что им был именно Сильвестр Медведев.

Как уже говорилось, в XVII веке Чернеев монастырь широко пользовался покровительством Войска Донского. Войсковое начальство посредничало между настоятелем и правительством, охраняло неприкосновенность монастырских привилегий. Братия то и дело искала защиты и поддержки у донского казачества по разным поводам. Однако в благодарность за заступничество приходилось терпеть прихоти донских покровителей. В 1685 году чернеевский игумен Моисей жаловался царям Ивану и Петру: «И те казаки, забыв страх Божий, озорничали и, напившись пьяни, старцев били плетью и ослопами (ослоп — жердь, дубина. — *А. П.*) безвинно и в смиренье сажали, а крестьян монастырских с женами и детьми увозили на Хопер, на Дон и на Медведицу, и про то ведают старосты и выборные крестьяне. Да те же казаки в кельях из пищалей стреляли и в гудки играли и в ложки били и служилых царских людей поленьями били и монастырь запирали». Казаки озорничали, заводя в обители свои порядки. Под их влиянием она постепенно превратилась в перевалочный пункт для беглых крестьян на пути в донские степи. «Монастырские крестьяне платят казакам <...> оброк большой деньгами, медом, вином и всякими запасами, отвозят к пристани на своих подводах. Посыльных людей в тот монастырь от воевод и от приказных людей для всяких дел казаки бьют смертным боем, а монастырские крестьяне и служки чинятся во всем, сильны и непослушны. В монастырских вотчинах казаки заводят круги по донскому обычаю»¹¹.

В конце концов правительство решило прекратить «казачий протекторат» над Чернеевым монастырем, и 10 декабря 1685 года пустынь приписали к Тамбовскому архиерейскому дому преосвященного Питирима. Царские грамоты на сей счет были высланы и Питириму, и на Дон. Влиянию донского казачества на монастырь настал конец. Казакам впредь запрещалось вмешиваться в дела обители и принимать кого-либо из ее насельников у себя на Дону. Правда, донцам не запрещалось делать

вклады в Чернеевский монастырь, посещать его, а при достойном поведении — и постригаться там в монашество. С 1686 года монастырь отошел к Тамбовской епархии и был отдан «на пропитание преосвященному Питириму со всем его причтом вечно», окончательно утратив над собой опеку донского казачества¹².

* * *

Архитектурный комплекс монастыря складывался на протяжении XVII—XIX столетий. Первоначально постройки Матфеевой пустыни были деревянными, потом началось каменное строительство, завершённое в основном в XVIII веке (тогда же монастырь обнесли кирпичной стеной, по углам которой поднялись на десятиметровую высоту башни, увенчанные шлемовидными куполами). Это прежде всего Никольский собор, возведенный по образцу Грановитой палаты Московского Кремля. Он массивен и крепок, хотя высокий свод его держится лишь на одном четырехгранном столпе, каждая из сторон которого имеет в ширину 3 аршина 2 вершка (2 метра 22 сантиметра). Собор несколько раз «поновлялся», но сохранил свой величественный вид, напоминая, по некоторым оценкам, крепостной донжон¹³. Знаменит он не только тем, что все его своды держатся на одном столпе, но и замечательной акустикой, чему способствуют глиняные трубы и горшки, вмурованные в стены. По богатству резного иконостаса, занимавшего всю восточную стену, Никольский собор имел немного себе подобных.

Рядом с Никольским собором радует взгляд стройностью и белизной недавно отреставрированная одноглавая двухэтажная Казанская церковь XVII века.

В 1812 году в центре западной стены взметнулась ввысь сорокапятиметровая трехъярусная колокольня, в нижнем ярусе которой были устроены проездные ворота, а во втором — надвратная Петропавловская церковь.

При обители существовала школа, расположенная в селе Старое Чернеево, — «со всеми необходимыми принадлежностями, с квартирой для учителя и помещением для сторожа». В 1897 году в школе обучалось около 100 детей, а учителем состоял «окончивший курс в Тамбовской духовной семинарии сын местного священника Сергей Островский»¹⁴.

В стенах Чернеевского монастыря хранились многие предметы, представлявшие большую культурно-историческую и духовную

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

*Свято-Никола-Чернеевский монастырь сегодня.
Фотографии автора. 2009 год*

Внутреннее убранство Никольского собора

На колокольне

Никольский собор (справа) и Казанская (Архангельская) церковь

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

*Г. В. Потоцкий.
Святитель Николай Чудотворец, Бронза.
(Никольский собор монастыря)*

ценность: грамоты царей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Ивана и Петра Алексеевичей, два указа Петра I, Евангелие 1628 года, отпечатанное по распоряжению патриарха Филарета (Романова), и многое другое¹⁵. Среди святынь особое место занимала чудотворная икона святителя Николая древнего греческого письма в богатой серебряной позолоченной ризе. Однако пожар, случившийся в 1861 году, уничтожил большую часть этих сокровищ.

*Сегодня
в стенах
обители
принимают
присягу
шацкие
и моршанские
казаки.
Фотография
из архива
Шацкого
муниципального
детско-
юношеского
казачьего
центра*

Фотографии автора. 2009 год

Вид на монастырь с реки Цны.

Одна из угловых башен

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Дорога к храму (Свято-Никола-Чернеевский монастырь). Фотография из архива О. В. Балашова. 2009 год

* * *

К началу XX века жизнь в обители заметно оскудела. Справочники сообщали, что «лежащий в стороне от больших дорог, ныне весьма бедный Чернеев монастырь крайне редко посещается богомольцами»¹⁶.

В 1912 году монастырь преобразовали в женский. Здесь начали развиваться художественные промыслы на основе древнерусских традиций: вышивка, ковроткачество, кружевоплетение. Изделия, изготовленные насельницами обители, демонстрировались на российских и международных выставках, некоторые из них

хранятся в фондах Государственного Русского музея в Санкт-Петербурге.

В 1926 году монастырь закрыли, хотя церковные службы там продолжались еще десять лет. В 1936-м постройки обители занял местный совхоз. Впоследствии неоднократно высказывались мнения о необходимости спасти этот уникальный архитектурный ансамбль. Однако реставрационные работы начались лишь в 1980-х годах. А в 1991-м комплекс зданий Свято-Никола-Чернеевского монастыря передали Рязанской епархии, и он был возрожден вновь как мужской.

¹Дубасов И. И. Очерки из истории Тамбовского края. Вып. 2. М., 1883.

²Черниев Николаев монастырь. Харьков, 1849. С. 3–4.

³Там же. С. 5.

⁴Там же. С. 7–8.

⁵Там же.

⁶Бронеvский В. Б. Описание Донской земли, нравов и обычаев жителей. Ч. III. СПб., 1834. С. 126.

⁷Черниев Николаев монастырь. С. 11–12.

⁸Дубасов И. И. Указ. соч.

⁹Донской православный вестник. Новочеркасск, 1915. С. 465–470.

¹⁰Дубасов И. И. Указ. соч.

¹¹Донской православный вестник. Новочеркасск, 1915. С. 580–586.

¹²Тамбовские губернские ведомости. 1883. № 38–40.

¹³Вагнер Г. К., Чугунов С. В. Рязанские достопамятности. М., 1989. С. 74–75.

¹⁴Государственный архив Рязанской области. Ф. 974, оп. 2, д. 22, л. 2.

¹⁵Черниев Николаев монастырь. С. 23–25.

¹⁶Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911. С. 806.

АССОЦИАЦИЯ
"НАРОДНЫЕ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ПРОМЫСЛЫ РОССИИ"

специализированный
СВК выставочный
комплекс
ВВЦ

V ФЕСТИВАЛЬ
НАРОДНЫХ МАСТЕРОВ И ХУДОЖНИКОВ РОССИИ

ЖАР-ПТИЦА

ВВЦ, павильон №69

15-19 апреля 2010г.

В рамках Фестиваля:
выставка "Сокровища Севера"

Ассоциация коренных
малочисленных народов
Севера, Сибири и
Дальнего Востока России

Время работы выставки:

15 апреля: с 12.00 до 19.00

16-18 апреля: с 11.00 до 19.00

19 апреля: с 11.00 до 15.00

Тел: (499)124-08-09, 124-25-44; (495) 544-34-16

Факс: (499)124-63-79, 760-33-78

www.nkhp.ru, www.svkvvc.ru

e-mail: nkhp@mail.ru, ast@svkvvc.ru

Екатерина Адольфовна Берг

«ВДОХНОВЛЕННЫЙ УВИДЕННЫМ»

О белорусском художнике
Алекandre Николаевиче Захаренко

А. Н. Захаренко родился в белорусской деревне Березки в 1964 году. Художественные способности его проявились рано; в детстве, по его словам, он, «вдохновленный увиденным», рисовал даже на свежепобеленной печи.

В 1982 году после окончания школы (с золотой медалью) Александр поступает в Бобруйское художественное училище. Учебу прервала служба в армии. После демобилизации он возвращается в училище и заканчивает его с красным дипломом (1986).

С 1996 года Александр Николаевич начинает преподавать сначала в детской школе искусств в городе Костюковичи, потом в других местах; все это время он ни на день не расставался с красками и кистями. За время его преподавания в ДШИ (1996—2009) выпущены десятки дипломантов областных, республиканских и международных конкурсов.

На первый взгляд, полотна Александра Захаренко — неброские, «тихие», но это впечатление скоро проходит, ибо посредством именно таких красок — мягких и дымчатых — художник передает всю глубину своего вос-

приятия природы с присущей ему лиричностью и деликатностью.

А. Н. Захаренко неоднократно становился победителем областных туров и обладателем дипломов республиканских смотров-конкурсов методических и творческих работ преподавателей детских художественных школ и колледжей республики. Награжден памятным знаком «2000 лет христианству» (2000), дипломом международного конкурса «Космос и Я» (2005). Участник международных пленэров (2006—2009) и меж-

дународного конкурса имени В. Е. Попкова в Москве (2009), а также многих республиканских и зарубежных выставок, в том числе персональных. Работы А. Н. Захаренко находятся в Могилевском областном художественном музее имени П. В. Масленикова, Министерстве культуры Республики Беларусь, галерее православной живописи при храме Христа Спасителя в Москве, штаб-квартирах ЮНЕСКО и ОБСЕ, галерее города Франкфурт-на-Майне и в мэрии города Дитценбах (Германия), в картинной галерее города Унеча (Россия), в частных собраниях.

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

Серебристый день. Оргалит, масло. 2009 год

*Зимнее настроение.
Оргалит, масло. 2009 год*

*Иней предзимья.
Холст, масло. 2007 год*

Белая печаль (Свято-Троицкий собор в селе Сомотевичи Могилевской области). Холст, масло. 2007 год

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

*Засеребрились горные дали.
Холст, масло. 2009 год*

Предзимье. Холст, масло. 2009 год

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

*Под звездной крышей.
Холст, масло. 2009 год*

*Колядники.
Холст, масло. 2009 год*

*Вечер в Карнатах.
Холст, масло. 2009 год*

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

*Небо горит на закате.
Холст, масло. 2009 год*

Белые березы. Холст, масло. 2009 год

ISSN 0868-7110

9 770868 711004

ИНДЕКС 73371

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**Судьба захоронения
героя
Отечественной войны
1812 года
Петра Ивановича
Багратиона
(1765–1812)
на Бородинском поле**

**О забытом ныне маршруте (через Звенигород)
Старой Можайской дороги**